

ОНС

ISSN 0869-0499

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

4

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY
WORLD

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

О Н С

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

4

2023

Москва

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

**The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year**

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

4

2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громько Ал. А. член-корр. РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е. В. к. филос. н., в. н. с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. д. и. н., декан исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)

Валентей С. Д. д. э. н., профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)

Дынкин А. А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Кокошин А. А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В. М. академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Торкунов А. В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И. О. член-корр. РАН, д. э. н., директор Института Африки РАН (Москва, Россия)

Байсингер Марк Р.

(Beissinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)

Буторина О. В. член-корр. РАН, д. э. н., зам. директора Института Европы РАН (Москва, Россия)

Войтоловский Ф. Г. член-корр. РАН, д. полит. н., директор ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Габов А. В. член-корр. РАН, д. ю. н., г. н. с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН (Москва, Россия)

Гарбузов В. Н. член-корр. РАН, д. и. н., г. н. с. Института США и Канады РАН (Москва, Россия)

Глинчикова А. Г. д. полит. н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)

Дискин И. Е. д. э. н., с. н. с. Высшей школы экономики, заместитель председателя Научного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)

Кондаков И. В. д. филос. н., в. н. с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)

Либман А. М.

(Libman) профессор Свободного университета Берлина (Берлин, Германия)

Наумкин В. В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Нестик Т. А. д. психол. н., г. н. с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Паин Э. А. д. полит. н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Петренко В. Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Порфирьев Б. Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Синеокая Ю. В. член-корр. РАН, д. филос. н., заместитель директора Института философии РАН (Москва, Россия)

Фомин-Нилов Д. В. к. и. н., и. о. ректора Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина (Бишкек, Киргизия)

Хабриева Т. Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Чубарьян А. О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Яковлев А. А. к. э. н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2023

© Составление. Редколлегия журнала «Общественные науки и современность», 2023

Издатель: Российская академия наук, 119991, г. Москва, Ленинский просп., 14

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-130-22 ООО «Объединённая редакция»,

109028, г. Москва, Подкопаевский пер., д. 5, каб. 6

Адрес редакции: Мароновский пер., 26, каб. 310, Москва, 119049

Тел. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru

Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Professor of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)

Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)

Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)

Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

Feodor Voitlovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)

Valery Garbuzov Corresponding Member of the RAS, Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

Isif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)

Aleksandr Libman Professor of FU Berlin (Berlin, Germany)

Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)

Julia Sineokaya Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS (Moscow, Russia)

Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Acting Rector of the Kyrgyz Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyzstan)

Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)

Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2023

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2023

Publisher: Russian Academy of Sciences
 Executor under contract No. 4Y-3A-130-22 LLC "United Editorial Office",
 109028, Moscow, Podkopaevsky lane, 5, office 6
 Address: Maronovskiy pereulok, 26, office 310, Moscow, 119049, Russia.
 Tel. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru.
 Website: <https://ons-journal.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Давыдов Д.А.** Левая идеология новых элит: от роскошных убеждений к универсальному гуманизму 7
- Игнатъев В.Г.** Перезагрузка социальной реальности в пространстве квантифицированных символических объектов: «онтологизация цифры» 22

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

- Агамирова Е.В., Жарова Е.Н., Малахов В.А.** Проблемы и перспективы развития общественных и гуманитарных наук в системе научных знаний 35
- Паин Э.А.** Конструктивизм и примордиализм: взаимодополняющие методологии в этнологии и социологии 53

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- Романова Т.А., Коцур Г.В.** Суверенитет как выход из коллективной тревоги: дискурс ЕС о деньгах, здоровье и продовольствии 68
- Шепель Т.С., Горбоконь Б.В.** Экономика США: «симптомы» рецессии и «болезни» высокотехнологичных отраслей 81

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Парма Р.В.** Амбивалентные эффекты общественного участия в пространстве цифровых коммуникаций: дискурсивное поле современных исследований 96
- Туркулец А.В., Туркулец С.Е.** Русофобия в контексте социальной стигматизации 109

ГЕНДЕРНЫЕ ИСЛЕДОВАНИЯ

- Брушкова Л.А.** Гендерный разрыв в федеральных органах власти в условиях повышения экономической роли женщин в современной России 123
- Ильинская С.Г., Сирина Е.А.** Гендерные аспекты цивилизационного подхода (новые горизонты междисциплинарности) 135

CONTENTS

SOCIAL PHILOSOPHY

- Davydov D.** The Left-Wing Ideology of the New Elites:
From Luxury Beliefs to Universal Humanism 7
- Ignatyev V.** Rebooting Social Reality in the Space of Quantified
Symbolic Objects: “Ontologization of the Figure” 22

ISSUES OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

- Agamirova E., Zharova E., Malakhov V.** Problems and Prospects of the Development
of Social and Human Sciences in the System of Scientific Knowledge 35
- Pain E.** Constructivism and Primordialism: Complementary Methodologies
in Ethnology and Sociology 53

WORLD ECONOMY

- Romanova T., Kotsur G.** Sovereignty as a Way Out of Collective Anxiety:
The EU’s Discourse on Money, Health, and Food 68
- Shepel T., Gorbokon B.** The US Economy: “Symptoms” of a Recession
and the “Diseases” of High-Tech Industries 81

POLITICAL PSYCHOLOGY

- Parma R.** Ambivalent Effects of Public Participation in the Space
of Digital Communications: The Discursive Field of Contemporary Studies 96
- Turkuletc A., Turkulets S.** Russophobia in the Context of Social Stigma 109

GENDER STUDIES

- Brushkova L.** Gender Gap in the Federal Government Authorities under
Conditions of the Rising Economic Role of Women in Modern Russia 123
- Ilinskaya S., Sirina E.** Gender Aspects of the Civilizational Approach
(New Horizons of Interdisciplinary Research) 135

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

Оригинальная статья/ Original article

Левая идеология новых элит: от роскошных убеждений к универсальному гуманизму

© Д.А. ДАВЫДОВ

Давыдов Дмитрий Александрович, Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), davydovdmitriy90@gmail.com. ORCID: 0000-0001-7978-9240

Обосновано, что большая часть современных западных левых политических дискурсов представляют собой идеологию новых, «постбуржуазных» элит. Она включает в себя смесь из концептов, обусловленных постматериалистическими ценностями «когнитивных» элит и «креативного класса». Отмечено, что значительная часть левых прогрессивных идей (включая интерсекциональный марксизм) приводят к политике, которая противоречит интересам бедных и социально уязвимых граждан. Показано, что данное противоречие порождено не только лицемерием новых элит, для которых левые идеи стали способом демонстрации своего статуса («роскошные убеждения»). Ключевая проблема заключается в том, что общество движется к посткапитализму неравномерно. В то время как классический марксизм предполагал первостепенную важность удовлетворения базовых потребностей всех без исключения, сегодня лишь относительное меньшинство индивидов достигает состояния «экзистенциальной безопасности». Данное меньшинство проникается коммунистическими ценностями, однако их антибуржуазный универсальный гуманизм с его широким спектром целей (от идеи «открытых границ» до защиты прав и возможностей «нечеловеческих животных») часто не актуален в мире, в котором большинство людей все еще сталкиваются с материальной нуждой и дефицитом.

Ключевые слова: посткапитализм, коммунизм, антикапитализм, постматериализм, левые, господствующий класс, классовая борьба, аболиционизм, персоналиат, роскошные убеждения, универсальный гуманизм

Цитирование: Давыдов Д.А. (2023) Левая идеология новых элит: от роскошных убеждений к универсальному гуманизму // Общественные науки и современность. № 4. С. 7–21. DOI: 10.31857/S0869049923040019, EDN: OYRQIM.

The Left-Wing Ideology of the New Elites: From Luxury Beliefs to Universal Humanism

© D. DAVYDOV

Dmitriy A. Davydov, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the RAS (Ekaterinburg, Russia), davydovdmitriy90@gmail.com. ORCID: 0000-0001-7978-9240

Abstract. It is substantiated that most of the modern Western left-wing political discourses constitute the ideology of new, “post-bourgeois” elites. This ideology is a mixture of concepts conditioned by the post-materialist values of the “cognitive” elites and the “creative class”. It is noted that a significant part of left-wing progressive ideas (including intersectional Marxism) leads to policies that counter the interests of a significant portion of the poor and socially vulnerable people. It is shown that the hypocrisy of the new elites, for whom leftist ideas have become a way of demonstrating their status (“luxury beliefs”), is not the only reason for this contradiction. The key problem is the unevenness of the movement towards post-capitalism. While classical Marxism assumed the primary importance of meeting the basic needs of everyone without exception, today only a relative minority achieved the state of “existential security”. This elite minority is imbued with communist values, but their anti-bourgeois universal humanism with its’ wide range of goals (from the idea of “open borders” to the protection of the rights and opportunities of “non-human animals”) is often not relevant in the context of the world in which many people still face material need and scarcity.

Keywords: post-capitalism, communism, anti-capitalism, post-materialism, left-wing ideology, ruling class, class struggle, abolitionism, the personaliat, luxury beliefs, universal humanism

Citation: Davydov D. (2023) The Left-Wing Ideology of the New Elites: From Luxury Beliefs to Universal Humanism. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 7–21. DOI: 10.31857/S0869049923040019, EDN: OYPQIM.

Введение

Фраза «левая идеология новых элит» звучит как оксюморон. Действительно, «левизну» в современном политическом спектре ассоциируют с марксизмом или с анархизмом, с защитой интересов социально уязвимых и угнетенных. Левые всех мастей все чаще сходятся во мнении, что системы угнетения пересекаются (концепт интерсекциональности), в связи с чем необходимо синтезировать различные левые идеи, привести их к некому общему знаменателю. Как писал американский социолог Э.О. Райт в своей последней книге, несмотря на то, что левые движения опираются на разнообразную социальную базу (от промышленного рабочего класса до иммигрантов, чернокожих, женщин, ЛГБТК+ сообщества), всех их могут объединять общие ценности в моральной критике капитализма: равенство/справедливость, демократия/свобода и общность/солидарность [Wright 2021]. Американский социолог В. Чиббер, последователь Э.О. Райта, также говорит о необходимости расширять социальную базу марксизма. По его мнению, следует бороться со всеми видами социального угнетения, учитывать расовое и гендерное доминирование [Chibber 2022]. Британский исследователь Дж. Гилберт считает, что социализм XXI в. должен «опираться на наследие различных движений – против расизма и империализма, за освобождение женщин и гомосексуалов» [Gilbert 2020].

Можно по-разному приоритизировать интерсекциональную сеть угнетений и эксплуатации. Однако очевидно, что западная левая политическая мысль сильно сдвинулась

в сторону самых разных тематик от классовой борьбы (если под ней понимать столкновение интересов рабочего класса и буржуазии). Ряд авторов и вовсе говорит о «левом популизме». Бельгийский политический философ Ш. Муфф призывает конституировать «народ», созданный через построение «цепи эквивалентности» среди разнообразия демократической борьбы вокруг вопросов эксплуатации, господства и дискриминации. Такая «стратегия означает подтверждение важности “социального вопроса”, принимая во внимание растущую фрагментацию и разнообразие “рабочих”, а также специфику различных демократических требований, связанных с феминизмом, антирасизмом и проблемами ЛГБТК+» [Mouffe 2022, 14]. Схожей логики придерживаются левые интеллектуалы Н. Срничек и А. Уильямс, которые, правда, больше фокусируются на экономических тематиках вроде «посттруда», базового дохода и т. п. [Srnicek, Williams 2016]. Список возможных направлений «интерсекционального синтеза» постоянно расширяется. В него включают не только права и социально-экономическое положение женщин, представителей ЛГБТК+ сообщества и небелых, но и права и возможности коренных народов, пожилых людей (антиэйджизм), инвалидов (антиэйблизм), людей с избыточным весом, иммигрантов (как легальных, так и нелегальных), животных (или, как сейчас говорят на Западе, нечеловеческих животных). Отдельно выделяют проблему глобального потепления, которую все чаще характеризуют как наиболее острую и требующую срочного решения.

Тем не менее, есть основания считать, что большую часть из всего этого многоголосья левых дискурсов нельзя полноценно отнести к какой-то единой политической категории. Точнее, они относятся к «левым» в наиболее широком смысле: выражают интересы прогрессивных сил, которые стремятся обновить общество. Однако в таком смысле буржуазия в начале своего зарождения тоже была «левой», так как она разрушала старые порядки. Данные дискурсы нельзя считать левыми, если под «левизной» понимать исключительно выражение стремлений обездоленных и эксплуатируемых, борьбу за расширение их возможностей. В работе будет показано, что многие левые дискурсы, претендующие на интерсекциональную универсальность, де-факто выражают интересы новых, посткапиталистических элит. Последние, в свою очередь, не всегда сочетаются с интересами весомой части наиболее бедных и социально уязвимых слоев общества. Движение к посткапитализму на самом деле происходит, но отнюдь не тем путем, который предполагали классики марксизма.

Путь к посткапитализму, минуя революцию рабочего класса

Классическое марксистское представление о революции, которая приводит к новой прогрессивной стадии развития человечества (коммунизму), можно свести к простой схеме: эксплуатируемый класс рабочих, наиболее уязвимый с социально-экономической точки зрения (если не считать выключенных из общественного производства люмпенов), низвергает господствующий класс буржуазии путем демократических реформ или прямой политической революции. Только так может произойти переход от «царства необходимости» к «царству свободы». Суть коммунизма заключается в том, что все должны перестать нуждаться в самом необходимом, в результате чего люди станут полноценными субъектами деятельности. В таком состоянии их не будет заботить повседневная борьба за существование, вынуждающая людей видеть в других людях средство, а не цель. Свобода от необходимости представляет собой свободу от экономики (см. [Кондрашов 2016]), которая позволяет индивиду посвятить свою жизнь «нематериальному»: духовному развитию себя и других, творчеству, заботе о природе, самореализации.

Однако данный сценарий – только один из возможных путей к «царству свободы» и, соответственно, посткапитализму. Его можно условно обозначить как «хороший». Существует и «плохой» путь – это постепенное расширение «доступа» к «царству свободы», но далеко не для всех.

Как будет показано далее, сегодня наблюдается скорее второй вариант становления посткапиталистического общества. По историческим меркам беспрецедентная часть общества освобождается от «цепей необходимости», что вызывает качественные социокультурные преобразования. Люди все чаще занимаются духовным развитием, творчеством, самореализацией, оставаясь субъектами капиталистического мира лишь в меру необходимости (например, чтобы заработать на жизнь, но исключительно в той степени, чтобы освободить время под деятельность по-настоящему ценную). Такому переходу способствовало множество факторов, но основная причина заключается в том, что общий прогресс улучшает качество жизни, позволяя минимизировать время пребывания в капиталистическом мире труда, зарабатывания денег и консьюмеристского благополучия. Можно трактовать эту трансформацию как благо, нечто вроде «капиталистического пути к коммунизму». В конце концов, нет ничего плохого в том, что люди постепенно становятся свободнее в материальном смысле и могут посвящать все больше времени творчеству, саморазвитию, гражданской деятельности и другой активности, не обремененной тяжелыми трудовыми обязательствами.

Проблема заключается в приоритетах. В ситуации «экзистенциальной безопасности» люди перестают мыслить в классовых категориях – их начинают волновать вопросы, не связанные с выживанием. Однако решение подобных вопросов требует серьезных материальных ресурсов – в них остро нуждается другая часть населения, которая по-прежнему живет в капиталистической реальности, повседневно добывая средства к существованию.

В данном контексте можно вернуться к изначально поставленной проблеме о том, все ли современные левые дискурсы по-настоящему левые, и какую роль в их формировании играют новые элиты.

Новые элиты и их интересы

Историю возникновения и постепенного возвышения «постбуржуазных» элит резонно представить не как процесс разрыва с прошлым, а как медленный эволюционный отбор, в рамках которого старые капиталистические элиты частично «мутировали», что способствовало видовым изменениям («синтез элит»). Американский социолог Д. Белл ассоциировал посткапитализм с возвышением класса образованных профессионалов в условиях постиндустриального общества. Он считал, что будущее отнюдь не за капиталистами как собственниками средств производства (владельцами «физического капитала»), а за наиболее образованными и компетентными меритократическими или технократическими элитами [Белл 2004]. Прогноз ученого оказался верным: сегодня многие авторы изучают проблему меритократического характера современных элит (см. [Sandel 2020; Markovits 2019]) и указывают, что наиболее богатыми все чаще становятся не капиталисты, а «исключительные» наемные работники. Примечательно, что Белл был склонен критиковать марксизм, так как он считал, что посткапитализм приведет лишь к смене элит при радикальном неравенстве талантов – автор позаимствовал эту идею из известной антиутопии М. Янга «Возвышение меритократии» (1958 г.). В дальнейшем различные авторы развили данное направление мысли. Посыл оставался неизменным – постбуржуазность не означает обязательного эгалитаризма и социального равенства. К примеру, в начале 2000-х гг. американский экономист Р. Флорида разработал теорию «креативного класса»,

представители которого занимаются творческим «трудом», однако сохраняют статус переломной, элитной социальной прослойки (хотя внутри этого класса есть свои победители и проигравшие) [Флорида 2016].

По мере становления информационных и постиндустриальных обществ и соответствующей реконфигурации элит наблюдались широкие ценностные сдвиги, которые больше всего затронули именно представителей элитных прослоек. Послевоенный экономический рост, развитие институтов государства всеобщего благосостояния и научно-технический прогресс позволили обеспечить «экзистенциальную безопасность» для большей части развитого мира. Наиболее преуспевающей части человечества все меньше приходилось думать о средствах к существованию, в то же время рос их интерес к самореализации, самовыражению, гражданским правам и свободам, окружающей среде.

Американский социолог Р. Инглхарт с 1970-х гг. регулярно демонстрировал сдвиг от «материалистических» к «постматериалистическим» ценностям («тихая революция»), опираясь на данные международных социологических опросов [Inglehart 1977; 1997]. Типичный «материалист», сторонник авторитарного порядка, считает наиболее актуальными экономические проблемы, выступает за протекционизм и традиционные ценности. Типичный постматериалист расценивает демократию как высшую ценность, он терпим и открыт, склонен бороться за права представителей ЛГБТК+ сообщества, приветствует этническое и религиозное разнообразие, выступает за открытые границы и космополитизм, а также часто задумывается о проблемах, вызванных чрезмерным потреблением и экономическим ростом, вроде глобального потепления [Norris, Inglehart 2019].

Соответственно, с одной стороны весомая часть общества по-прежнему страдает от острой экономической нужды. С другой стороны, растет прослойка постматериалистов, для которых приоритетнее иные проблемы. Они составляют преобладающую часть новых элит, так как образованные и творческие люди больше ценят свободу и социальное разнообразие, новые возможности самовыражения. Ловушка заключается в том, что политические дискурсы постматериалистов легко мимикрируют под левый идейный проект: капитализм можно обвинять не только в материальной бедности рабочего класса, но и в системном («культурном») угнетении (расизме, сексизме и т. д.), загрязнении природы, антропоцентризме и других проблемах. Соответственно, сегодня часто встречаются попытки сконструировать интерсекциональную версию марксизма [Bohrer 2019]. В данном контексте следует задать вопрос о том, в какой очередности следует решать проблемы, порожденные капитализмом, и как расставлять приоритеты в этом процессе.

Противоречия стали очевидны еще на заре постматериализма. Как показывает в своей книге «Долгий '68» британский историк Р. Вайнен, «контркультурные» протесты «новых левых», базу которых составляли молодежь и студенты, сильно контрастировали с профсоюзной борьбой рабочего класса. Простые работяги значительно расходились в интересах с молодыми представителями среднего класса, многие из которых были знакомы с трудами классиков неомарксизма (хотя вторые и пытались всячески «внедриться» в ряды первых). «Люди 68-ого» занимались вопросами, которые не вовлекали их в прямые конфликты с капитализмом, – расовыми, гендерными, экологическими. «Несмотря на расхождения об интересах пролетариата, – пишет Вайнен, – многие из лидеров 68-ого все-таки принадлежали к среднему классу. Кроме того, важными особенностями 1980-х годов стали, с одной стороны, успех левых из среднего класса, которые сосредоточились на культурной проблематике, и одновременно поражение левых из рабочего класса, которые ориентировались на социальные требования» [Вайнен 2020, 459]. Приведенное замечание остается актуальным и сегодня. Многие исследователи пишут о том, что современные левые круги слишком мало уделяют внимания категории класса, отвлекая политиче-

ское внимание общественности на «культурные» вопросы вроде «системного угнетения» (расизм, сексизм, эйджизм, эйблизм и пр.) [Кагарлицкий 2017; Embery 2020].

«Прогрессивная» часть общества переносит политическое внимание в область постматериального, вытесняя вопросы бедности и социально-экономического неравенства на второй план. Следовательно, интересы постматериалистов вступают в прямое столкновение с интересами «материалистов». Как будет показано далее, соответствующая ситуация встречается часто. Если индивид сыт, не испытывает нужды в элементарных благах, образован и востребован в условиях глобальной экономики, ему гораздо проще занимать аскетическую антибуржуазную позицию (например, критикуя консьюмеризм в рамках борьбы с глобальным потеплением). Он также более открыт для новых (относительно «старой» левой повестки) и экспериментальных, но достаточно рискованных с экономической и политической точки зрения явлений: привлечение беженцев и трудовых мигрантов в страну, максимизация культурного и религиозного разнообразия и др.

Исследование политической жизни элитных пригородов Бостона (расположены рядом с «Шоссе № 128») в 1960–80-х гг., проведенное профессором истории Л. Гейсмер, продемонстрировало проблемы постматериалистической «тихой революции». В них (Лексингтон, Ньютон и др.) обитал тот самый «образованный» и «креативный» класс. Его представители работали в высокотехнологичных отраслях и университетах вроде Кембриджа и Массачусетского технологического института. Они преимущественно разделяли прогрессивные ценности антирасизма, феминизма, защиты окружающей среды и др.

Однако, как показывает Л. Гейсмер, постматериализм и антибуржуазность новых элит постоянно оборачивались ограниченностью и слепотой по отношению к более фундаментальным проблемам, порождающим бедность. Так, жители пригородов озаботились вопросом расовой сегрегации в школах: в пригородных учебных заведениях качество образования лучше, чем в бедных районах Бостона с большой концентрацией чернокожего населения. Тем не менее, принятые меры ограничивались выделением небольшой квоты для чернокожих в пригородных школах, которые финансировались не из местного бюджета. Детей перевозили из Бостона на автобусах. Более радикальные предложения, например, строительство недорогого жилья для семей афроамериканцев, встретили протест местных жителей, которые беспокоились о возможном снижении стоимости своих домов, – в США количество чернокожих в районе обратно пропорционально коррелирует со стоимостью недвижимости. Любые предложения, которые могли бы реально расширить доступ бедных к инфраструктуре пригородов, постоянно отвергали. Подчас такие отказы оправдывали экологической повесткой: под предлогом защиты окружающей среды муниципалитеты выкупали открытые пространства для новых парковых зон, что способствовало дальнейшему росту цен на пригородную недвижимость и, соответственно, сегрегации. Борьба за гражданские права ограничивалась терапевтическими, а не системными мерами (попытки преодолеть «стереотипы», убеждая риелторов разрешить продажу домов отдельным состоятельным чернокожим, и др.) [Geismer 2014].

Кейс пригородов «Шоссе 128» показателен в контексте происходящего сегодня в больших масштабах. Однако с тех пор левые постматериалистические дискурсы стали более радикальными и «более марксистскими».

От «роскошных убеждений» к универсальному гуманизму

Американский экономист Т. Веблен в книге «Теория праздного класса» (1899 г.) описывал феномен демонстративного потребления. Оно присуще буржуазному классу, ведущему праздный образ жизни. Представители этой группы способны демонстрировать свой

статус с помощью «беспольных» дорогих вещей и изысканных манер. Именно денежный капитал или покупательная способность были определяющим фактором для вступления в класс «праздных» [Веблен 1984]. Как считал Веблен, социальные механизмы в основе статусных иерархий с праздным классом во главе возникли достаточно давно – они не порождены одним лишь капитализмом. Многие «непроизводительные» сферы деятельности элит считались крайне почетными до капитализма: война, спорт, охота. Их ассоциировали с честью, благопристойностью, незапятнанностью тяжелым или рутинным трудом.

Может ли у посткапиталистического общества быть свой «праздный класс» или его аналог? Сегодня многие исследователи выстраивают концепции, которые либо очень похожи на концепцию Веблена, либо напрямую на нее ссылаются. Однако они описывают уже не буржуазию. Американский журналист Д. Брукс в 2000 г. предложил термин «бобо» (буржуазная богема). В этой социальной прослойке можно увидеть прямое воплощение постматериализма «образованного класса». Сдержанность и материализм старых буржуазных элит постепенно заменялись божественным самовыражением, стремлением разрушить любые препятствия перед свободной творческой личностью («жизнь как сплошная аспирантура»). Буржуазное накопительство, в свою очередь, замещается постоянной тратой денег на новые впечатления, а бизнес превращается в процесс раскрытия своего потенциала с целью изменения мира [Брукс 2013].

Сегодня можно сделать вывод, что «бобо» были промежуточным социальным образованием, «мостом» между буржуазией и новыми элитами. Американская исследовательница Э. Каррид-Халкетт через 17 лет после Брукса выделила уже амбициозный (aspirational) класс. «Бобо» пытались примирить свои нематериалистические и контркультурные ценности с вновь обретенным богатством, что приводило к дорогостоящим потребительским привычкам (добродетельно потратить 25 тыс. долларов на ванную комнату, но вульгарно платить 15 тыс. долларов за аудиосистему и широкоэкранный телевизор). Представители этого нового класса, который состоит в основном из образованных элит, дистанцируются от обычных материальных благ не потому, что их не устраивает богатство, а из-за того, что они не считают материальные блага подтверждением статуса. «Именно стремление членов амбициозного класса приобретать знания и использовать эту информацию для формирования социально и экологически сознательных ценностей отличает их от всех остальных, что приводит к тому, что помидор ценой в 2 доллара, выращенный на семейной ферме, является более символически весомым, нежели белый Range Rover», – пишет автор [Currid-Halkett 2017]. Материальные ценности стали слишком доступными для широких слоев населения. Они уже не сигнализируют об уровне благополучия, который принципиально недоступен низшим слоям. Дорогую машину или одежду можно купить в кредит или приобрести подделку, трудно отличимую от оригинала. Гораздо сложнее обрести ценности, которые требуют высокого уровня образования или соответствующего культурного развития.

Новые элиты демонстрируют статус, обеспечивая качественное образование своим детям или высвобождая время для саморазвития посредством «невидимых» благ вроде найма домработниц. Еще сильнее их выделяет гражданская позиция, которая состоит из набора постматериалистических приоритетов: от борьбы за гражданские права «угнетенных» до экологической «просвещенности». Нетрудно увидеть среди представителей амбициозного класса большую часть «культурных» марксистов или сторонников синтеза интерсекциональности и марксизма (например, различные левые «критические теории») активно распространяются в университетских кампусах [Pluckrose, Lindsay 2020]).

Тем не менее, речь по-прежнему идет об элитах – людях, чье материальное положение остается привилегированным. Э. Каррид-Халкетт замечает, что «левизна» амбициозного

класса может способствовать прогрессивным изменениям (например, добродетельные покупки экопродуктов), однако она также способна порождать огромное количество проблем. Так, через свой тонкий и «незаметный» выбор того, как тратить, как себя вести и что ценить, представители амбициозного класса укрепляют особое социокультурное (и часто экономическое) положение своих детей, формируя наследственную касту и оставляя всех остальных в стороне. Их уверенность в своих решениях и кажущаяся заслуженность собственного социального положения позволяет представителям этой прослойки не обращать внимание на возрастающее вокруг них экономическое неравенство.

Левая сознательность амбициозного класса в чем-то схожа с прогрессивностью жителей «Шоссе 128» 1960–80-х гг. Она точно также оторвана от реалий наиболее бедных слоев населения. Представители этого класса покупают более дорогие продукты в «зеленых» магазинах вроде Whole Food, где продают мясо с «гуманных» ферм или клубнику без пестицидов. Однако сами по себе такие магазины – это символы джентрификации, вытесняющей бедняков из «прогрессивных» районов по причине роста стоимости аренды. Общественное сознание, в котором продукты Whole Foods (и фермерские рынки) обладают большей ценностью, чем обычные, придает удовлетворению личных желаний и идентичности более высокую значимость, чем коллективным действиям для решения крупных социальных проблем. Левые антиглобалистские ценности амбициозного класса могут быть прогрессивными, если рассматривать их с позиций справедливой торговли, локализма и антиэксплуатации. Тем не менее, как отмечает Э. Каррид-Халкетт, есть нечто «наивное в их антииндустриальном и антиглобалистском настрое. Глобализация и свобода торговли, возможно, привели к перемещению некоторых рабочих, но они создали рабочие места во многих частях мира, остро нуждающихся в экономическом росте» [Currid-Halkett 2017, 121].

Докторант Кембриджа Р. Хендерсон развивает мысль Э. Каррид-Халкетт. Он разработал новый концепт «роскошных убеждений», на который сегодня все чаще ссылаются исследователи¹. Автор также развивает идею Веблена, применяя ее к современным элитам. Как отмечает Хендерсон, во времена Веблена люди демонстрировали свой статус изысканной одеждой или участием в великосветских мероприятиях (гольф, псовая охота и др.). Сегодня же материальные блага стали слишком зашумленным сигналом, в результате чего богатые люди связывают социальный статус не с благами, а с убеждениями. Первым же примером в его работе стало одно из актуальных направлений современных левых дискурсов: антиполицейский аболиционизм, который активизировался после протестов движения Black Lives Matter весной-летом 2020 г.². Действительно, появляется все больше трудов разной степени радикальности и принадлежности к марксизму, авторы которых критикуют американскую (и не только) полицию и выступают за сокращение ее финансирования (см. [Kaba, Ritchie 2022; Purnell 2021] и др.). Общая линия аргументации сводится к тому, что правоохранительные органы неэффективны, их сотрудники представляют собой часть системы, которая угнетает наиболее уязвимых (расовые меньшинства, представители ЛГБТК+ сообщества, женщины), а расходы на содержание полиции слишком высоки. Соответственно, данный институт нужно ликвидировать, вложив высвобожденные средства в развитие местных сообществ и «системное» предотвращение преступно-

¹ Например, ряд исследований показывает, что богатые либералы часто голосуют против своих экономических интересов за демократов. Для них ценности оказываются «роскошью», ради которых можно пренебречь собственными интересами [Enke, Polborn, Wu 2022].

² Henderson R. (2022) Luxury Beliefs are Status Symbols. The struggle for distinction. Rob Henderson's Newsletter. 12 Июнь. 2022 г. (<https://www.robkhenderson.com/p/status-symbols-and-the-struggle-for>).

сти (наим психологов и социальных работников для предотвращения конфликтов, борьба с бедностью и т. д.)³. В каком-то смысле временная частичная «ликвидация» полиции действительно произошла весной-летом 2020 г., когда огромное количество полицейских участвовало в подавлении массовых беспорядков, а их работа была настолько дискредитирована, что многие сотрудники уволились. Резко возросла преступность, в результате чего пострадали прежде всего небогатые чернокожие. Как отмечает одна из давних критиков мифа⁴ о повсеместном расизме в американской полиции Х. Мак Дональд, по меньшей мере 7484 афроамериканца были убиты в 2019 г., но уже в 2020 г. показатель возрос до 9941 (на 2457 больше по сравнению с предыдущим годом). Если в период с 2010 по 2019 гг. жертвами убийств становились в среднем 6927 чернокожих американцев, то в 2020 г. количество таких случаев возросло на 43% по сравнению со средним показателем за предыдущие 10 лет⁵. Р. Хендерсон указывает, ссылаясь на данные социологического опроса YouGov, что американцы с самым высоким доходом больше всего поддерживают лишение финансирования полиции. Они могут позволить себе занимать эту позицию, потому что живут в безопасных, часто закрытых сообществах и могут нанять частную охрану [Henderson 2022].

«Роскошные убеждения» чрезвычайно распространены. Так, тема экологии и глобального потепления сегодня становится для левых универсальным аргументом при критике капитализма. Глобальное потепление действительно существует, и потенциально оно может повлечь за собой негативные или даже катастрофические последствия. Однако до сих пор идут споры о том, не наносят ли попытки «лечить болезнь» больших увечий, чем сама «болезнь». Многим «прогрессивным» левым сложно признать, что «зеленая» энергетика пока еще значительно дороже традиционной (хотя стоит отметить, что солнечная и ветряная электроэнергия стремительно дешевеют).

Попытки целенаправленно форсировать переход к возобновляемым источниками энергии сильно бьют по карманам представителей социально уязвимых слоев населения, для которых любое повышение цен на коммунальные услуги становится существенной проблемой (к примеру, в Германии, активно внедряющей «зеленую» энергетiku, стоимость электроэнергии самая высокая среди развитых стран⁶). Есть основания считать, что полный «зеленый переход» либо невозможен вовсе, либо он повлечет за собой колоссальные глобальные экономические издержки. Одновременно бремя «зеленой экономики» ляжет преимущественно на развивающиеся страны и те государства, что острее всего нуждаются в дешевой энергии для повышения благосостояния своих граждан [Shellenberger 2020; Lomborg 2020]. До сих пор непонятна неприязнь левых «зеленых» к ядерной энергетике, которая способна значительно снизить потребление угля, нефти и газа.

Однако «зеленый» антикапитализм могут позволить себе живущие в развитых странах университетские интеллектуалы или активисты. Дискуссии о глобальном потеплении крайне актуальны для просвещенных посткапиталистических элит, но вряд ли в них

³ Данные спорные тезисы требуют отдельного внимания.

⁴ Исследование 2019 г., опубликованное в Proceedings of the National Academy of Sciences, не выявило никаких доказательств «античерного» различия между стрельбой со смертельным исходом со стороны полиции. Как у белых, так и у чернокожих людей гораздо больше шансов быть убитыми знакомыми представителями своей расы, чем быть застреленными полицией [Johnson et al 2019].

⁵ Colton E. BLM silent when confronted with data showing massive 2020 spike in Black murder victims. Fox News. 19.04.2022. (<https://www.foxnews.com/us/black-lives-matter-silent-2020-black-murder-spike-experts-blm-defund-contributed>).

⁶ Эффект зеленой энергетики: немцы доигрались до самой дорогой электроэнергии. EurAsia Daily. 15.01.2021. (<https://easdaily.com/ru/news/2021/01/15/effekt-zelenoy-energetiki-nemcy-doigralis-do-samoy-dorogoy-elektroenergii>).

заинтересованы жители деревни на другом конце света, основной вид энергетического ресурса в которой дрова и навоз. Соответственно, комментаторы, скептически настроенные по отношению к «зеленому алармизму», все чаще отсылают к концепту «роскошных убеждений»⁷.

Другой пример «роскошных убеждений» – «война против семьи», которую ведут некоторые современные радикальные феминистки. Так, своими нападка на «буржуазную семью» известна немецко-британский автор С. Льюис, выступающая за «полное суррогатное материнство» и «гестационный коммунизм», что подразумевает новое определение связи между матерью и ребенком [Lewis 2019]. По ее мнению, нужно уничтожить «гетеронормативность», полностью отказаться от родства и развивать отношения, которые можно охарактеризовать как товарищеские. С. Льюис считает, что воспитание детей должно быть общей обязанностью всего общества. Любые законные права родителей на «своих» детей следует упразднить, каждому ребенку нужно предоставить свободу выбирать свою судьбу: «семья должна быть упразднена, даже если к ней стремятся, мифологизируют, ценят и воплощают люди, не являющиеся ни белыми, ни гетеросексуалами, ни буржуями, ни колонизаторами» [Lewis 2022, 40]. Британская журналистка Л. Перри в этом контексте отмечает, что подобного рода «радикальная» критика не учитывает довольно негативную тенденцию последних лет. Сегодня 64% американцев из верхней трети шкалы доходов живут в первом браке, то есть они никогда не развелись, в то время как на нижней трети шкалы доходов в таком браке живут лишь 24% людей. Речь идет о воспитании детей в полных и неполных семьях. Исследования последних лет еще сильнее усложняют картину: «мальчики без отца чаще оказываются в тюрьме, девочки-подростки чаще беременеют, и, кроме того, у всех этих детей чаще возникают поведенческие и эмоциональные проблемы. И дело не только в отсутствии финансовой поддержки со стороны отца. Ведь перед матерями-одиночками вообще встает почти невозможная задача – справиться со всем самостоятельно: с заработком денег, а еще с попечением, социализацией и воспитанием детей» [Перри 2022, 265]. Возможно, в «светлом коммунистическом будущем» доступные детские сады и материальное изобилие позволят решить эту проблему, однако «левая» критика здесь и сейчас способствует разрушению семьи, которая выступает немаловажным фактором материального благополучия. Очевидно, что в данном примере левая идея несет в себе меньше потенциальных рисков для тех, кто не находится в нижней трети шкалы доходов.

Следует отметить, что концепт «роскошных убеждений» не раскрывает все стороны идеологии новых элит: постматериалистические ценности и идеологемы предстают исключительно как средства самовыражения богатых. Однако данный подход не отражает реальное положение дел. Многие сторонники современных левых идей не относятся к богатым слоям населения и искренне верят в то, о чем говорят. Основная проблема современных левых дискурсов не в лицемерии богатых, а в левых гуманистических ценностях. Классики марксизма предполагали, что эти идеи будут воплощены в жизнь скорее после, чем до освобождения от материальной нужды всех жителей планеты. В нынешней ситуации некоторая часть людей уже живет в соответствии с комму-

⁷ Научный сотрудник австралийского Института общественных дел Ц. Хасси отмечает: «На более высокие цены на электроэнергию богатые избиратели могут не обратить внимания. Они хотят, чтобы правительство взяло на себя обязательство по сокращению выбросов. Но для австралийцев из рабочего и среднего класса ликвидация их рабочих мест, опустошение их местных общин и энергетическая бедность являются слишком реальными последствиями политики, за которую они никогда не голосовали». В: Hussey C. The danger of “luxury beliefs”. Spectator Australia. 07.10.2021. (<https://www.spectator.com.au/2021/10/the-danger-of-luxury-beliefs/>).

нистическими идеалами в мире, который по-прежнему раздираем нуждой, дефицитом и ограниченностью базовых ресурсов. Левый гуманизм становится универсальным в ситуации, когда он должен быть прежде всего классовым. Типичным примером такого противоречия можно считать борьбу за права животных. Сегодня все больше левых авторов считают, что животные должны обладать полным набором прав и, что важнее, возможностей для процветания, ведь, по их мнению, они так же к чему-то стремятся, испытывают эмоции, обладают сознанием и т. д. [Nussbaum 2023]. Однако данная проблема не может быть решена без определенных ограничений: придется выбирать между благосостоянием и возможностями для максимального количества людей или всем тем же для максимального количества «нечеловеческих животных». Всякая активная борьба за права животных, страдающих от индустриальной цивилизации, в материальных условиях сегодняшнего дня неизбежно сталкивается с интересами людей, причем преимущественно наиболее бедных. В данной ситуации универсальный гуманизм порождает концептуальные противоречия.

Концепт «открытых границ» отражает один из центральных аспектов современного левого универсального гуманизма. Иммигрантов (как легальных, так и нелегальных) часто изображают жертвами глобального империализма. Левая этика призывает к отмене ограничений на иммиграцию. Противников неконтролируемой иммиграции объявляют фанатиками или фашистами, а Иммиграционная и таможенная полиция США (ICE) становится одной из главных мишеней американских аболиционистов [Uhlmann 2019]. Однако не все прогрессисты согласны с такой позицией. Дело в том, что в условиях крайне ограниченных ресурсов интересы левых активистов могут противоречить интересам их собственных соратников. Пока одни авторы считают, что США нужен миллиард жителей [Yglesias 2020], другие осознают, какую угрозу нерегулируемая иммиграция несет для экосистем Северной Америки [Cafaro 2015]. Здесь также возникает противоречие с нуждами бедных. Исследователи склонны считать, что иммиграция способствует росту ВВП, однако с влиянием иммиграции на уровень социально-экономического неравенства все сложнее. Можно предположить, что имеет место негативный эффект: неконтролируемый поток дешевой рабочей силы способствует «заморозке» минимальной заработной платы и снижает переговорную силу рабочих без высшего образования⁸. Исследователи пытались описать это явление математически, но из-за сложности учета многих переменных их изыскания приводили к противоречивым результатам.

В данной ситуации можно обратиться к опыту конкретных рабочих и к тем повседневным проблемам, с которыми они сталкиваются. Ф. Кафаро провел множество интервью с американцами без высшего образования и пришел к выводу, что все больше и больше таких людей испытывают трудности из-за конкуренции с нелегальными мигрантами и дешевизны их рабочей силы. Более того, сами иммигранты страдают от конкуренции с другими иммигрантами даже больше, чем коренные жители [Cafaro 2015]. Распространение дешевой рабочей силы иммигрантов отчасти объясняет, почему в США очень долгое время реальные доходы наиболее бедных практически не росли: они соглашались на любую зарплату, так как в противном случае их заместят иностранцами⁹.

⁸ Как показал исследователь из Гарварда Дж. Борхас, увеличение на 10% численности работников с определенным набором навыков, вероятно, снижает заработную плату этой группы по крайней мере на 3% [Borjas 2016].

⁹ Можно возразить, что данная точка зрения отражает интересы бедных, живущих в богатых странах, но не интересы бедных иммигрантов. Подобная позиция имеет свои основания: это крайне сложный вопрос, который требует отдельного рассмотрения. Следует отметить, что тактику «открытых границ» можно рассматривать и как способ спасти некоторую часть бедных из стран третьего мира. Однако она также представляет собой сво-

Можно привести много примеров того, как «роскошные убеждения» и универсальный гуманизм порождают дискурсы, которые противоречат либо друг другу, либо интересам значительной части бедного или социально уязвимого населения: от восстания против буржуазных сексуальных норм и уважения к «секс-работе» («тоже работе») до борьбы с тюрьмами. В подобных дискурсивных миксах из прогрессивных ценностей периодически механически и рутинно (для «галочки») упоминается рабочий класс с его материальными проблемами. Однако этот «рабочий класс» уже начинает осознавать, что называющие себя левыми движения в действительности мало что для него делают, но все в большей мере занимаются «потреблением» своих «роскошных убеждений» и считают себя истинными гуманистами в мире, в котором холодный прагматизм мог бы принести гораздо больше пользы.

Заключение

Путей к посткапитализму много. Его можно представить как общественную систему, которая выстраивается по мере целенаправленного вытеснения или даже разрушения капитализма. Однако посткапитализм может быть чем-то вроде «добавленной реальности»: его внутренние противоречия влетают в столь же противоречивое полотно капитализма. В таких условиях значительная часть людей может начать жить в соответствии с ценностями, о воплощении которых когда-то мечтали Маркс и Энгельс. Действительно, идеи уничтожения полиции (и отмирания государства следом за ней), открытых границ, упразднения буржуазной семьи, заботы об окружающей среде (экологическими вопросами К. Маркс тоже часто задавался [Foster 2015]) вполне могут соответствовать идеологии коммунизма. Нельзя сказать, что современные левые прогрессивные ценности не имеют к марксизму никакого отношения. Однако дьявол кроется в деталях. К. Маркс и Ф. Энгельс размышляли прежде всего о состоянии, при котором все жители планеты Земля обретут свободу от материальной нужды. Только после такой трансформации логично переходить к решению менее острых вопросов. Сегодня же наблюдается обратная ситуация: переход к посткапитализму сопровождается сдвигом приоритетов от «материального» к «нематериальному», причем руководят этим процессом представители немногочисленной социальной прослойки, для которой «материальное» уже не столь актуально. Иными словами, ценности, ныне относимые к левым, становятся идеологией новых (их можно также назвать «обновленными») элит, а не подавляющего большинства населения планеты, для которого время изобилия, открытости и разнообразия еще не наступило.

Упомянутые элиты объединяет ряд характерных черт: они хорошо образованы, часто востребованы в современной креативной экономике и не нуждаются в базовых материальных благах, поскольку их основные материальные потребности уже удовлетворены. Можно также добавить, что представители этого класса также обычно контролируют ключевые дискурсивные потоки: они широко представлены в университетах, СМИ, социальных сетях и в творческих профессиях (см. концепцию персоналиата [Давыдов 2021; 2022]). Прогрессивные ценности представляют собой часть конструируемых образов, позволяющих привлечь внимание к личности или сигнализировать о статусе (уровне

образный «пылесос», который вытягивает из развивающихся стран человеческий капитал (в массе мигрантов представлена не только необразованная дешевая рабочая сила, но и инженеры, врачи, учителя и прочие квалифицированные специалисты, ищущие более комфортных условий). Одной из рациональных левых стратегий могло бы быть не поощрение максимальной иммиграции в развитые страны, а создание условий для развития тех стран, откуда люди стремятся выехать.

образования, культурном бэкграунде и т. п.). Феномен «роскошных убеждений» примечателен тем, что наиболее богатые могут позволить себе придерживаться прогрессивных идей, в то время как для наиболее бедных подобная переориентация элит не приводит к положительным последствиям. Она или отвлекает внимание от классовой борьбы на менее значимые проблемы (например, борьбу за участие трансженщин в женском спорте в условиях разрушения всех преград на пути к самовыражению), или вовсе перераспределяет и без того скудные планетарные ресурсы на решение проблем, актуальных исключительно для постматериалистов.

Как было показано, не все проблемы современных левых дискурсов можно охарактеризовать исключительно с помощью концепта «роскошных убеждений». Даже если определенные левые идеологи (среди которых много марксистов) искренне верят в свои убеждения, их универсальный гуманизм может сильно контрастировать с миром ограниченных ресурсов, который требует правильной расстановки приоритетов, а подчас и холодного прагматического расчета. Иными словами, возможно, что многими ценностями «прогрессивных» левых стоит пожертвовать, чтобы вывести человечество из нищеты. В любом случае остается вопрос: о каких левых мы говорим?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Белл Д. (2004) Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 944 с.
- Bell D. (2004) *Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Moscow: Academia. 944 p. (In Russ.)
- Брукс Д. (2013) Бобо в раю: Откуда берется новая элита. М.: Ад Маргинем. 296 с.
- Brooks D. (2013) *Bobo v raju. Otkuda beretsja novaja jelita* [Bobo in Paradise: Where the New Elite is Coming From]. Moscow: Ad Marginem. 296 p. (In Russ.)
- Вайнен Р. (2020) Долгий '68. Радикальный протест и его враги. М.: Альпина нон-фикшн. 627 с.
- Vinen R. (2020) *Dolgij '68. Radikal'nyj protest i ego vragi* [The Long '68. Radical Protest and Its Enemies]. Moscow: Al'pina non-fikshn. 627 p. (In Russ.)
- Веблен Т. (1984) Теория праздного класса. М.: Прогресс. 368 с.
- Veblen T. (1984) *Teorija prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow: Progress. 368 p. (In Russ.)
- Давыдов Д.А. (2022) Классовое господство в эпоху посткапитализма. Часть 1. Этнос персоналиата // Социологические исследования. № 7. С. 142–152.
- Davydov D.A. (2022) *Klassovoe gosподstvo v jepohu postkapitalizma. Chast' 1. Jetos personaliata* [Class Domination in the Era of Post-Capitalism. Part 1: The Ethos of The Personaliat]. *Sociologicheskie issledovaniya*. no. 7, pp. 42–152. (In Russ.)
- Давыдов Д.А. (2021) Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: Рипол Классик. 336 с.
- Davydov D.A. (2021) *Postkapitalizm i rozhdenie personaliata* [Post-capitalism and the Birth of the Personaliat]. Moscow: Ripol Publ. 336 p. (In Russ.)
- Кагарлицкий Б.Ю. (2017) Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: ВШЭ. 280 с.
- Kagarlickij B.J. (2017) *Mezhdru klassom i diskursom. Levye intellektualy na strazhe kapitalizma* [Between Class and Discourse: Left Intellectuals in Defence of Capitalism]. Moscow: HSE Publ. 280 p. (In Russ.)
- Кондрашов П.Н. (2016) Какого же Маркса мы читаем? Часть 2 // Дискурс-Пи. № 3-4. С. 238–246.
- Kondrashov P.N. (2016) *Kakogo zhe Marksa my chitaem? Chast' 2* [Which Marx We Read? Part 2]. *Diskurs-Pi*. no. 3-4, pp. 238–246. (In Russ.)

- Перри Л. (2022) Темная сторона сексуальной революции. Переосмысление эпохи эротической свободы. М.: Издательство АСТ. 320 с.
- Perri L. (2022) *Temnaja storona seksual'noj revoljucii. Pereosmyslenie jepohij eroticheskoj svobody* [The Case Against the Sexual Revolution]. Moscow: AST publ. 320 p. (In Russ.)
- Флорида Р. (2016) Креативный класс: Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер. 384 с.
- Florida R. (2016) *Kreativnyj klass: Ljudi, kotorye sozdajut budushhee* [The Rise of the Creative Class]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. 384 p. (In Russ.)
- Bohrer A.J. (2019) *Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism*. Bielefeld: Transcript-Verlag. 280 p.
- Borjas G.J. (2016) *We Wanted Workers: Unraveling the Immigration Narrative*. New York: W.W. Norton & Company. 240 p.
- Cafaro P. (2015) *How Many Is Too Many? The Progressive Argument for Reducing Immigration into the United States*. Chicago: University of Chicago Press. 336 p.
- Chibber V. (2022) *Confronting Capitalism. How the World Works and How to Change It*. New York: Verso. 176 p.
- Currid-Halkett E. (2017) *The Sum of Small Things: A Theory of the Aspirational Class*. Princeton: Princeton University Press. 272 p.
- Embery P. (2020) *Despised: Why the Modern Left Loathes the Working Class*. Cambridge: Polity. 216 p.
- Enke B., Polborn M., Wu A. (2022) *Morals as Luxury Goods and Political Polarization*. Working Paper. (<https://www.hbs.edu/faculty/Pages/item.aspx?num=62425>)
- Foster J.B. (2015) *Marxism and Ecology. Common Fonts of a Great Transition // Monthly Review*. Vol. 67. No. 7. Pp. 1–13.
- Geismer L. (2014) *Don't Blame Us: Suburban Liberals and the Transformation of the Democratic Party*. Princeton: Princeton University Press. 392 p.
- Gilbert J. (2020) *Twenty-First Century Socialism*. Cambridge: Polity. 140 p.
- Inglehart R. (1977) *The Silent Revolution*. Princeton: Princeton University Press. 496 p.
- Inglehart R. (1997) *Modernization and Postmodernization*. Princeton: Princeton University Press. 464 p.
- Johnson D.J. et al. (2019) *Officer Characteristics and Racial Disparities in Fatal Officer-Involved Shootings // PNAS*. Vol. 116. No. 32. Pp. 15877–15882.
- Kaba M., Ritchie A. (2022) *No More Police: A Case for Abolition*. New York: The New Press. 400 p.
- Lewis S.A. (2019) *Full Surrogacy Now: Feminism Against Family*. New York: Verso. 224 p.
- Lewis S. A. (2022) *Abolish the Family: A Manifesto for Care and Liberation*. New York: Verso. 128 p.
- Lomborg B. (2020) *False Alarm: How Climate Change Panic Costs Us Trillions, Hurts the Poor, and Fails to Fix the Planet*. New York: Basic Books. 320 p.
- Markovits D. (2019) *The Meritocracy Trap: How America's Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite*. New York: Penguin Press. 448 p.
- Mouffe C. (2022) *Towards a Green Democratic Revolution: Left Populism and the Power of Affects*. New York: Verso. 96 p.
- Norris P., Inglehart R. (2019) *Cultural Backlash. Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press. 564 p.
- Nussbaum M.C. (2023) *Justice for Animals: Our Collective Responsibility*. New York: Simon-Schuster. 400 p.
- Pluckrose H., Lindsay J. (2020) *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody*. Durham, DC: Pitchstone. 352 p.

Purnell D. (2021) *Becoming Abolitionists: Police, Protests, and the Pursuit of Freedom*. New York: Astra House. 288 p.

Sandel M. (2020) *The Tyranny of Merit: What's Become of the Common Good?* New York: Farrar, Straus and Giroux. 288 p.

Shellenberger M. (2020) *Apocalypse Never: Why Environmental Alarmism Hurts Us All*. New York: Harper. 432 p.

Srnicek N., Williams A. (2016) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. New York: Verso. 272 p.

Uhlmann N. E. (2019) *Abolish ICE*. New York: OR Books. 128 p.

Wright E.O. (2021) *How to Be an Anticapitalist in the Twenty-First Century*. New York: Verso. 176 p.

Yglesias M. (2020) *One Billion Americans: The Case for Thinking Bigger*. New York: Portfolio. 288 p.

Информация об авторе

Давыдов Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН. Адрес: 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16. E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

About the author

Dmitriy A. Davydov, Candidate of Political Science, Senior Research Fellow, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law (Ural Branch of the RAS). Address: 620108, Russia, Ekaterinburg, Sofia Kovalevskaya st., 16,. E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Статья поступила в редакцию/ Received: 21.03.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 10.06.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 25.08.2023

Оригинальная статья/ Original article

Перезагрузка социальной реальности в пространстве квантифицированных символических объектов: «онтологизация цифры»

© В.И. ИГНАТЬЕВ

Игнатьев Владимир Игоревич, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия), ighnatiev.v@inbox.ru. ORCID: 0000-0003-3243-4404

Рассмотрена одна из сторон становления новой социальной реальности – преобразование цифрового символического мира в мир эмпирически обнаруживаемых явлений и процессов. Обоснован тезис, что при цифровизации происходит не только замена фрагментов бытия его символами, но и преобразование самих символов в новые фрагменты бытия, в воплощенные подобию знака. Этот процесс предложено интерпретировать как «онтологизацию цифры» – перенос свойств символического объекта, сконструированного как цифровой квантифицированный объект и включающего только количественные характеристики, в новый фрагмент реальности, приобретающий качество быть исключительно вычисляемым. Сделан вывод, что «цифра» как абстракция и феномен сознания может переходить из идеального в материальное состояние и начинать собственное существование через включение в человеческую деятельность в качестве символического инструмента практики, оказывая конструктивистское воздействие на вещественно-предметный мир и на поведение человека. Онтологизация цифры завершается перекодировкой характеристик социальных процессов и реальных предметов, физических и психофизиологических свойств человеческих тел в их альтернативные абстрактные цифровые аналоги.

Ключевые слова: онтологизация, цифра, символы, символические сущности, цифровая трансформация

Цитирование: Игнатьев В.И. (2023) Перегрузка социальной реальности в пространстве квантифицированных символических объектов: «онтологизация цифры» // Общественные науки и современность. № 4. С. 22–34. DOI: 10.31857/S0869049923040020, EDN: OYRRRV

Rebooting Social Reality in the Space of Quantified Symbolic Objects: “Ontologization of the Figure”

© V. IGNATYEV

Vladimir I. Ignatyev, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia), ignatyev.v@inbox.ru. ORCID: 0000-0003-3243-4404

Abstract. The article examines one side of the process of ontologization – the transformation of the symbolic world into a world of empirically detectable things and phenomena. The rationale for the thesis is that in the process of digitalization a fragment of being is replaced by its symbol, and the ontologization of “figure” appears as the emanation of the symbol in a fundamentally new fragment of existence, in the embodied semblance of a sign. This process is to be interpreted as “ontologization of the figure” – the transfer of the properties of a symbolic object (constructed as a digital quantified object and including only quantitative characteristics) into a new fragment of reality, which acquires the quality of being exclusively calculated. The conclusion is that the “figure” as an abstraction and phenomenon of consciousness can move from the ideal to the material state and begin its own existence through inclusion into human activity as a symbolic tool of practice, having a dominant effect on the material-subject world and on human behavior. The ontologization of “figure” culminates in the recoding of the properties of real objects and properties of human bodies with physical and psycho-physiological properties into their alternative abstract digital counterparts.

Keywords: ontologization, figure, symbols, symbolic entities, digital transformation

Citation: Ignatyev V. (2023) Rebooting Social Reality in the Space of Quantified Symbolic Objects: “Ontologization of the Figure”. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 4, pp. 22–34. DOI: 10.31857/S0869049923040020, EDN: OYRRRV

В каком обличии предстает современный социальный мир, подвергаемый интенсивной цифровизации? Цифровые технологии открыли новые перспективы использования информационных ресурсов, но одновременно усилили информационные перегрузки, обостряя «информационный резонанс» в социальных структурах [Игнатьев 2018]. «Цифра» становится основой сборки новой социальной реальности. Цифровизация выступает как попытка материализовать, опредметить количественную информацию о любых объектах, взять у них «тела» и превратить их в «цифру». Какое отношение имеет «нечто», именуемое «цифра», к глобальным трансформациям в современном мире? Рассмотрение вопросов, связанных с трансформацией оснований бытия социальных феноменов и реверсивной сменой их предметных и символических форм под воздействием цифровых технологий, предполагает обращение к онтологическому аспекту анализа процесса переформатирования и глубинной перезагрузки социальной реальности, протекающей как «цифровая трансформация». Однако переход к рассмотрению феномена «цифры» как некоего модуля «онтологии символического» пока еще не произошел, хотя исходной посылкой могут стать состоявшиеся обсуждения онтологического статуса информации и информационных объектов и представления цифровой реальности как реальности семиотической [Авченко 2021; Бажанов 2020; Аршинов, Буданов 2020; Яковлев 2021; Миндел 2011; Нуй Юк 2016; Wheeler 1990]. Следует также признать, что контуры общей теории цифрового общества и теоретико-методологические подходы к ней уже обозначены [Василенко, Мецержакова 2021; Кравченко 2022]. В этой связи в настоящей статье поставлена цель выявить методологические возможности использовать общенаучную трактовку процесса онтологизации,

чтобы интерпретировать цифровую трансформацию социальной реальности как онтологизацию символического мира. Есть основание предположить, что происходит превращение «цифры-символа» в «цифру-бытие и действие», то есть преобразование цифры из символа существования в его (символа) действительное существование.

При построении онтологической картины мира исходят из того, что сущности в своем действительном бытии существуют как различные миры – вещественные и духовные, как автономные слои реальности [Гартман 2003]. Бытие может быть понято в качестве трансценденции, не тождественной сущему как своим опредмеченным проявлениям [Хайдеггер 2015]. Сущности как основы целостных фрагментов реальности в своем существовании приобретают бытие, лишь воплощаясь в его модусах – онтологизируясь. Это происходит и с материальными, и с идеальными сущностями – с предметами и символами. В бытии мир вещей и мир символов – это онтологизированные сущности. Можно предположить наличие онтологии цифры как фрагмента (модуса) сущего в бытии символического мира.

Понятие онтологизации стали использовать в философских текстах в 1970-х гг., начиная с работ Г.П. Щедровицкого [Карпов 2013; Щедровицкий 1995]. Как термин оно применяется и за пределами философии: чтобы обозначить вербализацию знания, как синоним термина «объективация», как реализацию идеи, как принцип творчества, как визуализацию и символизацию и как создание онтологии [Карпов 2013; Смирнов 2013]. В.С. Дудченко отмечает, что онтологизация – это процесс созидания действительности, который протекает как мыслительная, коммуникационная и деятельностная онтологизация [Дудченко 2009]. Означает ли это, что перед нами процесс гипостазирования – придания в сознании сущностям (понятиям) статуса реально существующих? Представляется, что все сложнее. Речь идет не о том, что невозможно воплощение в существование сущности в чистом виде, а о переходе символической формы существования в материальную – вещественно-предметную и субъектно-деятельностную. Онтологизация может происходить как преобразование мира идей (воображаемых реальностей) в мир эмпирически обнаруживаемых вещей (в действительность). Это превращение картин мира (реальностей 1) в практики и результаты практик (реальности 2) – в живую деятельность людей и опредмеченную деятельность (в предметы и закрепленные модели практик, институции, социальные формы). Происходит превращение символических сущностей (реальностей 1) в онтологические (бытийные) сущности, ставшие действительностями (как реальности 2). Так становится и утверждается многообразное сущее с единым бытийным основанием. Наличие возникшего бытийного основания проверяется установлением наличия нового фрагмента бытия или/и нового аспекта практики. Подтверждающий факт – это изменение, совершенное феноменом, но уже символическим. Сущности «проницаемы», их существование есть также и взаимопроникновение – воплощение и взаимовоплощение, приводящее к эманации одного сущего в другом. В этом случае происходит вытеснение сущности-реципиента, хотя возможен и синтез сущностей. Однако всегда онтологизация – это сохранение активного и проникающего сущего. Такое взаимопроникновение сущих в настоящей статье предложено обозначать как онтологизацию.

Цифровая трансформация действительности как онтологизация символического мира

Именно эта коннотация понятия онтологизации служит основанием при интерпретации трансформаций, происходящих в процессе цифровизации как превращения (перехода) символа фрагмента бытия в само бытие. При этом ракурсе рассмотрения онтологизация предстает как эманация идеального в материальном, как переход расщепляемого

идеального в предметное и деятельностное. Это именно эманация символа – его множественного воплощения в принципиально новых фрагментах бытия, способных самостоятельно существовать, оставаясь подобием знака. И это не просто «отпечаток» знака, а его воплощение в сущностях, до него обладавших своим бытием. Так происходит в мире, насыщенном цифровыми феноменами, который есть мир их активности, реально меняющей социальную и физическую экосистемы. Однако как символ действия превращается в само действие? Такой переход не носит прямой характер, ведь цифра как символ существует только в качестве носителя значения. Цифра вообще может существовать только через означивание числом. Возникает вопрос, как через число, преодолевая ограничения захватывать только количественные свойства реальных объектов, цифра вторгается в пространство всего их содержания, сама становясь их частью и преобразуя их через оцифровывание, и, в итоге, приобретая собственную онтологию и трансформируя онтологию объектов?

Числа как значения количества представлены с помощью символических объектов – цифр, или, в определении философа-программиста из Гонгконга Йука Хуэя, «дигитальных объектов». Это новые «производственные объекты», которые составляют нашу повседневную жизнь, просто данные, формализованные в терминах «объектов» [Yuk Hui 2016]. Американский психотерапевт А. Миндел в книге «Квантовый ум» подчеркивает, что «счет включает в себя процесс выбора совокупности, на которой сосредотачивается внимание... Числовая система и процедуры счета представляют собой правила того, как мы воспринимаем реальность. Точно так же, как ДНК – это код, определяющий, как наше тело растет, разворачивается и действует как система, математика – это код наших умов» [Минделл 2011, 75]. Числа в процессе осознания, будучи неразрывно связанными с опытом практики интенциональности, не просто связывают наблюдателя и наблюдаемое, но и порождают наблюдаемую реальность, как, впрочем, и самих себя [Аришинов, Буданов 2020, 110]. Математика производит подобное порождение из чисел реальности, наблюдаемой субъектом в сознании.

С точки зрения современной нейронауки (энактивизма), объективной математики не существует. «Математика структурирована и лимитирована свойствами человеческого мозга и психики», полагают американские ученые Дж. Лакофф и Р. Нуньес [Лакофф, Нуньес 2012, 29]. «Абстрактное понятие величины (способность отличать меньшее от большего) имеет корреляты в самом мозге и... носит врожденный характер», – утверждает британский математик М. Атья [Atiyah 2008, 1157]. Исходная точка развития математики – феномен «чувства числа», процесс субитации [Бажанов 2020, 89]. Число, как и мир математических конструкций, можно отнести к объектам «ненаблюдаемой онтологии», содержание которых человек не изобретает, а открывает [Авченко 2021, 38–39]. Однако при переводе из ненаблюдаемой онтологии в наблюдаемую числа нуждаются в лингвистическом оформлении и производны от аккумуляции чувства числа, получая понятийную и символическую репрезентацию. Можно согласиться с В.А. Бажановым, что здесь действует метод, который предполагает трансцендентализм деятельностного типа, исходя, прежде всего, из вовлечения человеческой телесности (действие конечностей) [Бажанов 2020, 90–91]. Цифра становится лингвистическим оформлением числа. Так потенция цифры воплощается в реальности. Исходя из теории знака австрийского философа Э. Гуссерля, цифру можно определить как знак-признак числа и одновременно как знак-выражение количества [Гуссерль 2001]. Согласно выделенному американским философом и математиком Ч. Пирсом случаю, когда символ выступает знаком, можно утверждать, что цифра как символ выступает знаком числа только потому, что его интерпретируют как знак данного объекта [Пирс 2000, 92]. Число же как знак количества есть

абстрактная форма количественной стороны объекта. Из этого следует, что при оперировании с объектом эту его сторону замещает цифра как символ, подтверждающий существование количественной стороны объекта.

Экспансия цифровых вычислительных технологий привела к тому, что метафоры «искусственного интеллекта» и «мира как компьютера» стали казаться сами собой разумеющимися, т. е. их стали трактовать как самостоятельные сущности. Реальностью содержания жизненного мира современного человека стало тотальное распространение преследующего его образа цифры. Он стал психическим феноменом со своей активной и агрессивной онтологией, которую человек воспринимает в качестве объективно существующего предмета. Числа существуют как однотипные повторяющиеся свойства, которые проявляются и фиксируются при взаимодействиях сторон вычисляемого и вычислителя, создавая отношение вычисления. Цифра – символ количества, но не качества. Числа – это эманации абстракции объекта, точнее, абстракция абстракции всех его сторон (свойств). Число предстает симулякром реального объекта, а цифра – символической моделью симулякра, поскольку количественное моделирование объекта означает его подмену, и дальнейшее оперирование действительно происходит с симулякром. Однако его прикрывают рассуждениями лишь об упрощении объекта, а вовсе не о его замене на вообще другую – цифровую – сущность. Именно здесь и находится «зона перехода» цифры-символа в цифру-сущность. Получается, что в таком понимании «оцифровка» по своей сути есть «производство пустоты», оперирование с пустотой в онтологическом смысле, с подмененным и отмененным объектом и его уничтожением. В символическом мире «оцифровка» происходит как переход от описания объекта к его цифровому образу и затем к числовым характеристикам. Так свойства превращаются в числа и цифры. Сама семантика символа выражает скрытую особенность онтологии цифры: «сыфр» – слово арабского происхождения, означает «пустой»; «cipher» (англ. совр. [saifer]) – ноль. Поэтому числовое значение цифры в объектах как существующих сущностях равно «пустому месту», «оцифровка» есть производство пустоты, уничтожение объекта, а цифровая форма модели конкретного объекта есть его бессодержательная модель. Парадокс в том, что реальный объект продолжает существовать (в том числе в воображении субъекта), несмотря на свое уничтожение. Правда, это есть уничтожение прежней сущности. Новая – цифровая – сущность существует, мимикрируя и разлагая экосистему.

Эманация цифры

Американский физик-теоретик Д.А. Уилер в 1990 г. выдвинул тезис «все из бита». Он пояснял: «все сущее – каждая частица, каждое силовое поле, даже сам пространственно-временной континуум – получает свою функцию, свой смысл и, в конечном счете, самое свое существование... из ответов, извлекаемых нами с помощью физических приборов... из бинарных альтернатив, из битов. “Все из бита” символизирует идею, что всякий предмет и событие физического мира имеет в своей основе... нематериальный источник и объяснение; что то, что мы называем реальностью, вырастает, в конечном счете, из постановки “да или нет” вопросов, и регистрации ответов на них при помощи аппаратуры... что все физические вещи в своей основе являются информационно-теоретическими» [Wheeler 1990, 377]. Присоединяясь к позиции В.А. Яковлева, что Уилер фактически выдвинул постулат об онтологическом статусе информации [Яковлев 2021, 120], выскажем предположение, что бытие социальной информации воплощается в модусе существования цифры и предстает как ее онтологизация. Это предположение коррелирует

с информационной парадигмой итальянского ученого Л. Флориди, который рассматривает все мироздание как тотальность информационных объектов, которые активно и непрерывно взаимодействуют друг с другом [Floridi 2010]. Полагаем, что проводниками в этой инфосфере взаимодействий выступают цифры как особые символические артефакты-частицы. Цифровые объекты – неперенные участники социальных взаимодействий для обмена веществом и энергией, протекающего по информационным каналам. Как отмечает В.А. Яковлев, «количественно это взаимодействие выражается в дискретных информационных единицах – битах» [Яковлев 2021, 123].

Символ представляет собой элемент связной сетевой структуры. Символические структуры стали частью реальности, а цифры – символами возможного действия. Цифры как символы сознания, по М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорскому, есть нечто, возникающее в действительности после отражения физического от плотного скопления отражений. Для пояснения сути символа они избрали метафорический оборот: символ – это такая странная вещь, которая одним своим концом «выступает» в мире вещей, а другим – «утопает» в действительности сознания [Мамардашвили, Пятигорский 1997]. М. Мамардашвили ввел понятие «третьих вещей» как виртуальных переносчиков влияния между сознанием и физической реальностью. В работе «Классический и неклассический идеалы рациональностей» он пояснил, что «третьи вещи» – не идеальные рассудочные сущности, законы, и не физические тела, а нечто третье, которое в себе содержит вещественность действия (или предметность действия), независимого от нашего сознания и им не контролируемого. Мы волей или сознанием не можем имитировать или производить эти действия – они должны этим предметом в нас произвестись. И эти «третьи вещи» не вытекают из законов физики [Мамардашвили 2010, 81]. Цифра и становится этой «третьей вещью» при переносе имитаций существования количества как самостоятельной сущности объектов. Цифра в качестве эпифеномена мира сущностного (действительного существования) находится в области «количественного мира» и есть «строительный камень» мира искусственного [Исаев 2019, 6]. После процесса исчисления и приравнивания к набору функций вещи становятся предметами и расстаются со своим своеобразием – «лишаются лица» [Исаев 2019, 22]. Эти преобразования ведут к появлению новых онтологических объектов – «онтиков». Онтология цифры и есть появление нового «онтика» – результат перехода существования количественной стороны объекта в ее символический (самостоятельный) производный, побочный и тусклый аналог – цифру как эпифеномен. Онтологизация цифры – обратный процесс перехода символического объекта «цифры» в новый (тоже самостоятельный) объект. Последний имеет единственное качество – быть совокупностью исключительно количественных характеристик, что подобно гипостазированию, но не сущности, а абстракции от существования реального объекта.

Цифра – символ числа, регулирующий действия человека на ориентацию исключительно на количественные стороны объектов, фиксируя их как количественные характеристики. Они заменяют конкретный образ объекта на его цифровой аналог, оставляя в объекте только то, что может быть в нем количественно отражено, квантифицируя его. Так объект «превращается» в цифру. Цифра, самостоятельно существуя только как абстракция – феномен сознания, при определенных условиях может переходить из состояния идеального в состояние материального и начинать собственное существование через включение в человеческую деятельность в качестве символического инструмента (схемы) практики, т. е. оказывая доминирующее воздействие на вещественно-предметный мир и на поведение человека. Этот переход цифры составляет содержание процесса ее онтологизации.

Перезагрузка социальной реальности

Все более очевидной становится тенденция трансформации социума в единый социальный организм. Цифровизация, будучи массовой «софтверизацией», порождает общество 5.0. [Журавлева 2019, 114]. Сегодня социальным преобразованиям предьявлен императив цифровой трансформации – в экономике, медицине, территориальном развитии, образовании и проч. Неудивительно, что в своих представлениях люди наделяют цифровые технологии некоторой субъектностью [Щербина 2019, 35–36]. Доктор философских наук Л.В. Баева подчеркивает, что цифровой мир предоставляет человеку сверхвозможности, позволяет преодолеть границы того пространства и той замкнутой телесности, которыми он обладал всегда [Баева 2019, 28]. Однако виртуальные копии и цифровые безаналоговые симулякры заполняют восприятие индивида, который все меньше сосредоточивается и концентрируется на чем-то одном [Баева 2019, 29].

Прямым порождением новейшей версии перестройки человеческой телесности с помощью цифровых технологий стало движение «Самоквантификация» (“Quantified Self” Movement). Его сторонники используют технологии для сбора и анализа данных о своей повседневной жизни. Адепты движения применяют механистические принципы квантификации, согласно которым человек предстает как набор фактов и статистических данных. Полученная информация может быть обработана, интерпретирована и на ее основе могут быть сгенерированы дополнительные данные, словно человеческая жизнь – это цикл обратной связи входящих и исходящих данных. Это одна из форм практического трансгуманизма [О’Коннел 2019, 155–156]. «Когда информация теряет свое тело, – пишет Н. Кэтрин Хейлз, – становится особенно легко отождествлять людей и компьютеры, поскольку выбор материальной формы для мыслящего разума кажется случайным» (цит. по: [О’Коннел 2019, 76]). Онтологизация цифры происходит через машинность, а техника становится контактной зоной между идеями и материей [Медиафилософия 2016, 94] – теперь уже и живой, и мыслящей материей. Когнитивный процесс становится технологичным, и тело больше не мыслится как объект, но как множество микротехнологий телесности. Реальность теперь производится на уровне микроанализа операций различных типов [Медиафилософия 2016, 96–97].

Постгуманизм из проекта уже становится частью современной повседневности [Криман 2020]. Цифровые технологии распространились не только в вещах – устройствах, гаджетах, сервисах и связи, они все больше внедряются в самих людей, в их тела, сознание и человечность. Цифры заставляют людей реагировать физически, подвергая эмоциональным и интеллектуальным манипуляциям со стороны алгоритмов [Леонгард 2018, 142]. Происходит замещение человека «умными помощниками» (цифровыми ассистентами и двойниками), которые стремятся знать о нас все; они контактируют с миллионами других помощников, чтобы создать глобальный облачный мозг и подключить к нему каждого индивида. В итоге индивид оказывается сразу в разных местах коммуникативного пространства, впадая в состояние диджифрени (цифровой шизофрени) [Леонгард 2018, 151] в результате деквалификации, сопровождаемой все возрастающим желанием находиться в разных местах одновременно [Rushkoff 2013].

При воплощении цифры в социальную реальность образуется «цифровое тело» – это все траектории, которые остаются в качестве следов использования мобильных телефонов, GPS-навигаторов и т. п. [Дудина 2016, 229]. Цифровые траектории отражают социальную реальность в реальном времени и содержат информацию о том, что люди именно делают реально, а не о том, что они думают по поводу того, что делают. В методах извлечения данных интерпретирующую способность человека заменяют математическими методами

и алгоритмами, позволяющими находить паттерны путем переработки множества различных комбинаций [Дудина 2016, 230–231].

Воплощенная цифра предписывает следовать правилам, которые теперь тотально представлены в базах данных, постоянно сопровождающих индивида. Следование правилу – «цифровой ДНК» – постепенно становится единственным способом и целью существования человека. «Даже неформализуемый мир ценностных состояний сознания, – отмечает П. Барышников, – представляется через списки и реляционные таблицы, что “органично” помещает личную область сакрального в технологическую социальную архитектуру» [Барышников 2015, 50]. На основе цифровизации происходит эманация символических объектов в физические процессы: свойства цифры становятся свойствами технологий медиакоммуникаций. В данном случае «физическое» означает перестройку оборудования и человеческого поведения. Глобальная паутина нового образца (Web 3.0) характеризуется взаимодействием Интернета с физическим миром. Возник новый вид взаимодействия – *phygital*-взаимодействие как объединение двух реальностей – физической (*physics*) и цифровой (*digital*). *Physics* – это система взаимодействия, при которой цифровое пространство проникает в физическое и интегрируется с человеком [Мамина, Толстикова 2019, 35]. Цифра как шаблон вторглась в социальную реальность. Воплощением этого шаблона становится трансформация социальных качеств человека и становление цифроподобных качеств. В результате поражения цифровизацией деградирует мышление и ряд деятельностных способностей человека. Возникают отчуждение, вседозволенность и безнаказанность как ответ на чувство возрастающего одиночества вследствие погружения в виртуальную среду и коммуницирования исключительно с удаленными и часто безличными собеседниками. В результате формируется шаблонное «формульное» общение, когда построение диалога с виртуальным собеседником теряет смысл, поскольку цифровое устройство предлагает готовый шаблон [Костоломова 2020, 46–47].

* * *

Онтологизация цифры есть далеко еще не осмысленное и оцененное следствие цифровизации всех сторон индивидуальной и социальной жизни. Отношение этих двух процессов носит реверсивный характер. «Цифровизация» (перевод в цифру) предстает как процесс перекодировки свойств реальных предметов и свойств человеческих тел с их физическими и психофизиологическими свойствами (как их реальных свойств) в свойства символические – в аналоги на других вещественных носителях (электронных импульсах). Эта перекодировка объектов предполагает перенос части их реальных количественных свойств в другую «оболочку», перевод в особый – символический – способ сохранения/хранения, что происходит через создание «метки» предмета, замещающей сам предмет. Что дает такое преобразование? Открывается возможность для «онтологизации цифры» – обратного движения от символической абстрактной, «цифровой» конструкции предмета в направлении его трансформации с удалением всех не поддавшихся цифровизации сторон и свойств. Наступает момент «эманации цифры» – распределенного воплощения ее абстрактного «тела» в субстрате и структурах реальных объектов, то есть замена/подмена реальных предметов на их аналоги – «предметы-аватары». Это также и создание параллельного мира особой реальности, и разлом с вытеснением, заменой и частичным сохранением исходной реальности. В результате утрачивается целостность любых объектов, переводимых в цифру: реальность/реальные объекты начинают перестраивать под их абстрактные цифровые аналоги. И это уже другая онтология. Происходит разрушение

реального мира, поскольку реальность может существовать только как целостность и конкретность составляющих ее объектов.

Внешне работа с большими данными (БД) предстает как эффективная, эффектная, массовая и привлекательная деятельность, становящаяся престижной профессией. Действительно, внешне – это «игра» с цифрами как безграничным новым видом ресурса, продукт обработки которого приносит доход и уважение, поскольку мгновенно доставляет сырье для программного обеспечения любой и все возрастающей сложности во все уголки мира. Однако растущая эйфория от ожидания безграничных перспектив БД – одно из новейших и небезопасных заблуждений. Извлекаемые из БД сведения о скрытых свойствах предметов и процессов затем проецируют на них же (возвращают к ним как их тени) и преобразуют их сообразно их же, но скрытым структурам. Так происходит «аутогеномутация» – мутация на основе «инфицирования» предметов их собственным материалом, но спровоцированная «чужим» объектом (массивом БД). Этот «чужой» есть порождение «очищенного» интеллекта искусственного происхождения – без тела и эмоций. Собираемое БД сырье служит сырьем для производства мутантов. И уже мы сами становимся мутантами – в большей или меньшей степени. В каком направлении идет процесс? И действительно ли результатом станет постчеловек или же вообще еще неосмысленное и непредсказуемое существо?

Проникновение в повседневность все большего количества действий по использованию технических средств не только перегружает людей различными видами деятельности, но и меняет соотношение между ними – технически детерминированными и естественными, привычными. Масса технодействий и их доля постоянно возрастает в единицу времени. Техноактивность поглощает антропоактивность, и человек растворяется в техносистеме. Такая практика замещения представляет собой одну из форм оцифровки человека как социального существа – агента социальных отношений. Одновременно это и форма оцифровки всего социума и самой социальности как специфического интегративного качества сообщества взаимодействующих людей. Таким образом, можно выявить два направления последствий онтологизации цифры: 1) техноморфоз и 2) социоморфоз. При техноморфозе человек сливается с машиной. При социоморфозе социум людей превращается в гибридный социум, а затем – в социум без людей. Так возникает область новой онтологии и человека, и мира артефактов. Это и новая антропология, но уже не природная или социальная, а некая новая гибридная «цифровая антропология» как возможное направление построения «онтологии цифры» и объяснения метаморфозы ее онтологизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Авченко О.В. (2021) О ненаблюдаемой онтологии // Вопросы философии. № 1. С. 37–43. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-1-37-43

Avchenko O.V. (2021) O nenabludaemoi ontologii [On Not Observed Ontology]. *Voprosy Filosofii*. no. 1, pp. 37–43. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-1-37-43 (In Russ.)

Аршинов В.И., Буданов В.Г. (2020) Социотехнические ландшафты в оптике семиотически-цифровой сложности // Вопросы философии. № 8. С. 106–116. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-8-106-116

Arshinov V.I., Budanov V.G. (2020) Sociotekhnicheskie landshafty v optike semioticheskoi-tsifrovoy slozhnosti [Sociotechnical Landscapes in Optics of Semiotic-digital Complexity]. *Voprosy Filosofii*. no. 8, pp. 106–116. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-8-106-116 (In Russ.)

Баева Л.В. (2019) Теория экзистенциалов М. Хайдеггера и М. Босса и анализ существования человека в условиях электронной культуры // Вопросы философии. № 4. С. 24–33. DOI: 10.31857/S004287440004789-2

Baeva L.V. (2019) Teoriya eczistencialov M. Haideggera i M. Bossa I analiz sushestvovaniya che-loveka v usloviyakh elektronnoi kultury [The Existentials Theory of M. Heidegger and M. Boss and the Analysis of Human Existence in the Conditions of Electronic Culture]. *Voprosy Filosofii*. no. 4, pp. 24–33. DOI: 10.31857/S004287440004789-2 (In Russ.)

Бажанов В.А. (2020) Природа математики в оптике когнитивных исследований // Вопросы философии. № 11. С. 87–96. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-11-87-96

Bazhanov V.A. (2020) Priroda metematiki v optike kognitivnih issledovaniy [Nature of Mathematics through the Lens of Cognitive Research]. *Voprosy Filosofii*. no. 11, pp. 87–96. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-11-87-96 (In Russ.)

Барышников П.Н. (2015) Морфология технологической сказки: Интернет вещей и социальные дистанции // Социология власти. Т. 27. № 1. С. 37–54.

Baryshnikov P.N. (2015) Morfologiya tekhnologicheskoy skazki: Internet veshchej i social'nye distancii [The Morphology of Technological Tale: Internet of Things and Social Distances]. *Sociology of Power*. vol. 27, no. 1, pp. 37–54. (In Russ.)

Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. (2021) Социология цифрового общества: монография. Томск: Изд-во Томского политехнического университета. 226 с.

Vasilenko L., Meshcheryakova N. (2021) *Sociologiya zifrovogo obshestva: monographiya* [Sociology of Digital Society: The Monograph]. Tomsk: TPU Publishing House. 226 p. (In Russ.)

Гартман Н. (2003) К основоположению онтологии. СПб.: Наука. 640 с.

Gartman N. (2003) *K osnovopolozheniyu ontologii* [On the Basis of Ontology]. Saint-Petersburg: Nauka. 640 p. (In Russ.)

Гуссерль Э. (2001) Логические исследования. Т. 2. М.: ДИК. 565 с.

Gusserl' E. (2001) *Logicheskie issledovaniya* [Logic Research]. Vol. 2. Moscow: DIK. 565 p. (In Russ.)

Дудина В.И. (2016) Социологическое знание в эпоху «больших данных» // В: Информация – Коммуникация – Общество (ИКО-2016): Труды XIII Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 21–22 января 2016 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ. С. 228–232.

Dudina V.I. (2016) Sociologicheskoe znanie v epohu «bolshih dannih» [Sociological Knowledge in the Era of “Big Data”]. In: *Information – Communication – Society (ICO-2016): Proceedings of the XIII All-Russian Scientific Conference*. Saint-Petersburg, January 21–22. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGETU. Pp. 228–232. (In Russ.)

Дудченко В.С. (2009) Онтологизация как функция онтосинтеза // Гуманитарный портал. 01.03.2009.

Dudchenko V.S. (2009) Ontologizaciya kak funkciya ontosinteza [Ontology as a Function of Ontosynthesis]. *Gumanitarnyj portal*. 01.03.2009. (In Russ.)

Журавлева Е.Ю. (2019) Софтверизация общества: истоки и перспективы // Социологические исследования. № 4. С. 109–117. DOI: 10.31857/S013216250004591-3

Zhuravleva E. Y. (2019) Softverizaciya obshestva: istoki i perspektivi [Softwarization of Society: Origins and Prospects]. *Sociological Studies*. no. 4, pp. 109–117. DOI: 10.31857/S013216250004591-3 (In Russ.)

Игнатьев В.И. (2018) Социальные структуры в информационном резонансе: перспектива трансдисциплинарной методологии // Общественные науки и современность. № 2. С. 166–176.

Ignatyev V. I. (2018) Socialniye struktury v informationnom resonance: perspective transdisciplinarnoy metodologii [Social Structures in Informational Resonance: Perspectives on Transdisciplinary Methodologies]. *Obschestvennye nauki i sovremennost*. no. 2, pp. 166–176. (In Russ.)

Исаев И.А. (2019) Технологии власти. Власть технологий: монография. Москва: Проспект. 144 с. DOI: 10.31085/9785392305537-2019-144

Isaev I. A. (2019) *Tehnologii vlasti. Vlast tehnologiy* [Technologies of Power. Power of Technologies]. Moscow: Prospect. 144 p. DOI: 10.31085/9785392305537-2019-144 (In Russ.)

Карпов А.О. (2013) Онтологизация, «онтологизация» и образование // Вопросы философии. № 9. С. 31–42.

Karpov A.O. (2013) Ontologizaciya, «ontologizaciya» I obrazovanie [Ontologization, “Ontologization” and Education]. *Voprosy Filosofii*. no. 9, pp. 31–42. (In Russ.)

Костоломова М.В. (2020) Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия // Социологическая наука и социальная практика. Т. 8. № 2. С. 41–53.

Kostolomova M.V. (2020) Cifrovaya deviaciya kak fenomen novoy socialnoi realnosti: metodologicheskie osnovaniya I konceptualizaciya ponyatiya [Digital Deviation as a Phenomenon of a New Social Reality: Methodological Foundations and Conceptualization of the Notion]. *Sociological Science and Social Practice*. vol. 8, no. 2, pp. 41–53. (In Russ.)

Кравченко С.А. (2022) Социология цифровизации: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт. 236 с.

Kravchenko S.A. (2022) *Soziologiya cifrovizacii: uchebnik dlya vuzov* [Sociology of Digitalization: Textbook for Universities]. Moscow: Yurait Publishing House. 236 p. (In Russ.)

Криман А.И. (2020) Постгуманистический поворот к пост(не)человеческому // Вопросы философии. № 12. С. 57–67. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-12-57-67

Krیمان A.I. (2020) Postgumanisticheskiy povорот k post(ne)chelovecheskomu [The Posthuman Turn to the Post(non)Human]. *Voprosy Filosofii*. no. 12, pp. 57–67. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-12-57-67 (In Russ.)

Лакофф Дж., Нуньес Р. (2012) Откуда взялась математика: как разум во плоти создает математику // В: Горизонты когнитивной психологии. М.: Языки славянских культур: РГГУ. С. 29–48.

Lakoff G., Nunez R. (2012) Otkuda vzyalas matematika: kak razum vo ploti sozdaet matematiku [Where Mathematics Came From: How Reason in The Flesh Creates Mathematics]. In: *Gorizonty kognitivnoj psihologii*. Moscow: RGSU. Pp. 29–48. (In Russ.)

Леонгард Г. (2018) Технологии против человека. М.: Издательство АСТ. 320 с.

Leonhard G. (2018) *Tehnologii protiv cheloveka* [Technology vs. Human]. Moscow: Akt. 320 p. (In Russ.)

Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. (1997) Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языка русской культуры». 224 с.

Mamardashvili M.K., Piatigorsky A.M. (1997) *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike I yazike* [Symbol and Consciousness. Metaphysical Arguments about Consciousness, Symbolism and Language]. Moscow: SHkola «Yazyka russkoj kul'tury». 224 p. (In Russ.)

Мамардашвили М.К. (2010) Классические и неклассические идеалы рациональности. СПб.: Азбука, Азбука-Атикус. 288 с.

Mamardashvili M.K. (2010) *Klassicheskie I neklassicheskie ideali racionalnosti* [Classical and Non-Classical Ideals of Rationality]. Saint-Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atikus. 228 p. (In Russ.)

Мамина Р.И., Толстикова И.И. (2019) Поколенческая проблематика в цифровую эпоху: философская проекция // ДИСКУРС. Т. 5. № 6. С. 29–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-29-41

Mamina R.I., Tolstikova I.I. (2019) Pokolencheskaya problematika v cifrovuyu epohu: filosofskaya proekciya [Generational Issues in the Digital Age: Philosophical Projection]. *DISCOURSE*. vol. 5, no. 6, pp. 29–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-29-41 (In Russ.)

Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр (2016) Ред.: В.В. Савчук. СПб.: Фонд развития конфликтологии. 498 с.

Mediafilosofiya XII. Igra ili realnost? Opit issledovaniya komputernih igr [Mediaphilosophy XII. Game or Reality? Experience the Study of Computer Games] (2016) Ed(s): V.V. Savchuk. Saint-Petersburg: Fond razvitiya konfliktologii. 498 p. (In Russ.)

- Миндел А. (2011) Квантовый ум. Грань между физикой и психологией. М.: Беловодье. 720 с.
- Mindell A. (2011) *Kvantoviy um. Gran mezhdu fizikoi I psihologiyey* [Quantum Mind. The Edge Between Physics And Psychology]. Moscow: Belovodie. 720 p. (In Russ.)
- О'Коннел М. (2019) Искусственный интеллект и будущее человечества. Москва: Эксмо. 272 с.
- O'Connel M. (2019) *Iskusstvenniy intellekt I budushee chelovechestva* [To Be a Machine: Adventures Among Cyborgs, Utopians, and the Futurists Solving the Modest Problem of Death]. Moscow: Eksmo. 272 p. (In Russ.)
- Пирс Ч.С. (2000) Избранные философские произведения. М.: Логос. 448 с.
- Peirce C.S. (2000) *Izbrannii filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Moscow: Logos. 448 p. (In Russ.)
- Смирнов В.И. (2013) Онтологизация как принцип творчества // Научные труды. Российская академия художеств, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е.Репина. Вып. 27. Вопросы теории культуры. С. 3–15.
- Smirnov V.I. (2013) *Ontologizaciya kak princip tvochestva* [Ontologization as a Principle of Creativity]. In: *Nauchnye trudy. Rossijskaya akademiya hudozhestv, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj akademicheskij institut zhivopisi, skulptury i arhitektury imeni I.E.Repina*. Vol. 27. Cultural Theory. Pp. 3–15. (In Russ.)
- Хайдеггер М. (2015) Бытие и время. Москва: Академический проект. 460 с.
- Heidegger M. (2015) *Bitie I vremya*. [Being and Time]. Moscow: Akademicheskij Proekt. 460 p. (In Russ.)
- Щедровицкий Г.П. (1995) Избранные труды. М.: Школа Культурной Политики. 800 с.
- Shchedrovitsky G. (1995) *Izbrannii trudi* [Selected Works]. Moscow: SHkola Kul'turnoj Politiki. 800 p. (In Russ.)
- Щербина А.В. (2019) Технократическая вера или гражданское общество: размышления о типологических понятиях социологии // Дискурс. Т. 5. № 3. С. 34–47. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-34-47
- Shcherbina A.V. (2019) *Tehnokraticeskaya vera ili grazdanskoe obshestvo: razmishleniya o tipologicheskikh ponyatiyah sociologii* [Technocratic Belief or Civil Society: Reflections on the Typological Concepts of Sociology]. *Discourse*. vol. 5, no. 3, pp. 34–47. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-34-47 (In Russ.)
- Яковлев В.А. (2021) Метафизика бытия информации // Вопросы философии. № 2. С. 117–125. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-117-125
- Yakovlev V.A. (2021) *Metafizika bitiya informacii* [Metaphysics of Being of Information]. *Voprosy Filosofii*. no. 2, pp. 117–125. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-117-125 (In Russ.)
- Hui Y. (2016) *On the Existence of Digital Objects*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press. 336 p.
- Michaek A. (2008) *Thoughts of Mathematician* // *Brain*. Vol. 131. Issue 4. Pp. 1156–1160.
- Luciano F. (2010) *The Philosophy of Information: Ten Years Later* // *Metaphilosophy*. Vol. 41. Pp. 402–419.
- Rushkoff D. (2013) *Present Shock: When Everything Happens Now*. London: Current.
- Wheeler J. (1990) *Information, Physics, Quantum: The Search for Link* // In: Zurek W. *Complexity, Entropy and the Physics of Information*. Massachusetts: Addison-Wesley. Pp. 3–28.

Информация об авторе

Игнатьев Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета. Адрес: 630073, Россия, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20. E-mail: ighnatiev.v@inbox.ru

About the author

Vladimir I. Ignatyev, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Sociology and Mass Communications, Novosibirsk State Technical University. Address: 630073, Russia, Novosibirsk, 20, Karl Marx prospect. E-mail: ighnatiev.v@inbox.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 16.04.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 14.05.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 25.08.2023

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ ISSUES OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Оригинальная статья/ Original article

Проблемы и перспективы развития общественных и гуманитарных наук в системе научных знаний

© Е.В. АГАМИРОВА, Е.Н. ЖАРОВА, В.А. МАЛАХОВ

Агамирова Елизавета Валерьевна, Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, Россия), agamirova@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-3972-4749

Жарова Елена Николаевна, Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, Россия), zharova_elena@list.ru. ORCID: 0000-0002-8281-8812

Малахов Вадим Александрович, Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, Россия); Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН) (г. Москва, Россия), yasonbh@mail.ru. ORCID: 0000-0001-6656-1036

На протяжении многих лет гуманитарные науки находятся в «тени» естественно-технических наук. Значимую долю финансирования – как бюджетного, так и внебюджетного – распределяют в пользу естественных и технических наук, на долю общественных и гуманитарных дисциплин приходится лишь около 5%. Грантовая поддержка от Российского научного фонда также в значительной степени направлена на поддержку проектов в области естественных и технических наук. Назрела необходимость модернизировать подходы к поддержке научных исследований: перераспределить приоритеты в пользу междисциплинарных научных исследований на «стыке» научных областей (когнитивные исследования, цифровые технологии, науки о жизни и социальные науки, цифровая гуманитаристика и др.). Цель работы – выявить проблемы общественных и гуманитарных наук на основе комплексного анализа данных в области естественно-технических, общественных и гуманитарных наук по следующим направлениям: внутренние затраты на исследования и разработки, источники финансирования, грантовая поддержка научных проектов Российским научным фондом и кадровый потенциал. Применены экономико-статистические методы, а также методы группировки и сравнительного ретроспективного анализа. Информационной базой выступили данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Института статистики ЮНЕСКО, Федеральной службы государственной статистики (Росстат), а также отчеты Российского научного фонда (РНФ). На основе объективных аналитических выводов о необходимости активизировать поддержку междисциплинарных научных исследований в рамках государственных программ научно-технологического развития предложены основные направления развития общественных и гуманитарных наук. Результаты исследования могут быть использованы представителями органов государствен-

ной власти Российской Федерации при разработке программных документов научно-технологической политики государства.

Ключевые слова: общественные науки, гуманитарные науки, естественно-технические науки, кадровый потенциал, грантовая поддержка, междисциплинарные исследования

Цитирование: Жарова Е.Н., Агамирова Е.В., Малахов В.А. (2023) Проблемы и перспективы развития общественных и гуманитарных наук в системе научных знаний // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 35–52. DOI: 10.31857/S086904992304010X, EDN: PABRTI.

Problems and Prospects of the Development of Social and Human Sciences in the System of Scientific Knowledge

© E. AGAMIROVA, E. ZHAROVA, V. MALAKHOV

Elizaveta V. Agamirova, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia), agamirova@eandex.ru. ORCID: 0000-0002-3972-4749

Elena N. Zharova, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia), e.zharova@linguanet.ru. ORCID: 0000-0002-8281-8812

Vadim A. Malakhov, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia); S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), yasonbh@mail.ru. ORCID: 0000-0001-6656-1036

Abstract. For many years the humanities have been in the shadow of natural and technical sciences. A significant share of funding – both budgetary and non-budgetary – is distributed in favor of natural and technical sciences, while social sciences and humanities account for only about 5% of funding. Grants provided by the Russian Science Foundation are largely aimed at supporting projects in the field of natural and technical sciences. Currently, there is a need to modernize approaches to research support by redistributing priorities in favor of cross-disciplinary studies (cognitive research, digital technologies, life and social sciences, digital humanities, etc.). The problems of social sciences and humanities are identified based on an integrated analysis of data in the field of natural and social sciences and humanities in the next areas: internal costs of research and development, sources of research and development funding, grant support for research projects by the Russian Science Foundation, and human resources capacity. Economic and statistical methods, as well as methods of grouping and comparative retrospective analysis are used. The data of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), The UNESCO Institute for Statistics, the Federal State Statistics Service (Rosstat), as well as reports of the Russian Science Foundation (RSF) served as the information base for the analysis. The key directions of development of social sciences and humanities are proposed on objective analytical conclusions about the need to intensify support of interdisciplinary scientific research within the framework of state programs of scientific and technological development. The results of the study can be used by public authorities of the Russian Federation in elaborating program documents aimed at the implementation of the state scientific and technological policy.

Keywords: social sciences, humanities, natural and technical sciences, personnel potential, grant support, interdisciplinary research

Citation: Zharova E., Agamirova E., Malakhov V. (2023) Problems and Prospects of the Development of Social and Human Sciences in the System of Scientific Knowledge. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 35–52. DOI: 10.31857/S086904992304010X, EDN: PABRTI.

Введение

Каково место общественных и гуманитарных дисциплин в общей системе научных знаний? В античную эпоху не существовало четкого противопоставления точных и социогуманитарных наук: такие философы, как Платон и Аристотель, знамениты как своими работами в области математики и естествознания, так и трудами по политической философии и этике. В современном мире ситуация изменилась: социальные – в особенности гуманитарные – дисциплины противопоставляют точным наукам. Более того, на Западе гуманитарные науки часто даже не рассматривают как «научные» дисциплины, относя их к искусствам. В то же время в последнее десятилетие во всем мире наблюдается кризис гуманитарных наук: уровень их финансирования (по сравнению с точными науками) снижается, сокращается численность абитуриентов по соответствующим специальностям, – и, как следствие, сокращается численность исследователей.

В силу своей специфики общественные и гуманитарные науки имеют ряд особенностей, в их числе: низкая востребованность результатов научно-исследовательской деятельности в практике; отсутствие значительных финансовых затрат для подготовки результатов научных исследований (публикации, монографии, книги); низкая заинтересованность органов власти и бизнеса в результатах и финансировании научных проектов в соответствующих областях.

Политики и значительная часть общества считают, что гуманитарные науки не имеют прикладного значения, не приносят прибыль и не нужны для технологического и экономического развития страны, а значит, на них не стоит выделять ресурсы.

Слабое финансирование общественных и гуманитарных наук отражается и на продуктивности исследователей. Так, по данным Web of Science, доля российских публикаций в области социогуманитарных наук в общемировом потоке публикаций в 2020 г. составляет всего 0,43%. В то же время доля социогуманитарных публикаций в общем объеме российских публикаций составляет всего 15,8% [Жарова 2022].

Приоритет естественно-технических наук в объеме финансирования имеет объективные причины: высокая стоимость расходных материалов и оборудования при проведении научных исследований и разработок, высокая оплата труда приглашенных ученых, расходы на патентование результатов инновационной деятельности и их коммерциализацию. Тем не менее, перечисленные факторы не объясняют долгосрочную тенденцию к сокращению финансирования гуманитарного образования и наук.

В современных условиях можно ожидать снижение финансирования исследований в области общественно-гуманитарных наук и перестройку научного бюджета под задачи экономики и потребности отраслей в условиях санкционного давления¹. Соответственно, приоритет при финансировании будут получать прикладные технические исследования, которые позволят развивать импортозамещение и решать неотложные проблемы экономики. Другой проблемой социально-гуманитарных исследований в условиях специальной военной операции (СВО) выступает усиление политического надзора и появление элементов военной цензуры во всех областях культурной и общественной жизни страны, что негативно сказывается на независимых исследованиях в данной области.

У общественных (социальных) и гуманитарных наук есть собственная специфика, но для решения задач данного исследования и сравнения с точными (естественными и техническими) науками проблемы социогуманитарных наук рассмотрены в целом. Понятия «социо-

¹ В 2023 году на финансирование гражданской науки выделяют 492 млрд рублей. Интерфакс. 15 июля 2022. (<https://www.interfax.ru/russia/852311>).

гуманитарные», «социально-гуманитарные», «общественно-гуманитарные», «общественные и гуманитарные», «социальные и гуманитарные» науки употребляются в качестве синонимов.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней определены ключевые векторы развития общественных и гуманитарных наук в современном научном знании на основе комплексного анализа факторов, которые влияют на их современное состояние. Исследование построено на статистических данных международной статистической базы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Института статистики ЮНЕСКО, Росстата и РНФ. В отличие от большинства предыдущих работ на тему, которые преимущественно используют общеполитологические методы и обосновывают важность развития общественно-гуманитарных наук на теоретическом уровне, представленное исследование опирается в первую очередь на анализ количественных данных.

Обзор литературы

Многие исследователи описывают будущее гуманитарных наук как мрачное и безрадостное (в случае сохранения текущих тенденций) [Ikpe 2015]. Общественные науки находятся в несколько лучшем положении – в системе высшего образования экономисты и юристы по-прежнему востребованы. Однако и общественные науки финансируются во многом по остаточному признаку по сравнению с естественными и техническими науками.

В литературе существует множество работ, посвященных тем или иным аспектам «кризиса гуманитарных наук», обзор которых представлен в статье австралийских исследователей К. Барстоу и Дж.Ф. Дюрей [Barstow, Durey 2022]. Опираясь на анализ литературы, они приходят к выводу, что необходимо обеспечивать равное финансирование гуманитарных наук с естественными и техническими науками. В качестве возможного выхода из кризисной ситуации предложены реформа гуманитарных образовательных программ (с акцентом на более интерактивное обучение) [Klakurka 2020], а также междисциплинарные программы, которые должны сочетать в себе гуманитарные и компьютерные науки [Bernard 2022]. Однако, как отмечают другие авторы, «цифровые гуманитарные дисциплины», несмотря на свое активное развитие, не смогут вывести гуманитарные науки из кризиса. В то же время излишнее увлечение цифровыми методами исследования в гуманитарных науках без интроспективного изучения их социальных последствий обесценивает гуманитарные науки [Koh 2018].

Ряд исследователей из США считают недостаточный уровень финансирования гуманитарных дисциплин важной проблемой, которая может разрушить всю американскую систему высшего образования [Newfield 2009]. Аналогичные опасения высказываются и о последствиях недофинансирования социальных наук² [Kaplan 2017]. Также как угрозу для социальных наук (особенно политологии) расценивают вмешательство государства в деятельность ученых [Eisfeld 2021].

Многие исследователи отмечают, что для гуманитарных наук губительно чрезмерное внимание к количественным показателям в ущерб качественной экспертизе при оценке научных результатов. Так, российский исследователь А.В. Воронцов пишет, что «одной из причин кризиса является доминирование либерально-методологических, агностических по содержанию, установок (с принципом методологического индивидуализма), технократизма в управлении наукой» [Воронцов 2022]. На необходимость изменить систему оценки как результатов гуманитарных исследований, так и степени их влияния на общество и экономику указывают и западные ученые [Archambault 2009].

² Grove J. Anger as social sciences lose cash to STEM under REF rule change. Times Higher Education. January 26, 2023. (<https://www.timeshighereducation.com/news/anger-social-sciences-lose-cash-stem-under-ref-rule-change>).

Общественные науки традиционно считают более «точными» дисциплинами, чем гуманитарные, однако в сравнении с естественными науками их все равно зачастую воспринимают как не вполне «научные». Свидетельством тому выступает обширной пласт литературы, посвященной апологетике социальных наук (и исследовательских методов общественных наук) и доказательствам того, что они также могут считаться научными дисциплинами [Mack 1955; Knorr-Cetina 1981]. Задаваясь вопросом о том, почему прогресс в социальных науках кажется медленным по сравнению с естественными, нобелевский лауреат по экономике Г. Мюрдаль отмечал: проблемы, которые изучают представители таких дисциплин, намного более трудны для объяснения – они не опираются на константы (законы природы) и в большей степени зависят от оценок и суждений исследователя [Myrdal 1972].

Говоря о влиянии общественных и гуманитарных наук, авторы указывают, что гуманитарное знание играет важную роль в общественном развитии – несмотря на отсутствие очевидной прикладной пользы. В прошлом представители гуманитарных и общественных наук внесли значительный вклад в формирование национальных идентичностей и создание национальных государств в Европе [Hazelkorn 2015]. Российский исследователь В.О. Воробьева подчеркивает особый статус социогуманитарных наук как важнейшего и безальтернативного ресурса противостояния технологически ускоренному разрушению природы и общества [Воробьева 2019]. В современный период бурных социальных трансформаций именно они могут дать ответы на вызовы, стоящие перед обществом. Как отмечает коллектив отечественных авторов, «общественно-гуманитарные науки призваны улавливать тренды социальных трансформаций, которые задают направления развития и создают дискурсы, отвечающие вызовам времени» [Новичкова 2020].

Выдающийся американский философ М. Нуссбаум в своей монографии обосновала важность гуманитарных наук и настаивает на том, что демократия исчезнет с уменьшением объема гуманитарных знаний. В то же время обучение им сокращается как в начальном/среднем, так и в высшем образовании практически во всех странах мира [Нуссбаум 2014]. Российский философ и филолог М. Эпштейн отмечает, что социогуманитарные исследования вполне могут иметь прикладное экономическое значение, и такие истории успеха, как компании Apple или Facebook³, содержат в себе не меньше гуманитарной составляющей, чем технической [Эпштейн 2016].

Более того, некоторые авторы указывают, что в социогуманитарных исследованиях прикладная составляющая выступает основной – без нее изыскания не имеют смысла. Социальные науки смогут внести свой вклад в прогресс человечества только в том случае, если они более непосредственно возьмут на себя роль наук о действии, а не наук о бытии [Archibugi 2019].

Место общественных и гуманитарных наук в современной российской научной системе

Анализ количественных данных об объеме финансирования и его источниках, численности и составе исследователей в общественно-гуманитарных и естественно-технических науках позволяет не только сформировать общее представление о ситуации, но и понять качественную составляющую происходящих в них процессов.

Ключевым стимулом развития научно-исследовательской деятельности в государстве считается финансирование науки. Его объем и структура говорит о том, какую научно-техническую политику проводит государство. В настоящее время сектору исследований и разработок уделяют значительное внимание. Еще в 2012 г. Указ Президента Российской

³ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией в РФ.

Федерации⁴ поставил задачу к 2015 г. выйти на значение показателя «внутренних затрат на исследования и разработки до 1,77 процента внутреннего валового продукта», однако данная цель не была достигнута. В последние годы в Российской Федерации провели ряд мероприятий, направленных на научно-технологическое развитие государства, включая поддержку научных исследований и разработок⁵. Однако стимулирование общественных и гуманитарных наук не упомянуто ни в одном программном документе, кроме Стратегии научно-технологического развития (2016 г.). В ней одним из приоритетов научно-технологического развития закреплена «возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук»⁶.

Доля внутренних затрат на исследования и разработки (ВЗИР) в ВВП выступает важнейшим показателем, характеризующим объем финансирования науки в государстве. По данным Росстата, в России в 2021 г. доля ВЗИР в ВВП составила 1%. Данный показатель снизился на 0,1 п. п. по сравнению с 2020 г. В развитых зарубежных странах показатель растет. Так, в Израиле доля ВЗИР в ВВП увеличилась почти на 6% по сравнению с 2019 г., в Корее – на 4%, в Швеции – на 3%, в Бельгии – на 7%, в Японии – почти на 2%⁷.

По данным Института статистики ЮНЕСКО⁸ за 2020 г., в рейтинге государств по доле ВЗИР в ВВП Россия значительно отстает от ведущих стран мира и находится на 33 месте (рис. 1). Приведены показатели за 2020 г. в связи с тем, что по ряду стран в статистической базе отсутствуют данные за последующие периоды, из-за чего невозможно корректно сопоставить значения.

В десятку лидеров по доле ВЗИР в ВВП входят Израиль (5,4%), Республика Корея (4,8%), Швеция и Бельгия (по 3,5%), США (3,4%), Япония (3,3%), Австрия (3,2%), Германия (3,1%), Дания (3%) и Финляндия (2,9%).

Далее представлены результаты сопоставления ВЗИР зарубежных стран по паритету покупательной способности (ППС) в области естественно-технических и социально-гуманитарных наук⁹. Необходимо отметить, что в статистической базе ОЭСР представлены ограниченные данные о финансировании областей наук по ряду зарубежных стран, в том числе развитых. На основе имеющейся информации составлен рейтинг 10 стран с наибольшими внутренними затратами на НИОКР по ППС в области естественно-техни-

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». Kremlin.ru. (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/35263>).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.03.2021 № 143). Kremlin.ru. (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>); Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Kremlin.ru. (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>); Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Гарант. (<https://base.garant.ru/72216664/>).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.03.2021 № 143). Kremlin.ru. (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>).

⁷ Индикаторы науки: 2023: статистический сборник (2023) В.В. Власова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ. 416 с. (<https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/818384496.pdf>, стр. 349–351).

⁸ Science, technology and innovation. UNESCO Institute for Statistics. (http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=SCN_DS).

⁹ OECD.Stat. (<https://stats.oecd.org/>).

ческих и гуманитарных и социальных наук (рис. 2 и 3). Рейтинг составлен по данным за 2019 г., поскольку информация за более поздние периоды в базе данных отсутствует¹⁰.

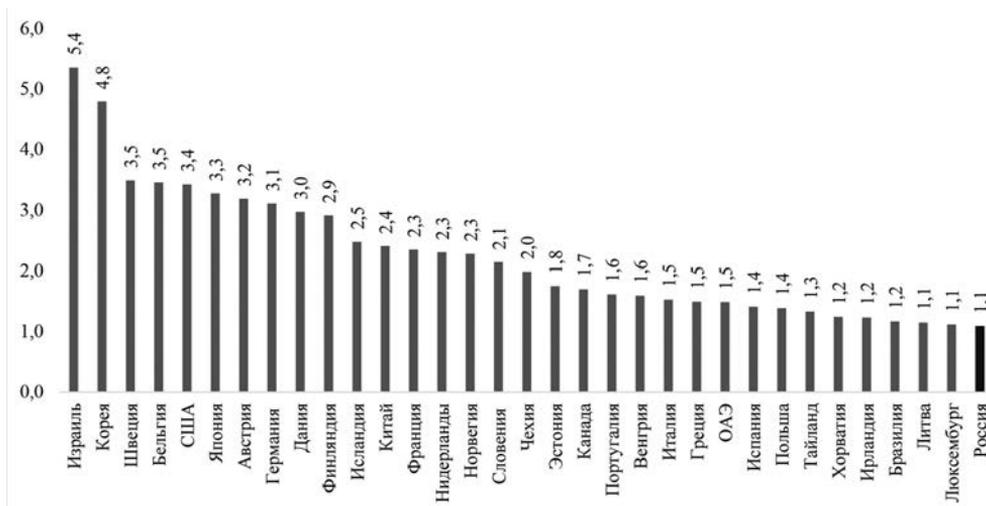

Рисунок 1. Сопоставление доли затрат на исследования и разработки к ВВП по странам, %

Figure 1. Research and development expenditure by countries, % of GDP

Источник: составлено авторами по данным ЮНЕСКО (http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=SCN_DS).

Source: compiled by the authors from the UNESCO data (http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=SCN_DS).

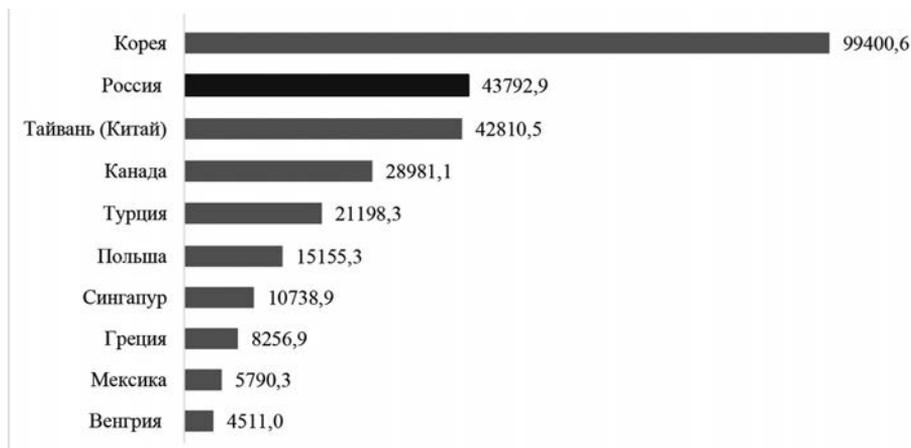

Рисунок 2. ВЗИР по ППС в области естественно-технических наук, млн долл. США

Figure 2. GERD (PPPs) in the field of natural sciences, mln of US dollars

Источник: составлено авторами по данным OECD (<https://stats.oecd.org/>).

Source: compiled by the authors from OECD data (<https://stats.oecd.org/>).

¹⁰ OECD.Stat. (<https://stats.oecd.org/>).

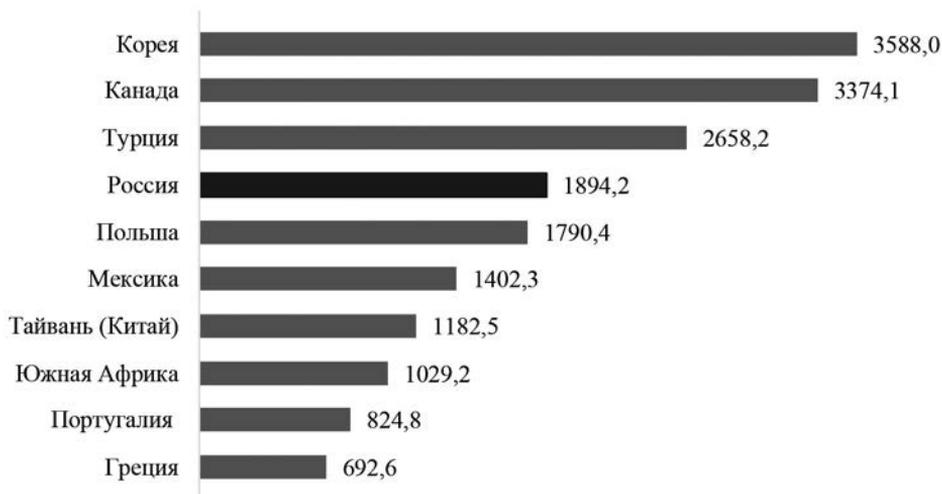

Рисунок 3. ВЗИР по ППС в области социально-гуманитарных наук, млн долл. США

Figure 3. GERD (PPPs) in the field of social sciences and humanities, mln US dollars

Источник: *составлено авторами по данным OECD* (<https://stats.oecd.org/>).
Source: *compiled by the authors from OECD data* (<https://stats.oecd.org/>).

По уровню ВЗИР по ППС как в области естественно-технических, так и социально-гуманитарных наук лидирует Корея. Россия занимает 2-ю позицию в области естественно-технических наук и 4-ю в области социально-гуманитарных наук. В тройку лидеров по ВЗИР по ППС в области естественно-технических наук входит Тайвань (Китай), по социально-гуманитарным наукам – Турция. Наблюдается значительный разрыв в затратах на естественно-технические и социально-экономические науки в пользу первых: в 36 раз в Тайване (Китай); в 27,7 раз в Корее; в 12 раз в Греции; в 8,6 раза в Канаде. В остальных представленных в рейтинге странах разрыв составляет: 8,5 раз в Польше; 8 раз в Турции; 4 в Мексике. Наибольший показатель характерен для стран с развитой экономикой (Корея, Тайвань (Китай), Канада, Греция). В России наблюдается похожая картина: разрыв в 23 раза в пользу естественно-технических наук говорит о том, что государство в финансировании науки отдает приоритет именно этой научной области. В то же время в России отсутствует научно-технический прорыв, наблюдаемый в развитых странах.

Для российской модели финансовой поддержки исследований и разработок характерно значительное участие государства и слабая вовлеченность предпринимательского сектора экономики. На основе данных Росстата¹¹ выявлена структура ВЗИР по источникам финансирования за семилетний период (с 2015 г. по 2021 г.) в процентном отношении в разрезе областей наук (рис. 4).

В России на протяжении анализируемого периода преобладающую долю в финансировании всех научных областей занимают бюджетные средства (от 50% в технических науках до 71% в гуманитарных науках), однако в странах-лидерах научно-технологического развития наблюдается обратно пропорциональная картина. Так, в Японии соотношение государственного и предпринимательского сектора внутренних затрат на исследования и

¹¹ Наука, инновации и технологии. Федеральная служба государственной статистики. (<https://rosstat.gov.ru/statistics/science>).

разработки составляет 8,3% и 78,7%, в Южной Корее – 22,4% и 76,6%, в Китае – 19,8% и 77,5%, в Израиле – 1,3% и 90,3%¹². Приоритет отдается естественно-техническим наукам, что логично для стран с высоко развитыми технологиями. В России же собственные средства и финансы предпринимательского сектора занимают лишь 17% и 18% в технических науках, а также 11% и 10% в естественных.

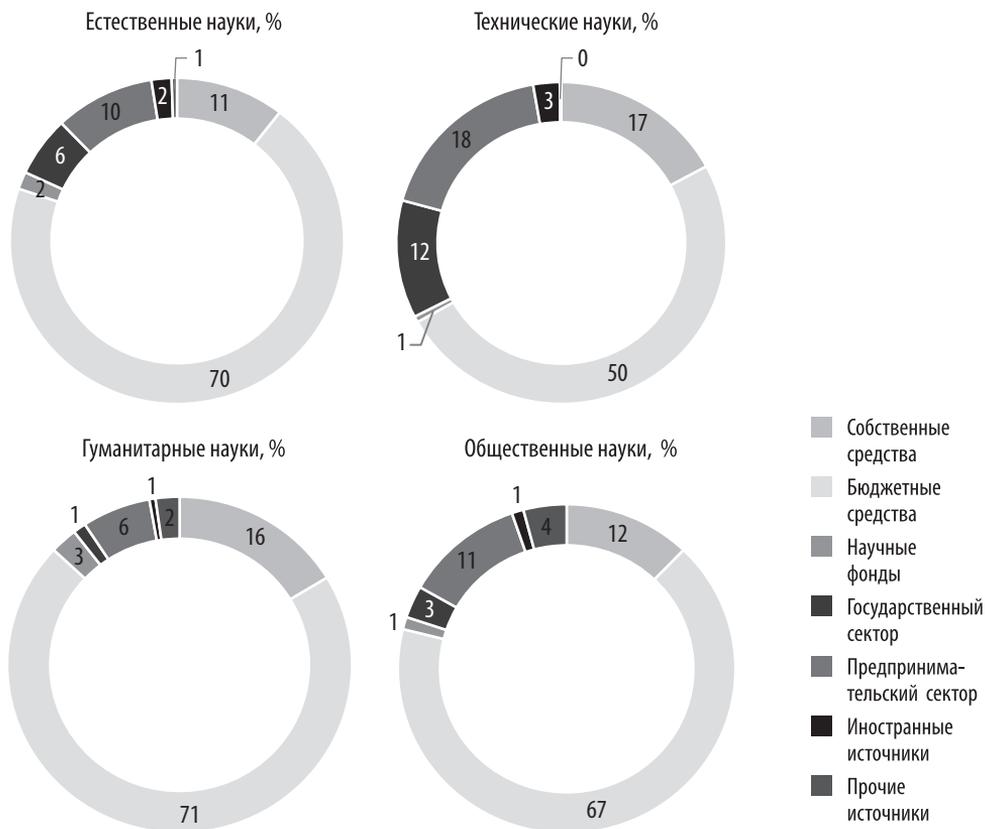

Рисунок 4. Структура ВЗИР по источникам финансирования (средняя доля за период с 2015 г. по 2021 г.), %

Figure 4. Structure of GERD's sources of funding (average share for the period from 2015 to 2021), %

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/statistics/science>).

Source: compiled by the authors from the Federal State Statistics Service data (<https://rosstat.gov.ru/statistics/science>).

Таким образом, в гуманитарных науках доля собственных средств в структуре ВЗИР в 2,6 раза превышает вклад предпринимательского сектора. Данный факт еще раз подтверждает то, что и коммерческие, и государственные предприятия не заинтересованы

¹² Индикаторы науки: 2023: статистический сборник (2023) В.В. Власова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ. 416 с. (<https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/818384496.pdf>, стр. 353–354).

в результатах гуманитарных научных исследований (доля затрат государственного сектора в гуманитарных науках составляет 1%). Средства научных фондов в структуре ВЗИР представлены незначительно: от 1% в технических и общественных науках и до 3% в гуманитарных. Роль иностранных источников в финансировании российской науки очень низка – от 1% до 3% в структуре ВЗИР.

В финансировании за счет государственного задания, субсидий на НИОКР, фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности и т. д. также преобладает поддержка естественно-технических наук (от 91% до 99,7% денежных средств) (таб. 1).

Таблица 1

Финансирование исследований и разработок в разрезе областей наук по видам (среднее значение за 2016 – 2021 гг.), %

Table 1

Funding of research and development by field of science and by type (average value for 2016–2021), %

Доля НИР за счет субсидий по государственному заданию, %		Доля НИР за счет субсидий на НИОКР, %		Доля НИР за счет средств фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, %		Доля НИР за счет других видов конкурсного финансирования, %	
Естественно-технические науки	Общественные и гуманитарные науки	Естественно-технические науки	Общественные и гуманитарные науки	Естественно-технические науки	Общественные и гуманитарные науки	Естественно-технические науки	Общественные и гуманитарные науки
91 %	9 %	99 %	1 %	96 %	4 %	99,7 %	0,3 %

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/statistics/science>).

Source: compiled by the authors from the Federal State Statistics Service data (<https://rosstat.gov.ru/statistics/science>).

Объемы финансирования общественных и гуманитарных наук составляют:

- 9% от всех субсидий по государственному заданию;
- 4% от средств фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности;
- 1% от субсидий на НИОКР;
- 0,3% от других видов конкурсного финансирования.

Одним из значимых источников финансирования науки выступает грантовая поддержка от научных фондов. В настоящее время в России такую поддержку оказывает только Российский научный фонд. До 29 июля 2022 г. проекты социогуманитарной направленности поддерживал также Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), который сейчас переименован в ФГБУ РЦНИ¹³. В системе государственной поддержки научных

¹³ Постановление Правительства РФ № 1357 от 29 июля 2022 «О федеральном государственном бюджетном учреждении «Российский центр научной информации». Правительство России. (<http://government.ru/docs/all/142438/>).

проектов РФФИ организовывал большое количество конкурсов, в том числе по гуманитарным и общественным наукам. Теперь, когда РФФИ стал выполнять иные функции, существует дополнительный риск сокращения поддержки социогуманитарных наук и концентрации грантовой поддержки в РНФ.

Совокупное количество проектов при поддержке РНФ за период с 2014 по 2021 гг. увеличилось почти в 5 раз, что подтверждает востребованность поддержки российских исследований и разработок (рис. 5)¹⁴.

Рисунок 5. Поддержанные РНФ проекты в разных областях наук

Figure 5. Projects supported by the Russian Science Foundation in the different fields of sciences

Источник: составлено авторами по данным отчетов Российского научного фонда за период с 2014 г. по 2021 г. (<https://rscf.ru/documents/archive/>).

Source: compiled by the authors based on the reports of the Russian Science Foundation for the period from 2014 to 2021 (<https://rscf.ru/documents/archive/>).

При сравнении количества поддерживаемых проектов в разных научных областях очевиден приоритет инженерных наук: в 2021 г. таких проектов было в 2,7 раза больше, чем в области гуманитарных и социальных, а рост за исследуемый период составил 6,8 раза против 3,3 раз соответственно. Тревожным сигналом также можно считать то, что в 2021 г. количество поддержанных проектов в области социальных и гуманитарных наук снизилось практически до уровня 2018 г.

Анализ распределения поданных заявок и поддержанных проектов РНФ в разрезе областей наук еще раз подтверждает приоритетность проектов по инженерным наукам (рис. 6)¹⁵.

¹⁴ Архив документов. Российский научный фонд. (<https://rscf.ru/documents/archive/>).

¹⁵ Там же.

Рисунок 6. Распределение поданных заявок и поддержанных проектов РФФИ по областям наук, %

Figure 6. Distribution of submitted applications and supported projects of the Russian Science Foundation by fields of sciences, %

Источник: составлено авторами по данным отчетов Российского научного фонда за период с 2014 г. по 2021 г. (<https://rscf.ru/documents/archive/>).

Source: compiled by the authors based on the reports of the Russian Science Foundation for the period from 2014 to 2021 (<https://rscf.ru/documents/archive/>).

Статистика заявок по гуманитарным и социальным наукам с 2016 г. по 2020 г. имела отрицательную тенденцию, но к 2021 г. показатель возрос (с 10,8% в 2020 г. до 16,0% в 2021 г.). Динамика по инженерным наукам прямо противоположная: к 2021 г. доля заявок снизилась до 19%, в 2020 г. она составляла 22,6%.

Доля поддержанных проектов в области инженерных наук более чем в 2 раза превышает показатель по гуманитарным и социальным наукам. В то же время доля поддержанных проектов в гуманитарных и социальных науках колеблется незначительно (от 8,3% в 2017 г. до 8,7% в 2021 г.). Однако в области инженерных наук она достигла максимального значения в 2018 г. (21%), к следующему году снизившись до 18,6%.

Как известно, наличие высококвалифицированного кадрового потенциала напрямую влияет на устойчивый рост и развитие любого государства. По данным статистической базы ОЭСР, Россия в 2020 г. занимала пятую позицию по численности исследователей в эквиваленте полной занятости среди зарубежных стран (рис. 7)¹⁶.

Первое место по данному показателю занимает Китай (2 281,1 тыс. чел.), второе – Япония с численностью исследователей в 689,8 тыс. чел., третье – Германия (450,8 тыс. чел.), затем следует Корея (446,8 тыс. чел.). Несмотря на то, что Россия находится в пятерке лидеров по показателю численности исследователей в эквиваленте полной занятости, по объему финансирования исследований и разработок она значительно отстает от зарубежных стран с развитой и некоторых стран с развивающейся экономикой.

¹⁶ OECD.Stat. (<https://stats.oecd.org/>).

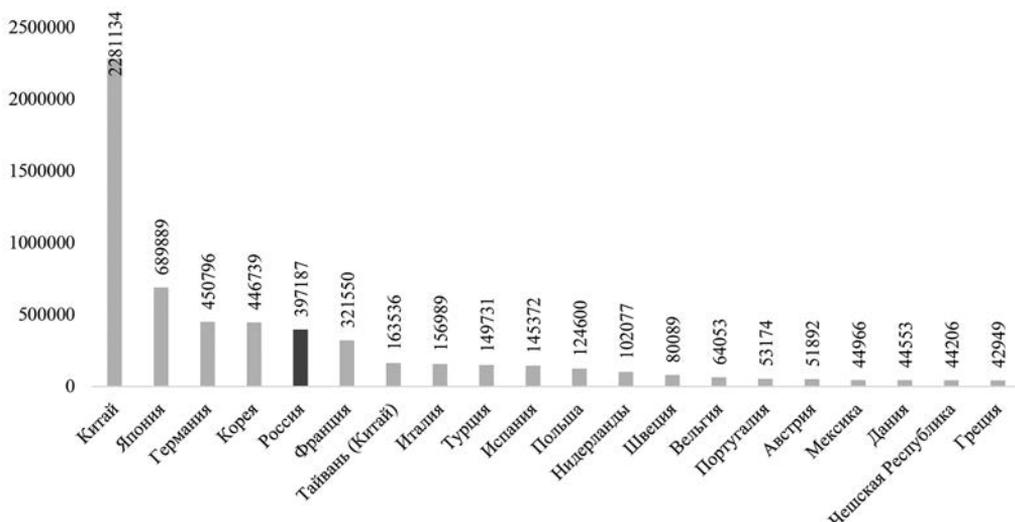

Рисунок 7. Количество исследователей в эквиваленте полной занятости за 2020 г.

Figure 7. The number of full-time equivalent researchers in 2020

Источник: *составлено авторами по данным OECD* (<https://stats.oecd.org/>).

Source: *compiled by authors from OECD data* (<https://stats.oecd.org/>).

Провести анализ численности исследователей в эквиваленте полной занятости не представляется возможным в связи с отсутствием соответствующих данных по ряду стран в статистической базе данных ОЭСР.

В России за последние пять лет сокращается как совокупная численность исследователей (на 5,5%), так и численность исследователей в области естественно-технических наук (6,6%). Одновременно в области общественных и гуманитарных наук их доля возросла почти на 7% (рис. 8)¹⁷.

В структуре численного состава исследователей наблюдается значительный дисбаланс в сторону естественно-технических наук (в 2021 г. соотношение составляло 83,5% к 9,6% в совокупной численности исследователей). Одной из причин такой динамики можно считать устойчивое мнение о том, что технические специальности более перспективны, чем общественные и гуманитарные. Именно в технических областях больше возможностей для реализации, более высокие заработные платы. Профессии именно в этом секторе считаются более престижными и значимыми.

Анализ уровня квалификации исследователей в разрезе анализируемых областей наук позволил сделать вывод о том, что доля кандидатов и докторов наук в гуманитарном секторе значительно выше, чем в техническом (таб. 2)¹⁸.

¹⁷ Наука, инновации и технологии. Федеральная служба государственной статистики. (<https://rosstat.gov.ru/statistics/science>).

¹⁸ Наука, инновации и технологии. Федеральная служба государственной статистики. (<https://rosstat.gov.ru/statistics/science>).

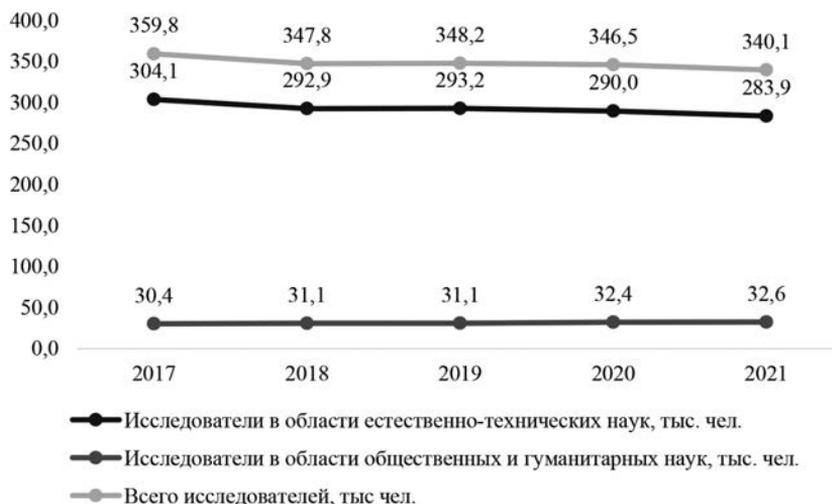

Рисунок 8. Динамика численности исследователей в России, тыс. чел.

Figure 8. Dynamics of the number of researchers in Russia, thousands of people

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/statistics/science>).

Source: compiled by the authors from the Federal State Statistics Service data (<https://rosstat.gov.ru/statistics/science>).

Таблица 2

Уровень квалификации исследователей в области естественных, технических, общественных и гуманитарных наук за период с 2010 по 2021 гг.

Table 2

The level of qualification of researchers by field of science for the period from 2010 to 2021

Доля докторов наук в общем количестве исследователей		Доля кандидатов наук в общем количестве исследователей	
Область науки	Доля, %	Область науки	Доля, %
Естественные науки	14	Естественные науки	38
Технические науки	2	Технические науки	9
Общественные науки	15	Общественные науки	48
Гуманитарные науки	20	Гуманитарные науки	47

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/statistics/science>).

Source: compiled by the authors from the Federal State Statistics Service data (<https://rosstat.gov.ru/statistics/science>).

Доля докторов и кандидатов наук, занятых в гуманитарной сфере, составляет 20% и 47% соответственно. В общественных науках соотношение равно 15% и 48%. В области естественных наук заняты 14% докторов и 38% кандидатов наук, в техническом секторе показатель наименьший – 2% и 9% соответственно. Таким образом, исследователей с уче-

ными степенями в области естественных и технических наук гораздо меньше, чем в общественных и гуманитарных науках.

Представленные данные свидетельствуют о продолжительном кризисе общественных и гуманитарных наук, который выражается в их дискриминации по объему финансирования, меньшем количестве исследователей, а также в низкой поддержке научных проектов со стороны РФ. Общественные и гуманитарные науки почти не пользуются вниманием и особенно нуждаются в поддержке как со стороны государства, так и научного сообщества.

Заключение

В условиях современного научно-технологического развития взаимодействие гуманитарных и естественнонаучных подходов становится особенно важным. Ранее противопоставляемые друг другу группы наук находят точки соприкосновения в междисциплинарных научных исследованиях и разработках. Общественные и гуманитарные науки стали более ориентированными на практику: например, в экономике распространены математические модели с использованием программных средств и информационных технологий, в лингвистике и психологии проводят совместные исследования со специалистами из области искусственного интеллекта и нейронауки, археология в настоящее время невозможна без использования цифрового оборудования, компьютерных программ и моделирования, а также спектрального анализа. Большое значение приобретают вопросы правового регулирования, этики и нравственности – особенно в ситуациях, когда речь идет о генетических технологиях и селекции.

В современных условиях на поддержку междисциплинарных научных исследований направлены мероприятия по развитию уникальных научных установок и центров коллективного пользования научным оборудованием в рамках ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2021 годы»¹⁹. Кроме того, таким проектам содействует Российский научный фонд через конкурс по поддержке междисциплинарных проектов «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований по поручениям (указаниям) Президента Российской Федерации» (междисциплинарные проекты). Размер одного гранта в 2022 г. составлял от 4 до 7,5 млн руб., в последующие годы – от 8 до 15 млн руб. ежегодно²⁰. В 2021 г. затраты в рамках данного конкурса составили 1% от совокупных расходов РФ²¹. Однако поддержка междисциплинарных исследований по грантам РФ и при использовании ЦКП и УНУ представляется недостаточной.

В настоящее время назрела необходимость существенно увеличить объемы поддержки научных проектов в области общественных и гуманитарных наук. Результаты исследований в данной области имеют большое значение: они занимаются изучением процессов, связанных с жизнедеятельностью человека и его местом в обществе.

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 21 мая 2013 г. № 426 «О федеральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2021 годы».

²⁰ Объявлен прием заявок на конкурс по поддержке междисциплинарных проектов. Российский научный фонд. 1 апреля, 2022. (<https://rscf.ru/news/found/obyavlen-priem-zayavok-na-konkurs-po-podderzhke-mezhdistsiplinamykh-proektov>).

²¹ Отчет Российского научного фонда за 2021 г. Российский научный фонд. (https://rscf.ru/fondfiles/documents/rsf_ar_2021.pdf).

В соответствии с действующими программными документами необходимо разработать систему мероприятий, которые будут стимулировать развитие научных исследований междисциплинарного характера в области общественных и гуманитарных наук (когнитивные исследования, цифровые технологии, науки о жизни, социальные науки и др.).

Для развития общественных и гуманитарных наук в современном научном знании значение приобретают следующие меры:

- совершенствование системы разработки научно-технологических приоритетов с учетом реального состояния мировой науки и технологий, а также запросов общества;
- внедрение регулярной оценки и прогнозирования социальных эффектов и культурных последствий инноваций в механизм государственного управления через развитие системы социогуманитарной диагностики и экспертизы технологических проектов;
- использование возможностей социальных наук и гуманитарного знания при принятии решений в сфере научно-технологической политики;
- развитие разнообразных форм и каналов государственной поддержки научных исследований: увеличение количества научных фондов, создание (возрождение) специализированных программ и фондов поддержки научных исследований в области общественных и гуманитарных наук (таких как РГНФ);
- стимулирование притока молодых талантов в сферу научных исследований через создание условий для повышения престижа исследований в области гуманитарных и социальных наук в России;
- популяризация значимости результатов и достижений социогуманитарных наук и их влияния на восприятие достижений научно-технологического прогресса с целью повысить заинтересованность органов власти в социогуманитарных исследованиях;
- увеличение объемов государственного финансирования междисциплинарных проектов, включающих социогуманитарные науки.

Такая поддержка способствовала бы развитию как фундаментальных, так и прикладных междисциплинарных исследований. Она позволит совершенствовать финансирование научных исследований за счет привлечения внебюджетных средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Воробьева О.В. (2019) О проблемах и перспективах развития гуманитарных наук и гуманитарного образования в России // *Высшее образование в России*. № 11. С. 22–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-11-22-33

Vorob'eva O.V. (2019) O problemah i perspektivah razvitiya gumanitarnykh nauk i gumanitarnogo obrazovaniya v Rossii [On the Problems and Prospects for the Development of the Humanities and Humanitarian Education in Russia]. *Vysshiee obrazovanie v Rossii*. no. 11, pp. 22–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-11-22-33 (In Russ.)

Воронцов А.В. (2022) Ведущая роль гуманитарных наук в системе образования и воспитания // В: *Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка*, Санкт-Петербург, 09–10 июня 2022 года. СПб: Издательство Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. С. 496–498.

Voroncov A.V. (2022) Vedushchaya rol' gumanitarnykh nauk v sisteme obrazovaniya i vospitaniya [The Leading Role of the Humanities in the System of Education and Upbringing]. In: *Global'nyy konflikt i kontury novogo mirovogo poryadka, Sankt-Peterburg, 09–10 iyunya 2022 goda*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gumanitarnogo universiteta profsoyuzov. Pp. 496–498. (In Russ.)

Жарова Е.Н. (2022) Наукометрия в области социогуманитарных наук: проблемы и пути их решения // *Научные и технические библиотеки*. № 4. С. 34–53. DOI: 10.33186/1027-3689-2022-4-34-53

Zharova E.N. (2022) *Naukometriya v oblasti sociogumanitarnyh nauk: problemy i puti ih resheniya* [Scientometrics in the Field of Socio-humanitarian Sciences: Problems and Ways to Solve Them]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*. no. 4, pp. 34–53. DOI: 10.33186/1027-3689-2022-4-34-5 (In Russ.)

Новичкова И.Ю., Слобожникова В.С., Суслов И.В. (2020) Общественно-гуманитарные науки современной России: между прошлым и будущим // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 1. С. 242–250. DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10029

Novichkova I.YU., Slobozhnikova V.S., Suslov I.V. (2020) *Obshchestvenno-gumanitarnye nauki sovremennoj Rossii: mezhdru proshlym i budushchim* [Social and Humanitarian Sciences of Modern Russia: Between the Past and the Future]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii*. no. 1, pp. 242–250. DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10029 (In Russ.)

Нуссбаум М. (2014) Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. Пер. с англ.: М. Бендет. Ред.: А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Nussbaum M. (2014) *Ne radi pribyli: zachem demokratii nuzhny humanitarnye nauki* [Not for Profit: Why Democracy Needs the Humanities]. Translation from English: M. Bendet. Ed(s): A. Smirnova. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Эпштейн М. (2016) О гуманитарном изобретательстве // Новое литературное обозрение. № 2. С. 220–245.

Epshtejn M. (2016) О гуманитарном изобретательстве [About Humanitarian Invention]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. no. 2, pp. 220–245. (In Russ.)

Archambault É., Larivière V. (2010) The Limits of Bibliometrics for the Analysis of the Social Sciences and Humanities Literature // In: *World Social Science Report 2009/2010*. Pp. 251–254.

Archibugi F. (2019) *The Programming Approach and the Demise of Economics*. Cham: Palgrave Macmillan. Pp. 1–39. https://doi.org/10.1007/978-3-319-78057-3_1

Barstow C., Durey J.F. (2022) World in Strife—Returning to the Humanities // *Journal of Arts & Humanities*. Vol. 11. Issue 7. Pp. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.18533/jah.v11i07.2290>

Bernard F.S. (2022) Embracing Humanities in Computer Science: An Autoethnography // *Learning*. Vol. 2. No. 3. Pp. 1–13. DOI: 10.21428/8c225f6e.d562588b

Eisfeld R., Flinders M. (2021) *Political Science in the Shadow of the State: Research, Relevance, Defence*. Cham: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-75918-6>

Ikpe I.B. (2015) The Decline of the Humanities and the Decline of Society // *Theoria: A Journal of Social and Political Theory*. No. 62. Pp. 50–66. DOI: 10.3167/th.2015.6214203

Hazelkorn E. (2015) Making an Impact: New Directions for Arts and Humanities Research // *Arts and Humanities in Higher Education*. No. 14. Pp. 25–44. DOI:10.1177/1474022214533891

Kaplan R.M., Johnson S.B., Kobor P.C. (2017) NIH Behavioral and Social Sciences Research Support: 1980–2016 // *American Psychologist*. No. 72. Pp. 808–821. DOI: 10.1037/amp0000222

Klukurka J., Irwin B. (2020) The Nature and Extent of Foresight-Infused Strategy: A Case Study Highlighting the Liberal Arts Academy's Future Move from Traditional Education // *Foresight: The Journal of Future Studies, Strategic Thinking and Policy*. Vol. 22. No. 5-6. Pp. 671–687. DOI: 10.1108/FS-03-2020-0019

Koh A.A. (2018) Letter to the Humanities: DH Will Not Save You // In: Kim D., Stommel J., *Disrupting the Digital Humanities*. Santa Barbara: Punctum Books. Pp. 39–48. DOI: 10.21983/P3.0230.1.00

Knorr-Cetina K.D. (1981) Social and Scientific Method or What Do We Make of the Distinction between the Natural and the Social Sciences? // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 11. No. 3. Pp. 335–359.

Mack R.W. (1955) How Scientific is Social Science? // *ETC: A Review of General Semantics*. Vol. 12. No. 3. Pp. 201–208.

Myrdal G. (1972) How Scientific are the Social Sciences? // *Journal of Social Issues*. Vol. 28. No. 4. Pp. 151–170.

Newfield C. (2009) Ending the Budget Wars: Funding the Humanities During a Crisis in Higher Education // *Profession*. Pp. 270–284.

Информация об авторах

Агамирова Елизавета Валерьевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий специалист отдела научного менеджмента и наукометрии, Московский государственный лингвистический университет. Адрес: 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка 38, стр. 1. E-mail: agamirova@yandex.ru.

Жарова Елена Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела научного менеджмента и наукометрии, Московский государственный лингвистический университет. Адрес: 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка 38, стр. 1. E-mail: zharova_elena@list.ru

Малахов Вадим Александрович, кандидат исторических наук, эксперт отдела научного менеджмента и наукометрии, Московский государственный лингвистический университет. Адрес: 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка 38, стр. 1.; старший научный сотрудник, руководитель отдела науковедения, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН). Адрес: 125315, Россия, Москва, ул. Балтийская, д.14. E-mail: yasonbh@mail.ru.

About the authors

Elizaveta V. Agamirova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Specialist, Department of Scientific Management and Scientometrics, Moscow State Linguistic University. Address: 119034, Russia, Moscow, Ostozhenka str., 38, p. 1. E-mail: agamirova@eandex.ru.

Elena N. Zharova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Scientific Management and Scientometrics, Moscow State Linguistic University. Address: 119034, Russia, Moscow, Ostozhenka str., 38, p. 1. E-mail: e.zharova@linguanet.ru.

Vadim A. Malakhov, Candidate of Sciences (History), Expert, Department of Science Management and Scientometrics, Moscow State Linguistic University. Address: 119034, Russia, Moscow, Ostozhenka str., 38, p. 1.; Senior Research Fellow, Head of the Department of Science Studies, S.I.Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences. Address: 125315, Russia, Moscow, Baltiyskaya str., 14. E-mail: yasonbh@mail.ru.

Статья поступила в редакцию/ Received: 24.04.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 21.05.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 25.08.2023

УДК 303.01

DOI: 10.31857/S0869049923040032
EDN: OZEKTD

Оригинальная статья/ Original article

Конструктивизм и примордиализм: взаимодополняющие методологии в этнологии и социологии

© Э.А. ПАИН

Эмиль Абрамович Паин, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), epain@hse.ru. ORCID: 0000-0002-8796-187X

Проведена ревизия стереотипа, устоявшегося в постсоветской этнологической и социологической теории. Он противопоставляет две методологии: конструктивизм и примордиализм. Первый подход принято считать верным, второй – ложным, сочетать же данные методологии в рамках этого стереотипа недопустимо. Выдвинута противоположная идея о том, что оба подхода взаимно дополняют друг друга, что позволяет анализировать разные стороны социально-культурной реальности. Дана авторская трактовка методологий, в связи с чем предпринята попытка переосмыслить методологические позиции классиков теории нации: Б. Андерсена, Э. Геллнера и Э. Хобсбаума.

Ключевые слова: этнологическая методология, конструктивизм реалистичный, конструктивизм радикальный, примордиализм, эссенциализм

Цитирование: Паин Э.А. (2023) Конструктивизм и примордиализм: взаимодополняющие методологии в этнологии и социологии // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 53–67. DOI: 10.31857/S0869049923040032, EDN: OZEKTD.

Constructivism and Primordialism: Complementary Methodologies in Ethnology and Sociology

© E. PAIN

Emil A. Pain, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia); Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia), epain@hse.ru. ORCID: 0000-0002-8796-187X

Abstract. The stereotype established in the post-Soviet ethnological and sociological theory is revised. The stereotype contrasts two methodologies: constructivism, on the one hand, and primordialism, on the other. The first approach is considered correct, the second – false. The combination of these methodologies is regarded to be impossible. The opposite idea that both approaches are complementary in the analysis of different aspects of socio-cultural reality is proposed. The author’s interpretation of the three named methodologies is given. An attempt is made to accurately and succinctly characterize methodological positions of such classics of the theory of nation and ethnicity as B. Andersen, and E. Gellner and E. Hobsbawm.

Keywords: ethnological methodology, realistic constructivism, radical constructivism, primordialism, essentialism

Citation: Pain E. (2023) Constructivism and Primordialism: Complementary Methodologies in Ethnology and Sociology. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 4, pp. 53–67. DOI: 10.31857/S0869049923040032, EDN: OZEKTD.

Введение

В 1830–1840-х гг. зародилась наука, которая получила разные названия в некоторых странах. В Англии она – социальная антропология, во Франции – этнология, в России – этнография. Следует отметить, что Россия одна из первых в мире институционализировала ее. Упоминание этнографии можно встретить в императорском Указе от 1845 г. об образовании Русского географического общества, которое включало в себя отделение этнографии. Оно возникло вскоре после появления Парижского общества этнологии (1839 г.). Несмотря на различие названий в разных странах и на особенности научных воззрений ее представителей в первой половине XIX в., у антропологии-этнологии того времени сложились общие теоретические основы, носившие на себе отпечаток эволюционной теории Ч. Дарвина. Среди базовых положений антропологии-этнографии того времени можно выделить: единство человеческого рода, которое обуславливает и единообразие развития культуры; развитие, детерминированное естественным отбором, определяющим прогрессивный и однолинейный вектор динамики (от простого к сложному); законы развития культурных явлений могут быть выведены редукцией на основе изучения психических свойств индивида, поэтому динамика политической системы и социальные обстоятельства жизни во внимание не принимали. Эволюционисты-антропологи в своих трудах упрощали реальность не больше, чем, например, эволюционисты-биологи того периода. Эволюционисты создали первые, пусть и упрощенные, подходы к систематике знаний в различных дисциплинах, без которых не могла бы возникнуть современная наука. Однако со временем стал проявляться основной недостаток раннего эволюционизма в социальной

антропологии – представления о вечности, неизменности и природной предопределенности человеческой культуры.

В начале XX в. (около 1920 г.) немецкий социолог М. Вебер предложил принципиально новую концепцию формирования и функционирования этнических общностей. Она опиралась на анализ таких социально-психологически[факторов, как массовые представления об общности происхождения и чувство этнической солидарности. Согласно Веберу, именно эти факторы – а не кровные отношения – формируют этническую общность. Массовые субъективные представления о единстве происхождения возникают из-за сходств в чертах поведения и обычаях членов группы или в связи с коллективной памятью о прошлом – например, о колонизации территории или миграциях. Такие представления доступны людям, которые считают себя частью данной общности и опираются на общие «этнические чувства, подпитываемые из различных источников» [Weber 1968]. Перечисленные идеи Вебера, которые представляли собой лишь фрагмент его многотомной работы «Хозяйство и общество», не заметили его современники. Более полувека они не были востребованы. Лишь в 1940–1960-е гг. в культурной антропологии и в социологии сформировалось неэволюционистское направление, которое освободилось от социобиологических наслоений. У. Уайт, Дж. Стюард, а также Т. Парсонс и Э. Шилз опирались на идеи Э. Дюркгейма и М. Вебера о коллективных представлениях, добавив к ним теорию социального действия в качестве главного механизма общественной эволюции [Parsons, Shils 1964].

Однако и эта теория характеризовалась излишним историческим детерминизмом, что, во-многом, стимулировало появление в 1970–1990-е гг. в социологии и в антропологии новой концепции – конструктивизма. Она уделяет наибольшее внимание постоянно и быстро изменяющимся дискурсивным факторам конструирования социальной реальности [Бергер, Лукман 1995].

В 1983 г. были опубликованы три научные работы, которые сформировали канон конструктивистского подхода в исторических и социально-антропологических исследованиях. В историческом сборнике «Изобретенные традиции» под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера отмечается, что многие исторические традиции были сформированы недавно. Социально-антропологическая монография Э. Геллнера «Нация и национализм» содержала в себе парадоксальное утверждение о решающей роли национализма в формировании наций. Наконец, социологическая работа Б. Андерсена «Воображаемое сообщество», название которой хорошо отражает суть конструктивистской методологии, стала в конце 1980-х гг. одной из основных методологических парадигм социальных наук.

В данной статье проанализированы две разновидности воображаемых сообществ. Во-первых, этнические – социокультурный феномен, который сформировался на основе мифологизированных представлений об общем историческом происхождении. Во-вторых, национальные – социально-политическое явление, связанное с массовыми представлениями и дискурсом об общем гражданстве в конкретном государстве. Основной работы стала конструктивистская методология. В то же время следует отметить опасность монополизации любой методологии – превращение ее в догму, «единственно верное учение». Цель исследования – изучить те сферы этнических и национальных процессов, которые требуют сочетания конструктивистской и неэволюционистской (примордиалистской) методологий, дополняющих друг друга. В задачи входит также экспертиза ряда стереотипов российской этносоциологической теории. Один из таких стереотипов состоит в отождествлении двух разных и слабо пересекающихся методологий эссенциализма и примордиализма.

Эссенциализм vs примордиализм

В российской справочной литературе, энциклопедиях и учебниках примордиализм и эссенциализм рассматривают как синонимы. Например, научно-справочный сайт *academic.ru* характеризует их так: «Примордиализм или эссенциализм – в этнологии (этнографии) одно из научных направлений, рассматривающее этнос как изначальное и неизменное объединение людей “по крови”». В указанных на ресурсе источниках отсутствуют конкретные примеры эссенциализма¹. Непонятно, какие этнографы говорили о неизменности этноса и его социобиологической природе. В Советском Союзе такие определения этноса встречались редко, поскольку они противоречили историко-эволюционной доктрине советской этнографии. Отождествление примордиализма и эссенциализма появилось в российской этнологии в 1990-е гг. и сохраняется до сих пор [Тишков 2023а, Тишков 2023б], однако в мировой науке к нему не прибегают. Так, американский социолог К. Калхун, один из самых цитируемых специалистов в области теории нации и национализма, в структуре своей монографии «Национализм» выделил особый раздел «Эссенциализм», который композиционно и логически противопоставлен другой главе – «Конструкция и примордиальность». В его книге примордиализм рассмотрен как respectable научная методология, противоположная эссенциализму и в некоторых аспектах дополняющая конструктивизм [Калхун 2006, 5].

К. Калхун определяет эссенциализм как мыслительный процесс, направленный на «сведение всего многообразия населения к какому-то одному признаку, составляющему его главную сущность и наиболее важное свойство. Это часто сопровождается утверждением, что “сущность” неизбежна или дана от природы» [Калхун 2006, 53]. Такая якобы фатальная неизбежность и неизменность культурных свойств обычно выражается в эмпирически непроверяемых, постулируемых качествах – таких, как народный дух (он же германский дух) по И. Гердеру, исконно русские начала по С. Уварову и психический склад нации в терминологии О. Бауэра. Последнюю концепцию использовали также в сталинской теории нации.

В Советском Союзе бесспорным представителем эссенциалистского подхода к этничности был лишь Л.Н. Гумилев, который выдвинул теорию пассионарности в этногенезе [Гумилев 2001]. Основное внимание в этой концепции уделено проблеме возникновения этносов, что в советской этнографии называли этногенетическими исследованиями. В современной этнологии данное направление считается устаревшим [Sokolovskii, Tishkov 2010]. Гумилев понимал этногенез как процесс, детерминированный преимущественно совокупным воздействием космических энергий и особенностей ландшафта («место развития»). Этногенез включает возникновение, подъем, упадок и умирание этноса. Гумилев считал этнос явлением географическим и биофизическим, который лишь обрамлен социальной оболочкой. Концепция Гумилева – уникальный для Советского Союза жесткий социально-биологический вариант эссенциализма, который критиковали большинство академических этнографов в СССР [Шницерльман, Панарин 2000].

Эссенциализм следует считать скорее идеологией, чем научной методологией. В ней выражено древнейшее представление об этничности, которое сложилось еще до возникновения этнологии (этнографии) как отдельной науки.

¹ Яценко Н.Е. (1999) Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб.: Лань; Кормазов А.Ю. (2004) Проблема этноса и этничности в науке: в поисках парадигмы // В: Сборник научных трудов. Выпуск 1 (11). Серия «Гуманитарные науки». Ставрополь: Северо-Кавказский государственный технический университет.

Методология примордиализма, напротив, зародилась во второй половине XX в. как авторская научная концепция известных исследователей в рамках неэволюционистского мировоззрения. Ее разработал (и дал ей нынешнее название) американский социолог Э. Шилз в 1957 г. [Shils 1957]. Затем концепцию развивали другие исследователи: в первую очередь антрополог К. Гиртц [Geertz 1963], а также Г. Айзекс, У. Коннор, Д. Хоровиц, Д. Конверси и др. Реальный примордиализм выходит из теории социального действия и не имеет ничего общего с эссенциализмом, которому свойственны представления о божественном, космическом или кровно биологическом происхождении этнических групп и наций. Ученые-примордиалисты подчеркивают социально-культурный характер этих общностей. Э. Шилз писал об этничности как о «социальном феномене глубинного коллективного самосознания» [Shills 1995]. К. Гиртц определял ее как «социально ратифицированную личностную идентичность» [Geertz 1973]. Американский социолог Д. Хоровиц, обобщая все известные ему проявления методологии примордиализма в американской социологии, трактует ее как подход, основанный на анализе социальных предпосылок и факторов индивидуальной и коллективной идентичности [Horowitz 2002].

Возникает вопрос о том, почему в России сложились крайне негативные и превратные оценки примордиализма. В 1990-е гг. в России произошло существенное обновление методологии этнографической науки, переименованной на французский манер в этнологию. В ней укрепились идеи конструктивизма, сосредоточенного на анализе этнической идентичности и ее социально-психологического конструирования. Эти идеи успешно интегрировались в российскую этнологию и социологию, однако в то же время направление примордиализма подверглось поспешным и необоснованным оценкам. Социолог М.Ю. Барбашин следующим образом оценивает этот переворот в российской этнологии и социологии 1990-х гг.: «... в конструктивистском понимании примордиализму достается роль “лженаучного” направления, которая в советское время отводилась генетике и кибернетике». По словам исследователя, примордиализм критиковали с «упорством, с которым правоверные нападают на еретиков, стремясь их уничтожить или, как минимум, изгнать» [Барбашин 2014]. В ходе методологической реформы 1990-х гг. оригинальная концепция Э. Шилза и К. Гиртца была сильно искажена.

Переосмысление понятия началось с объяснения ключевого термина этой концепции – «примордиальность» («первоначальность», или «изначальность»). В российских энциклопедических изданиях ее определяют как «изначальное и неизменное объединение людей по крови». Однако Э. Шилз вкладывал в понятие «изначальность» иной смысл. На его взгляд, примордиализм – это теоретико-методологический подход в гуманитарных науках, в основе которого лежит представление о социально-культурной «изначальности» (первичности) этничности в двух значениях:

- как культурное наследие, передаваемое по каналам трансляции этнических традиций и воспринимаемое каждым новым поколением как «изначальная данность»;
- как указание на этническое происхождение («начало») такого социально-политического сообщества, как нация.

Последнее обстоятельство, по мнению Шилза, проявилось следующим образом: «Когда более широкая территориальная общность стала главным критерием для распознавания своих соотечественников, этническая общность сублимировалась в национальную» [Шилз 1972]. Данную идею впоследствии развил Э. Смит в работе об этнических основаниях происхождения мировых наций (The Ethnic Origins of Nations). Он подчеркивал, что важно учитывать этническое начало в истории современных политических наций, в которых переплетены гражданские и этнические основания [Smith 1986]. Этнические корни наций проявляются, например, в государственном языке. Ни одна из существующих политических наций не

сконструировала для себя искусственный язык – они используют языки реальных этнических общностей. В тех случаях, когда закон предусматривает несколько государственных языков (как, например, в Швейцарии или Финляндии), они отражают «первичность этничности по отношению к нации», подчеркивая культурный вклад той или иной этнической группы в общее культурно-политическое наследие сложившейся нации.

Основные признаки примордиалистского подхода в трактовке его авторов можно свести к трем основным постулатам.

1. Реальность существования этничности как коллективного самосознания и внутригрупповой солидарности. Э. Шилз писал, что «этничность кажется неуловимой, но она вполне реальна» [Shils 1995]. Данный аспект – одно из важнейших отличий примордиалистского подхода от радикального конструктивизма, который считает этничность мифом. Э. Шилз и другие примордиалисты усматривают реальность этничности в ее видимых проявлениях (язык и особенности бытового и трудового этнического поведения), а также в особенностях этнических представлений – в том числе и мифологических. Идеи примордиалистов, по сути, представляют собой разновидность знаменитой социологической теоремы Томаса о том, что представления могут быть реальными по своим последствиям.

2. Этничность трактуют как культурное наследие, передаваемое из поколения в поколение по каналам трансляции культурных традиций. Данный канал обеспечивает устойчивость некоторых этнических проявлений культуры, в каких-то случаях – со времен эпохи племенных обществ и до наших дней [Isaacs 1975]. Некоторые этнонимы сохраняются веками, а иногда – тысячелетиями. Также весьма устойчивы представления (мифы) об общем происхождении и важные фрагменты этнического языка. На протяжении жизни нескольких поколений могут сохраняться пищевые или эстетические предпочтения.

3. Примордиальность (изначальность) представляет собой характеристику исторической первичности этничности по отношению к нации. Как отмечалось ранее, этнические корни политической нации прослеживаются, прежде всего, в этнических и национальных языках, которые используют представители нации – граждане. О роли этнического (национального) языка в развитии политических наций пишет американский историк Р. Суни, ссылаясь на идеи Б. Андерсона. Он подчеркивает, что в концепции «нации как воображаемого сообщества» этнический язык выполняет несколько важнейших функций. Он выступает как: реальное и видимое средство, при помощи которого «воссоздается прошлое, воображаются общности и грезится будущее»; основное проявление «народности нации», соединяющее ее с народной, этнической культурой; «фундамент примордиальности» для нации в том смысле, что нация не конструирует язык, а почти всегда наследует его из прошлого [Суни 2014]. Р. Суни использует термин «примордиальность» прежде всего как признак того, что этничность – не сконструированный элемент: он был сформирован в результате наследования, исторической трансляции. Перечисленные признаки могут служить в качестве основных маркеров различий между двумя методологиями, одна из которых основана на трансляции культуры, а вторая – на ее конструировании.

Разновидности конструктивизма

Конструктивизм – научное направление в изучении этничности и нации, которое рассматривает эти общности как социальный конструкт, воображаемые сообщества. Он признает первостепенную роль дискурса в формировании воображаемой реальности [Бергер, Лукман 1995].

В контексте проблем этничности и нации можно выделить две разновидности методологии конструктивизма.

Радикальный конструктивизм. Эта концепция отрицает реальное существование как этничности, так и нации. Так, Р. Брубейкер в аннотации к своей книге «Этничность без групп» пишет, что «этничность, раса и нация представляют собой не объекты внешнего мира, а способы его видения, интерпретации и репрезентации» [Брубейкер 2012]. У такой точки зрения есть свои ограничения. Любую социальную реальность, например, город, можно рассматривать как воображаемое сообщество, совокупность репрезентаций – как отражение городских проблем и образов в общественном мнении, в политических дискуссиях или в художественной литературе. Однако анализ города в такой проекции не даст данных, необходимых для целей государственного или муниципального управления, перед которыми стоят задачи снабжать город продуктами питания, развивать дорожную инфраструктуру или обеспечивать электроэнергией жизнедеятельность тысяч людей. Точно так же и об этносе можно говорить как об образе в сознании людей, однако реальность существования таких сообществ неизбежно дает о себе знать в случае их раскола, эрозии или возникновения этнических конфликтов. Из знаменитой теоремы Томаса вытекает вывод: представления реальны по своим последствиям.

Реалистический конструктивизм. Большинство этнологов всех направлений не ставят под сомнение существование этничности, этнических групп и наций, но различают два типа реальности. Первую из них исследуют примордиалисты, изучая исторически устойчивые, унаследованные из прошлого явления, которые люди воспринимают как внешнюю, независимую от них данность. Такой подход можно описать метафорой «социальной эстафеты» – передачи наследия из рук в руки, из поколения в поколение [Пайн 2012]. В свою очередь конструктивисты выделяют второй тип реальности – созданную, сконструированную людьми, которые, тем не менее, зачастую воспринимают ее как давнюю традицию. Э. Хобсбаум совместно с группой английских историков собрал многочисленные примеры (из истории Великобритании) искусственно сконструированной реальности, так называемых «изобретенных традиций»: культурных артефактов, которые большинство англичан считали древними. На самом деле их специально создали в Новое время, в период промышленного подъема, чтобы укрепить веру людей в национальное государство, поскольку всякая вера нуждается в опоре на древние символы [The Invention of Tradition 2003]. Сторонники реалистического конструктивизма считают этничность формой социальной реальности, которую большинство людей воспринимают как внешнюю данность. Тем не менее, в действительности она во многом сконструирована обществом, и процесс такого созидания этничности носит непрерывный характер.

О взаимной дополнительности конструктивизма и примордиализма в изучении этничности и нации

На рубеже XX–XXI вв. сторонники конструктивизма в российской науке решительно выступали против примордиальной методологии изучения этничности и нации. В то же время многие теоретики обоснованно считали противопоставление этих парадигм искусственным и схоластическим [Коротеева 1999]. О взаимосвязи этих подходов (не используя сами термины «примордиализм» и «конструктивизм») писал Ю.В. Бромлей еще в начале 1980-х гг. Он отмечал, что на протяжении всего своего существования каждый этнос практически перманентно меняется под влиянием инноваций. Однако в конечном счете «только межпоколенная передача инноваций придает им традиционность и относительную устойчивость, которая необходима для выполнения любым компонентом этноса своих функций» [Бромлей 1983]. Идею о том, что любая новация или конструктивное решение входит в жизнь этнических групп после того, как становится традицией, под-

тверждает анализ результатов исследований, которые проводили классики конструктивистского направления.

Так, уже упомянутые ранее «изобретенные традиции» показали, что многие явления культуры, которые люди XX в. считали традиционными, были изобретены в XIX в. С тех времен эти артефакты (например, шотландский килт во многом изобрел писатель В. Скотт) закрепились в культуре и превратились в полноценные традиции. Тот же килт носят уже несколько поколений шотландцев в качестве этнического символа на праздниках. Его уже почти три века использует в праздничных официальных нарядах Герцог Эдинбургский. Данный титул с 1726 г. присваивают одному из членов британской королевской семьи.

Исследования Ф. Барта показали, как этническая идентичность меняется вслед за социальными границами [Барт 2006]. Вместе с тем история демонстрирует, что возникшие социальные границы могут надолго «застывать», а сформировавшаяся при этом идентичность закрепляется в сознании нескольких поколений людей. Например, абсолютное большинство россиян без колебаний указывают свою этническую идентичность (национальность) в переписях населения. Доля граждан, которые не захотели или не смогли указать свою этничность (национальность) в переписи, с 1989 по 2010 г. составляла всего 2–4%². Смена одной этничности на другую – еще более редкое явление, чем отказ от указания национальности. Подобные случаи во взрослом возрасте были единичными даже в этнически смешанных браках³.

Конструктивистский и примордиалистский подходы дополняют друг друга уже в связи с тем, что они предназначены для анализа разных социокультурных явлений. Так, конструктивизм наилучшим образом описывает феномен нации (хотя и в этом предмете есть место другим методологиям), тогда как примордиализм весьма органичен при анализе «этничности» «родства», «происхождения» и культурных традиций, так как указанные явления зависят от передачи прошлого, исторического опыта [Калхун 2006, 87].

Э. Смит отмечал, что этничность не отгорожена от процессов социального конструирования: ее элементы выстраивают и переделывают, а порой откровенно выдумывают. Тем не менее, этнические общности в течение многих веков, иногда и тысячелетий сохраняли свою особую идентичность [Смит 2002]. Человек не конструирует для себя этнический язык, он получает его в детстве в семье; не изобретает этноним и первичный комплекс таких представлений, как миф об общем происхождении, этнические символы, привычки, обычаи. Данные установки люди обычно получают от рождения. К. Калхун, дискутируя с радикальным конструктивизмом, отмечает: «Многие отличительные особенности национальных культур, например, язык, не создаются индивидами. Скорее индивиды становятся личностями в социальных отношениях, которые уже сформированы культурой. Отрицать реальность или важность этих наблюдений неразумно» [Калхун 2006, 75].

Научный подход – это не религия, поэтому их допустимо комбинировать. Напротив, выдающиеся ученые весьма часто сочетают в своем творчестве разные теоретические направления, синтезируя таким образом новую методологию. Сказанное в полной мере относится и к упомянутым классикам социального конструктивизма.

Так, Э. Хобсбаум, предложивший термин «изобретенные традиции», в своих работах использовал и понятие обычных традиций, которые он определял как механизм межпоколенческой передачи культурного опыта. Таким образом исследователь совмещал свой

² Богоявленский Д. Перепись 2010: этнический срез. Якутия – образ будущего. 21.03.2016. (<http://yakutiafuture.ru/2016/03/21/dmitrij-bogoyavlenskij-perepis-2010-etnicheskij-srez-2/>).

³ Там же.

конструктивизм с примордиалистским подходом, изучающим культурные трансляции. Данное совмещение еще заметнее проявилось в научном творчестве двух других упомянутых теоретиков конструктивизма.

Э. Геллнер был одним из пионеров внедрения методологии конструктивизма в теорию наций и национализма. Он ввел в научный оборот знаменитый афоризм о националистах: «Именно национализм порождает нации, а не наоборот» [Геллнер 1991, 23]. Эту идею цитировали множество раз на многих языках мира, и она известна больше, чем любое другое изречение Геллнера. Однако немногие обращают внимание на то, что спустя 11 лет автор пересмотрел роль национализма в построении наций.

В 1994 г., за год до его смерти, вышла последняя монография Геллнера «Условия свободы: Гражданское общество и его исторические соперники» [Gellner 1994]. В ней изложена принципиально иная схема исторического соединения национальной культуры и государственных границ. Ученый демонстрирует, что такое соединение произошло во многих странах Европы (прежде всего на севере континента и на Атлантическом побережье) намного раньше, чем он предполагал прежде, – за несколько веков до появления в эпоху модерна сил, которые стали называться националистами. Соответственно, националисты не могли конструировать нации – во всяком случае, не везде и не всегда.

Геллнер использовал историко-эволюционный анализ, который подчеркивает определенную устойчивость и преемственность культурного опыта, а также ограничивает возможность тех или иных социальных субъектов влиять на построение нации (nation-building). Так, по его обновленным представлениям, политическая история Англии не оставила этническим националистам места для участия в национальном строительстве, поскольку унификация национальной культуры на Британских островах начала складываться раньше, чем он предполагал (в XV–XVI вв.). Представление об этом процессе у Геллнера тоже изменилось: он протекал не снизу – усилиями националистов, а сверху – через действия государства и спонсируемую им профессиональную культуру. Соответственно, когда в эпоху модерна в Англии появились националисты, они уже не могли стать создателями нации: «...нация Шекспира уже не нуждалась в формировании новой кодифицированной культуры» [Геллнер 1995, 134].

В Германии этническая нация также сформировалась до появления национализма. По мнению Геллнера, она появилась в эпоху Реформации, хотя еще долго не была очерчена едиными государственными границами: «Иначе говоря, здесь требовалось государственное строительство, но не создание новых национальных культур» [Геллнер 1995, 134]. Строительством занимались не самостоятельные националисты, а государство (активнее других – прусская монархия). Геллнер подчеркивает, что этот процесс начался «прежде, чем вышел на сцену политический национализм». [Геллнер 1995, 135]. Созидательная и весьма агрессивная роль националистов проявлялась лишь в континентальных империях (в частности, в Австро-Венгерской и Османской), особенно там, где политические и этнические границы не совпадали (например, на Балканах), где господствовала этническая и религиозная многоукладность и чересполосица. Поставив перед собой задачу строительства культурно однородных государств, они должны были сперва сконструировать однородные этнические нации, для чего необходимо было «ассимилировать, или изгнать, или уничтожить огромное количество людей» [Геллнер 1995, 136].

Переосмыслив роль национализма в формировании этнических наций, Геллнер в последней своей монографии одновременно обосновал решающее значение гражданского общества в становлении гражданских наций. Только оно может «служить противовесом государству, не мешая ему, выполнять роль миротворца и арбитра между основными группами интересов...» [Геллнер 1995, 14]. Там, где институты граждан-

ского общества отсутствовали или не обладали достаточной силой, не складывались и гражданские нации. Подобные «общества пребывали в разобщенном, атомизированном состоянии» [Геллнер 1995, 9].

Б. Андерсон никогда не называл себя конструктивистом, однако он внес огромный вклад в развитие этого научного направления уже тем, что предложил чрезвычайно яркую конструктивистскую метафору – «воображаемое сообщество» (imagined community). По утверждению ученого, «все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а может быть, даже и они), – воображаемые» [Андерсон 2001, 31].

Б. Андерсон также выделил широкий комплекс механизмов конструирования нации с помощью книгопечатания, создания музеев, переписей населения, картографии территорий и др. Его концепция, изложенная в книге «Воображаемые сообщества», представляет собой размышления об истоках национализма в эпоху модерна. Для Андерсона национализм – явление такого же масштаба, как религия. Политическая роль последней в сплочении подданных государя ослабевала в эпоху становления демократии Нового времени, поэтому ее вытеснял национализм как комплекс идей о ведущей роли нации (народа) в управлении. Роль национализма проявилась в культуре – например, в процессе вытеснения из политической жизни элитарного языка религий (латыни или санскрита) народными, этническими языками, которые получали статус государственных.

Методология Б. Андерсона не ограничивается конструктивизмом. Он предполагает, что нацию, «будучи однажды воображенной», затем транслируют, наследуют и трансформируют следующие поколения. Здесь его позиция близка к подходу той ветви неоэволюционизма, которая развивает примордиалистскую теорию. Андерсон подчеркивал, что нации складываются постепенно, исторически как объективная реальность под влиянием ряда факторов, важнейшим из которых он считал «печатный капитализм» (print capitalism). Именно он позволил распространить этнический язык одного из народов на все государство-нацию. Данная мысль близка идеям неоэволюционизма.

Андерсон разъяснял важную особенность своей концепции: то, что сообщества названы «воображаемыми», не означает, что они мнимые или ложные. «Сообщества следует различать не по их ложности/подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются» [Андерсон 2001, 32]. «Реальность» наций-воображаемых сообществ, по мысли Андерсона, определяют:

- реальная история их возникновения в процессе модернизации и «печатного капитализма»;
- наличие таких качеств, как территориальная определенность (в границах государства) и суверенность;
- горизонтальные связи в социальном сообществе («товарищество» по Андерсону), которые в определенные моменты более значимы, чем социально-имущественные и другие статусные различия между членами единой нации;
- психологические последствия: люди «готовы умирать и убивать» за эти воображаемые сообщества.

Трудный путь к примирению конструктивизма и примордиализма

Следует подвести итоги. Негативное отношение к методологии примордиализма, разработанной Э. Шилзом в рамках неэволюционистского направления обществоведения, возникло в российской этнологии в 1990-е гг. Причиной стала не научная экспертиза, а, скорее всего, на такой исход повлияли неустоявшиеся идеологические или организа-

ционные обстоятельства. Так или иначе, базовая идея этой методологии о примордиальности (изначальности) как характеристике культурных трансляций, выступающих культурным началом для новых поколений, оказалась непонятой в те годы. Однако этнические языки сохраняются веками, а самоназвания народов прослеживаются иногда на протяжении тысячелетий. Глобализация не уничтожает традиционное культурное своеобразие народов. Напротив, она усиливает интерес не только к сохранению, но и, зачастую, к возрождению культурного наследия. Культурное разнообразие человечества и его ценность возрастают, что и сохраняет актуальность примордиалистского направления в исследовании традиционных культур. Вместе с тем, примордиализм слабо улавливает влияние дискурсивных практик на культурную динамику. Таким образом, ни одна из методологий по отдельности – эволюционно-примордиалистская или конструктивистская – не может объяснить всю сложность и противоречивость этносоциальных процессов.

В данной работе продемонстрировано переплетение различных методологических подходов в трудах классиков теории этничности, нации и национализма. Приведенные примеры говорят о том, что необходимо искать более плюралистические научные методологии, чем изолированное использование примордиализма или конструктивизма в социологии и этнологии. Тенденция к поиску таких плюралистических подходов давно проявляется в мировой науке, в том числе в исследованиях наций и этничности. Она стала заметна уже в 1990-х гг., когда известный социальный антрополог Дж. Комарофф предложил свою концепцию «неоконструктивизма», который объединяет идеи примордиализма об инерционности культурных явлений с идеями конструктивизма [Комарофф 1994].

Поиск условий синтеза разных подходов усилился в 2000-е гг. Автор этой статьи в своих публикациях 2004–2009 гг. предпринимал попытки продемонстрировать недостатки раздельного использования обеих методологий. Избыточное внимание к примордиализму зачастую приводит к преувеличению «извечности культурных свойств и неизменности ценностных ориентаций различных народов (этносов)... Другая крайность – чрезмерный конструктивизм, который преувеличивает пластичность массового сознания и возможность манипулировать им под воздействием дискурса интеллектуальных и политических элит. Обе крайности приводят к весьма упрощенным представлениям об этнических процессах» [Пайн 2009]. В этой же работе был поставлен вопрос о необходимости синтезировать новую методологию. Позднее свой синтетический подход предложил социолог М. Барбашин [Барбашин 2014]. В 2018 г. совместно с С. Федюниным автор представил свою трактовку «синтеза» разных методологий в анализе этнокультурных и национально-политических процессов. Согласно ей, синтетический или плюралистический подход к изучению этнических, межэтнических и национальных процессов предполагает сочетания не двух, а нескольких методологических принципов: по крайней мере конструктивизма, теории традиций и концепции социально-политического институционализма [Pain, Fedunin 2018].

Казалось бы, нет препятствий для синтеза двух методологий. Еще в 2012 г. индийский антрополог К. Чандра оценил дискуссию о двух рассматриваемых методологиях как теоретически исчерпанную и пришел к выводу о том, что «конструктивизм не опровергает, а помогает понимать примордиализм» [Constructivist Theories... 2012]. За прошедшее десятилетие эта точка зрения стала массовой в западной антропологии и известной в российской академической среде. Лидер российской этнологии академик В. Тишков поддержал ее в статье, которая так и называется: «О примирении конструктивизма и примордиализма» [Тишков 2023b]. На самом деле о «примирении» в статье речь не идет: она направлена против «оглупления» конструктивизма некоторыми коллегами академика. Тем не менее она сама искажает сущность примордиализма отождествлена с эссенциализмом,

который в принципе не примирим с конструктивизмом – как и с любой другой научной методологией. Эссенциализм – это идеологическая догма, которая предполагает фатальную неизменность культурных свойств изначальных человеческих сообществ. Чандра и его западные коллеги, говоря о дополнительности конструктивизма и примордиализма, понимают под последним феномен, подложенный Шилзом. Они рассматривают его как культурное наследие – инерционное, но принципиально изменяемое, в том числе и под воздействием конструктивистских практик. В российской трактовке тот же термин принимает совершенно иной смысл эссенциализма, который, безусловно, не совместим с конструктивизмом. Существуют и другие обстоятельства, которые затрудняют примирение двух методологий в российском обществоведении.

Авторы множества отечественных монографий и большинства диссертаций по этнологии и этносоциологии декларируют свою преданность конструктивизму. Однако при обобщении эмпирических материалов они же зачастую проявляют равную удаленность как от конструктивизма, так и от научного примордиализма. Вместо них ученые демонстрируют чистейшее эссенциалистское мировоззрение – например, говоря о тотальных свойствах, интересах или предпочтениях этнических общностей. Общественно-политический дискурс буквально переполнен эссенциалистскими стереотипами о принципиальной несовместимости этнических или цивилизационных менталитетов. Вряд ли эти стереотипы быстро отступят. Мала вероятность того, что просветительские публикации сразу же помогут преодолеть неадекватные трактовки как конструктивизма, так и примордиализма. Тем не менее, необходимость взаимного дополнения этих методологий осознают многие исследователи и поддерживают известные эксперты, поэтому движение в эту сторону вполне вероятно, однако путь этот будет скорее всего длительным и, несомненно, трудным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Андерсон Б. (2001) Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, 288 с.

Anderson B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniya ob istokah i rasprostranenii nacionalizma* [Imaginary Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Translation from English: V. Nikolaeva. Moscow: Kanon-Press-C. 288 p. (In Russ.)

Барбашин М.Ю. (2014) Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. РнД: Издательство ЮФУ.

Barbashin M.YU. (2014) *Instituty i etnogenez: institucional'noe vosproizvodstvo etnicheskoy identichnosti v lokal'nyh soobshchestvah* [Institutions and Ethnogenesis: Institutional Reproduction of Ethnic Identity in Local Communities]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo YUzhnogo federal'nogo universiteta. (In Russ.)

Барт Ф. (2006) Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство. 200 с.

Bart F. (2006) *Etnicheskie grupy i social'nye granicy: social'naya organizaciya kul'turnyh razlichij* [Ethnic Groups and Social Boundaries: The Social Organization of Cultural Differences]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 200 p. (In Russ.)

Бергер П., Лукман Т. (1995) Социальное конструирование действительности. М.: Медиум. 323 с.

Berger P., Lukman T. (1995) *Social'noe konstruirovaniye dejstvitel'nosti* [Social Construction of Reality]. Moscow: Medium. 323 p. (In Russ.)

Бромлей Ю.В. (1983) Очерки теории этноса. М.: Наука. 412 с.

Bromlej YU.V. (1983) *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnos]. Moscow: Nauka. 412 p. (In Russ.)

- Брубейкер Р (2012). Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 408 с.
- Brubejker R. (2012). *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without Groups]. Moscow: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki. 408 p. (In Russ.)
- Геллнер Э. (1991) Нации и национализм. М.: Прогресс. 320 с.
- Gellner E. (1991) *Nacii i nacionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress. 320 p. (In Russ.)
- Геллнер Э. (1995) Условия свободы: Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Ad Marginem. 222 с.
- Gellner E. (1995) *Usloviya svobody: Grazhdanskoe obshchestvo i ego istoricheskie soperniki* [Conditions of Freedom: Civil Society and its Historical rival]. Moscow: Ad Marginem. 222 p. (In Russ.)
- Гумилев Л.Н. (2001) Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл.
- Gumilev L.N. (2001) *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Biosphere of the Earth]. Saint-Petersburg: Kristall. (In Russ.)
- Дюркгейм Э. (2018) Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Дело. 736 с.
- Dyurkgejm E. (2018) *Elementarnye formy religioznoj zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia]. Moscow: Delo. 736 p. (In Russ.)
- Калхун К. (2006) Национализм. М.: Изд. дом «Территория будущего». 288 с.
- Kalhun K. (2006) *Nacionalizm* [Nationalism]. Moscow: Izd. dom «Territoriya budushchego». 288 p. (In Russ.)
- Комарофф Дж. (1994) Национальность, этничность, современность: политическое самосознание в конце XX века // В: Этничность и власть в полиэтничных государствах. М.: Наука. С. 39–53.
- Komaroff Dzh. (1994) Nacional'nost', etnichnost', sovremennost': politicheskoe samosoznanie v konce XX veke [Nationality, Ethnicity, Modernity: Political Consciousness at the End of the XX Century]. In: *Etnichnost' i vlast' v polietnicheskikh gosudarstvah*. Moscow: Nauka. Pp. 39–53. (In Russ.)
- Коркмазов А.Ю. (2004) Проблема этноса и этничности в науке: в поисках парадигмы // В: Сборник научных трудов. Выпуск 1. Серия «Гуманитарные науки». Ставрополь: Северо-Кавказский государственный технический университет.
- Korkmazov A.YU. (2004) Problema etnosa i etnichnosti v nauke: v poiskah paradigmy [The Problem of Ethnicity and Ethnicity in Science: In Search of a Paradigm]. In: *Sbornik nauchnyh trudov. Seriya «Gumanitarnye nauki». Vol. 1*. Stavropol': Severo-Kavkazskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet. (In Russ.)
- Коротеева В (1999) Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: РГГУ. 140 с.
- Koroteeva V (1999) *Teorii nacionalizma v zarubezhnyh social'nyh naukah* [Theories of Nationalism in Foreign Social Sciences]. Moscow: RGGU. 140 p. (In Russ.)
- Паин Э.А. (2009) Распутица: полемические размышления о предопределенности пути России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Либеральная миссия». 272 с.
- Pain E.A. (2009) *Rasputitsa: polemicheskie rasmishleniya o predopredelennosti puti Rossii* [Off-Road: Polemical Reflections on the Predestination of the Path of Russia]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN); Fond «Liberal'naya missiya». 272 p. (In Russ.)
- Паин Э.А. (2012) «Социальная эстафета» и другие механизмы воспроизводства стереотипов социального поведения // В: X Сократические чтения: Реальность как социальные эстафеты. М.: Эслан. С. 74–88. (<https://publications.hse.ru/view/202245498>)
- Pain E.A. (2012) «Social'naya estafeta» i drugie mekhanizmy vosproizvodstva stereotipov social'nogo povedeniya [«Social Relay Race» and Other Mechanisms of Reproduction of Stereotypes of Social Behavior] // In: *X Sokraticheskie chteniya: Real'nost' kak social'nye estafety*. Moscow: Eslan. Pp. 74–88. (<https://publications.hse.ru/view/202245498>). (In Russ.)
- Паин Э.А. (2023) Этничность, нация и политика: критические очерки по этнополитологии. М.: Новое литературное обозрение. 392 с.

- Pain E.A. (2023) *Etnichnost', naciya i politika: kriticheskie ocherki po etnopolitologii* [Ethnicity, Nation and Politics: Critical Essays on Ethnopolitology]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 392 p. (In Russ.)
- Смит Э. (2002) Национализм и историки // В: Нации и национализм. М.: Практикс.
- Smit E. (2002) Nacionalizm i istoriki [Nationalism and Historians]. In: *Nacii i nacionalizm*. Moscow: Praksis. (In Russ.)
- Суни Р.Г. (2014) Советское и национальное: единство противоречий // В: Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: Политическая энциклопедия.
- Suni R.G. (2014) Sovetskoe i nacional'noe: edinstvo protivorechij [Soviet and National: Unity of Contradictions]. In: *Sovetskie naci i inacional'naya politika v 1920–1950-e gody: materialy VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Kiev, 10–12 oktyabrya 2013 g.* Moscow: Politicheskaya enciklopediya.
- Тишков В.А. (2023а) Нация наций: о подходах к пониманию России. М.: ИЭА РАН. 69 с.
- Tishkov V.A. (2023a) *Naciyanacii: o podhodah k ponimaniyu Rossii* [Nation of Nations: On Approaches to Understanding Russia]. Moscow: IEA RAN. 69 p. (In Russ.)
- Тишков В.А. (2023b) О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головневу) // Этнография. № 1. С. 6–25.
- Tishkov V.A. (2023b) O primireнии konstruktivizma i primordializma (ommazh narodovedu Andreyu Vladimirovichu Golovnevu) [On the Reconciliation of Constructivism and Primordialism (Homage to the Ethnologist Andrei Vladimirovich Golovnev)]. *Etnografiya*. no. 1, pp. 6–25. (In Russ.)
- Шилз Э. (1972) Общество и общества: макросоциологический подход // В: Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс. 392 с.
- Shilz E. (1972) Obshchestvo i obshchestva: makrosociologicheskij podhod [Society and Societies: Macrosociological Approach]. In: *Amerikanskaya sociologiya. Perspektivy, problemy, metody*. Moscow: Progress. 392 p. (In Russ.)
- Шнирельман В.А., Панарин С.А. (2000) Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии? // Вестник Евразии. № 3. С. 32–33.
- Shnirel'man V.A., Panarin S.A. (2000) Lev Nikolaevich Gumilev: osnovatel' etnologii? [Lev Nikolaevich Gumilev: Founder of Ethnology?]. *Vestnik Evrazii*. no. 3, pp 32–33. (In Russ.)
- Яценко Н.Е. (1999) Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб.: Лань.
- Yacenko N.E. (1999) *Tolkovyy slovar' obshchestvedcheskih terminov* [Explanatory Dictionary of Social Science Terms]. SPb.: Lan'. (In Russ.)
- Constructivist Theories of Ethnic Politics (2012) Ed(s): Chandra K. New York, NY: Oxford University Press. 520 p.
- Geertz C. (1963) The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States // In: *Old Societies and New States*. New York. Pp. 105–157.
- Geertz C. (1973) *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York: Basic Books Inc. 478 p.
- Gellner E. (1994) *Conditions of Liberty: Civil Society and Its Rivals*. London: Hamilton. 225 p.
- Horowitz D.L. (2002) The Primordialists // In: *Ethnonationalism in the Contemporary World: Walker Connor and the Study of Nationalism*. Pp. 72–82.
- Isaacs H.R. (1975) *Idols of the Tribe: Group Identity and Political Change*. New York: Harper & Row.
- Pain E., Fediunin S. (2018) On a Methodological Reboot of the Theory of Nations // *Russian Politics & Law*. Vol. 56. No. 1-2. Pp. 53–71.
- Parsons T., Shils E. (1964) *Toward a General Theory of Action: Theoretical Foundations for the Social Sciences* Transaction Publishers. 306 p.
- Shils E. (1995) Nation, Nationality, Nationalism and Civil Society // *Nations and Nationalism*. Vol. 1. No. 1. Pp. 93–118.
- Shils E. (1957) Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties // *British Journal of Sociology*. Vol. 8. No. 2. Pp. 130–145.

Smith A.D. (1986) *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Blackwell. Pp. 155–156.

Sokolovskii S., Tishkov V. (2001) *Ethnicity* // In: *Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology*. N.Y.: Routledge.

The Invention of Tradition (2003) Ed(s): E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press.

Weber M. (1938) *Economy and Society*. Vol. 1. New York.

Информация об авторе

Эмиль Абрамович Паин, доктор политических наук, кандидат исторических наук (этнология), ведущий научный сотрудник ИС ФНИСЦ РАН. Адрес: 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корпус 5. E-mail: epain@hse.ru

About the author

Emil Abramovich Pain, Doctor in Political Science, Candidate of Sciences (History, Ethnology), Leading Research Fellow, Institute of Sociology, FCTAS RAS. Address: 117218, Russia, Moscow, Krzhizhansky st., 24/35, building 5. E-mail: epain@hse.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 12.05.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 23.06.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 15.08.2023

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА WORLD ECONOMY

Оригинальная статья/ Original article

Суверенитет как выход из коллективной тревоги: дискурс ЕС о деньгах, здоровье и продовольствии¹

© Т.А. РОМАНОВА, Г.В. КОЦУР

Романова Татьяна Алексеевна, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), t.romanova@spbu.ru. ORCID: 0000-0002-5199-0003

Коцур Глеб Владиславович, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), gלבk17@gmail.com. ORCID: 0000-0003-4079-264X

Европейский союз развивался как актор, который преодолевает национальный суверенитет. Однако с 2017 г. ЕС стал использовать понятие «суверенитет» на наднациональном уровне, причем как в общем смысле, так и в сочетании с «секторальными» прилагательными. Цель исследования – продемонстрировать, что употребление данного понятия применительно к «секторам» деятельности ЕС продиктовано мерами ЕС по снижению или преодолению коллективной тревоги, вызванной различными проблемами, которые сложно контролировать. Тревога рассмотрена в контексте эмоциональной культуры с фокусом на публичных образцах чувствования, а включение суверенитета в дискурс ЕС – как «идентификация с агрессором», которая ранее считалась угрозой для интеграции. Суверенитет в дискурсе ЕС означает комплекс действий по выявлению границы между внутренним и внешним, а также по обеспечению некоторой степени автономии. С помощью дискурс-анализа исследованы три кейса: вызовы технологических компаний и монетарный суверенитет; угроза пандемии и суверенитет в области здравоохранения; проблемы в глобальной торговле аграрными товарами и продовольственный суверенитет. В каждом случае выделены элементы тревоги, выявлен дискурс о суверенитете как способ работы с тревогой с целью ее преодоления, а также показано, насколько такие действия поддерживают различные игроки в ЕС. Сделан вывод о том, что ЕС относительно успешно использует «секторальный» суверенитет. Однако включение «секторального» суверенитета в дискурс и практику ЕС не приводит к полному преодолению тревоги: между ней и суверенитетом формируются устойчивые диалектические отношения.

¹ Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00682 (<https://rscf.ru/project/22-28-00682/>).

Funding. This work was supported by the Russian Science Foundation (RSF) grant (project No 22-28-00682, <https://rscf.ru/project/22-28-00682/>).

Ключевые слова: суверенитет, эмоции, тревога, Европейский союз, цифровые валюты, пандемия, продовольственная проблема

Цитирование: Романова Т.А., Коцур Г.В. (2023) Суверенитет как выход из коллективной тревоги: дискурс ЕС о деньгах, здоровье и продовольствии // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 68–80. DOI: 10.31857/S0869049923040056, EDN: OXYQSR.

Sovereignty as a Way Out of Collective Anxiety: The EU's Discourse on Money, Health, and Food

© T. ROMANOVA, G. KOTSUR

Tatiana A. Romanova, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), t.romanova@spbu.ru. ORCID: 0000-0002-5199-0003

Gleb V. Kotsur, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), gלבk17@gmail.com. ORCID: 0000-0003-4079-264X

Abstract. The European Union (EU) has developed as an actor that overcomes national sovereignty in global politics. Yet, as of 2017, the EU has used the “sovereignty” category at the supranational level, both in general and in combination with “sectoral” adjectives. The objective of research is to demonstrate that the use of “sectoral sovereignty” can be examined as the EU’s work with collective anxiety, which results from various challenges that can hardly be controlled. The anxiety is examined in the context of emotion culture with the focus on public images of sentiments whereas the incorporation of sovereignty in the EU’s discourse comes out as a “self-identification with an aggressor” – with something that has previously been viewed as a threat to integration. In the EU’s discourse “sovereignty” means a set of actions targeted at drawing a border between the internal and the external, at establishing higher autonomy. Three cases are examined with the help of discourse analysis: challenge of technological companies and monetary sovereignty; pandemic threat and health sovereignty; problems in global agricultural trade and food sovereignty. In each case elements of the EU’s collective anxiety are described; sovereignty as a system of actions to address anxiety is identified; the overall support for this work in the EU is revealed. The conclusions are drawn on when and where “sectoral” sovereignty helps the EU to limit its anxiety. Yet, the successful incorporation of sovereignty in the EU’s discourse does not mean a complete overcoming of anxiety; instead, dialectic relations between collective anxiety and sovereignty emerge.

Keywords: sovereignty, emotions, anxiety, European Union, digital currency, pandemic, food problem

Citation: Romanova T., Kotsur G. (2023) Sovereignty as a Way Out of Collective Anxiety: The EU’s Discourse on Money, Health, and Food. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 68–80. DOI: 10.31857/S0869049923040056, EDN: OXYQSR.

Понятие «суверенитет» традиционно связывают с государством. Европейский союз обычно рассматривают как постсуверенного [Maccormick 1999] или позднесуверенного [Walker 2003] актора, который преодолевает национальные барьеры и демонстрирует, что процветание и развитие возможны вне суверенитета. Более того, попытки его стран-членов апеллировать к национальному суверенитету в прошлом воспринимались как угроза коммунитарному строительству (брекзит стал экстремальным подтверждением такой угрозы). Идеологически ЕС поощрял и подкреплял взаимозависимость, тогда как суверенитет он отождествлял с «темным прошлым».

Однако в последнее время сам Союз стал прибегать к понятию «суверенитет». С одной стороны, его представители формулируют общие понятия «стратегический суверенитет» или «европейский суверенитет» [Романова 2021], а с другой, – активно сочетают его с «сек-

торальными» прилагательными. Так появились, например, суверенитет в области здравоохранения (health sovereignty), технологический суверенитет (technological sovereignty), цифровой суверенитет (digital sovereignty), энергетический суверенитет (energy sovereignty), зеленый суверенитет (green sovereignty), продовольственный суверенитет (food sovereignty), суверенитет в области удобрений (sovereignty over fertilisers), монетарный суверенитет (monetary sovereignty), суверенитет в области космоса (space sovereignty).

Цель исследования – продемонстрировать, что ЕС применяет «секторальный» суверенитет для работы с коллективной тревогой. Используя данное понятие в своем дискурсе, ЕС обосновывает комплекс действий, включающий укрепление границ между территорией ЕС и другими государствами, разделение на внутреннее (свое, контролируемое) и внешнее (другое, враждебное) пространство, повышение автономности от мира. В результате ЕС переходит от преодоления суверенитета на национальном уровне к его принятию на уровне наднациональном: он идентифицируется с феноменом, который ранее воспринимался в качестве антипода европейской интеграции, в качестве своего рода «агрессора» в отношении европейского проекта. В то же время встраивание концепции «секторальных» суверенитетов в общий политический дискурс ЕС зависит от того, насколько игроки внутри Союза разделяют тревогу в отношении проблем и рисков, а суверенитет как ответ на нее, а не от степени интеграции соответствующей сферы деятельности.

Вначале будет сформулирована теоретико-методологическая основа работы. Затем последовательно будут рассмотрены три кейса в областях монетарной политики, здравоохранения и продовольствия. Выбор обоснован, прежде всего, стремлением протестировать гипотезу на примере разных угроз. Кроме того, кейсы различаются между собой по интенсивности и широте использования языка суверенитета. Три выбранных случая также отличаются по разделению компетенций внутри ЕС. В заключении будут обобщены результаты и намечены перспективы дальнейших исследований.

Исследование эмоций и суверенитета: от теории к практике

Данное исследование базируется на конструктивистской трактовке эмоций. В отличие от «биологического универсализма»², подобный подход предполагает, что эмоции людей радикально отличаются во времени и пространстве, что можно объяснить лишь культурной обусловленностью моделей чувствования [Плампер 2018, 122–186]. В данном контексте эмоциональная культура – это «комплекс стандартизированной эмоциональной лексики, норм и верований относительно отдельных эмоциональных выражений, которые способствуют культурному конструированию власти, сообщества и идентичности» [Koschut 2017, 179]. Эмоциональные культуры существуют за счет устойчивой связи между типами ситуаций и публичными образцами чувствования. Значительная часть эмоций носит долгосрочный характер [Collins 2004, 106], что особенно важно для социальных структур. Когда эмоции приобретают респектабельный статус рациональных утверждений или здравого смысла, происходит институционализация: их перестают воспринимать через призму временности и поверхностности [Crawford 2014].

² Сегодня в исследовании эмоций доминируют две парадигмы: биологический универсализм и культурный детерминизм. Первая предполагает, что эмоции одинаковы у всех людей, потому что они связаны с универсальной физиологией человеческого тела. Вторая подчеркивает плюральность эмоционального опыта индивидов. Биологический универсализм доминировал в социальных исследованиях эмоций до 1980-х гг., когда антропологи продемонстрировали, что эмоциональный опыт локальных сообществ нельзя свести к западным эмоциональным стандартам. Данный феномен можно объяснить лишь разностью культур и культурной детерминацией эмоциональной жизни. Сегодня две парадигмы сосуществуют на равных, а исследователи вольны выбирать любую из них.

Тревога – черта индивидуального сознания, однако коллективная тревога встречается не реже. Вызывают ее прежде всего общественные факторы. Американские психологи П. Сильверс, С. Лиллиенфельд и Дж. Лапрайри, обобщив разнообразные исследования тревоги, определили ее как устойчивое состояние гипертвуждения, которое проявляется в форме опасений чего-то плохого в будущем, повышенной бдительности и навязчивых мыслей болезненного характера [Sylvers, Lilienfeld, LaPrairie 2011; 128].

Методологически статья сфокусирована на публичных образцах чувствования, которые отсылают к устойчивым общественным представлениям о том, что необходимо ощущать в той или иной ситуации [Geertz 1973, 82; Zorun 2016]. Такие образцы интерсубъективны: их поддерживает усвоение, переработка и воспроизведение большим количеством людей. Иными словами, затронут аспект коллективных (а не индивидуальных) репрезентаций эмоций. Тем не менее, речь не идет об антропоморфизации ЕС в стиле А. Вендта [Wendt 2004]; рассмотрена коллективная тревога, которую чувствуют сообщества людей.

Также важно изучить способ адаптации к тревоге. Работы классиков психоанализа стали частью междисциплинарного базиса исследований эмоций [Пламнер 2018, 315–326], в т. ч. их применяют в политологии и науке о международных отношениях [Jacobsen 2013]. Соответственно, заимствование психоаналитических теорий и концепций методологически обосновано. Британский психолог А. Фрейд [Freud 1993] и венгерский психоаналитик Ш. Ференци (см. [Frankel 2002]) подчеркивали роль «идентификации с агрессором», которую активирует психика, чтобы сохранить целостность своей структуры. Данный механизм адаптации означает включение отдельных элементов образа угрозы в идентичность.

В случае с ЕС угрозой для интеграции всегда выступал национальный суверенитет: его традиционно воспринимают как опасного «Другого», в противоположность которому развивалась интеграция. Можно предположить, что сейчас функционирует не индивидуальный, а структурный аналог «идентификации с агрессором», но уже на коллективном уровне эмоций. Именно поэтому представители ЕС артикулируют преодоление тревоги через понятие суверенитета, но уже на наднациональном уровне. Возможно, существуют и иные защитные механизмы на уровне коллективных эмоций в ЕС. Однако в данной работе предметом выступает интериоризация внутри идентичности ЕС элементов суверенитета, который ранее воспринимали как угрозу для интеграционного проекта.

Возникновение понятия «суверенитет» обычно связывают с работами французского философа Ж. Бодена [Bodin 1962] и Вестфальским мирным договором. Выделяются две стороны суверенитета. Одна – верховенство власти на определенной территории – стала базой внутренней политики с ее жесткой иерархией на национальном уровне. Другая – независимость от внешних сил – легла в основу современных международных отношений и представляет собой источник равенства международных акторов. Таким образом, суверенитет находится на границе двух пространств: упорядоченного внутреннего и хаотичного внешнего [Bartelson 1995]. Суверенитет в рамках данной работы определен как «место политической борьбы... за закрепление значения» [Weber 1995, 3]. Интенсивные дискуссии о суверенитете, как правило, сигнализируют о наличии проблем [Agnew 2018, 103]. «Пограничность» категории, ее способность делить пространство на внутреннее (контролируемое) и внешнее (источник вызовов), на «свое» и «чужое», имеет особое значение. Согласно гипотезе исследования, стремясь снизить коллективное чувство тревоги, Евросоюз с помощью дискурса о наднациональном суверенитете жестче очерчивает внутреннее, отгораживается от внешнего пространства, повышает уровень автономии от того, что вне его контроля. Артикуляция такой политики позволяет ЕС снизить коллективную тревогу.

В оставшейся части статьи будут проанализированы речевые акты, которые можно считать наиболее обширным источником. Методом выступает дискурс-анализ. Согласно базо-

вым постулатам теории гегемонии Ш. Муфф и Э. Лакло [Laclau, Mouffe 2001], политическое составляет пространство борьбы вокруг интерпретаций, превращения их в часть здравого смысла. Официальные лица обладают привилегированным для артикуляции положением: их речевые акты особо значимы по сравнению с высказываниями и текстами граждан или даже социальных групп. Общая логика дискурс-анализа в данной работе перенесена на исследования эмоций. Изучение чувств отдельных людей – даже в масштабах миллионов – не отразит сущность коллективных эмоций. Ученые получают доступ к ним, рассматривая публичные образцы чувствования, эмоциональные культуры и сообщества. В их работе ключевую роль играют структуры, которые Муфф и Лакло осмысливают как гегемонистские.

Венгерский лингвист З. Ковечеш [Kövecses 2003] продемонстрировал, что прямые экспрессивные артикуляции эмоций встречаются редко – в основном они существуют в форме метафорического выражения. Любая эмоция при этом может быть разложена на элементы [Nussbaum 2016, 17]. В контексте тревоги их четыре: внутреннее смятение; обращенность в будущее; неопределенность и диффузность угрозы; долгосрочный характер [Epstein 1972; MacLeod, Rutherford 1992]. Именно перечисленные признаки будут выделены в каждом из кейсов. Исследование демонстрирует, как они приводят ЕС к дискурсу о «секторальном» суверенитете в качестве механизма преодоления коллективной тревоги.

Монетарный суверенитет

Говоря о монетарном суверенитете, до последнего времени представители ЕС ссылались на национальные прерогативы, которые страны зоны евро соглашались ограничить в связи с участием в единой валюте. Например, в 2015 г. глава Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер отмечал, что «все члены монетарного союза... на постоянной основе делят свои суверенитеты с другими странами зоны евро»³. Ситуация стала меняться в 2018 г., когда начала расти популярность (частных) цифровых валют.

Внутреннее смятение ЕС проявляется, в первую очередь, в сравнении суверенной функции денег с «базовыми потребностями, как вода и электричество»⁴. Лишиться ее – значит поставить под вопрос выживание европейских граждан. Европейский центральный банк (ЕЦБ) отмечает, что в условиях геополитических рисков стратегическую автономию европейских платежей и монетарный суверенитет обеспечивают наличные евро (в случае необходимости все расчеты перейдут на них), тогда как частные цифровые валюты эту возможность ликвидируют⁵. Глубину опасности подчеркивают сделанные в исследованиях ЕЦБ отсылки к «святому граалю» – именно им должна стать обновленная система платежей⁶.

Во-вторых, частные цифровые валюты в дискурсе ЕС связывают с дестабилизацией финансовой системы. Например, представитель ЕЦБ считает, что цифровые валюты «поставят под вопрос финансовую стабильность»⁷. Такая трактовка напоминает о потрясениях финансового кризиса 2008–2012 гг., а также об их социальных и экономических

³ Juncker J.-C., Tusk, D. Dijsselbloem J., Draghi M., Schulz, M. Completing Europe's Economic and Monetary Union. European Commission. 2015. (<https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/5presidentsreport.en.pdf>).

⁴ Bindseil U., Pantelopoulos, G. Towards the holy grail of cross-border payments. ECB Working Paper Series. August 2022. No 2693. (<https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2693~8d4e580438.en.pdf>).

⁵ The case for a digital euro: key objectives and design considerations. ECB. July 2022. (https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/key_objectives_digital_euro~f11592d6fb.en.pdf).

⁶ Bindseil U., Pantelopoulos G. Op.cit.

⁷ Panetta F. Demystifying wholesale central bank digital currency. ECB. Frankfurt am Main. 26.09.2022. (<https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2022/html/ecb.sp220926~5f9b85685a.en.html>).

последствиях. В-третьих, регулятор предостерегает: частные компании заменят «общественную услугу, которую государства веками предлагали своим гражданам», причем новыми «платежными услугами сможет воспользоваться только избранная группа»⁸, что усиливает опасение за будущее социального мира в ЕС.

Наконец, введение (частных) цифровых валют может ослабить претензии евро на статус глобальной резервной валюты⁹. Именно значимый вес в торговых и валютных потоках сегодня составляет основу международной акторности Евросоюза.

Озабоченность ЕС, очевидно, обращена в будущее: технологический прогресс остановить невозможно. Однако конкретный источник угроз для ЕС идентифицировать сложно. Например, Европейская комиссия сочла рисками «растущую многополярность с новыми центрами экономической силы, институтами и развивающимися технологиями, а также реконфигурацией существующих центров силы»¹⁰. Позже Комиссия конкретизировала угрозу: «в мире, где все больше доминируют цифровые платформы, крупные производители технологий... если их не регулировать должным образом... создадут угрозу монетарному суверенитету»¹¹. Комитет по международным отношениям Европейской системы центральных банков сходным образом описывает угрозы «европейскому суверенитету»: это «иностранные цифровые решения, [которые] могут заместить платежные решения в Европе»¹². Однако угрозы остаются относительно диффузными.

Обеспечение долгосрочной стабильности в Евросоюзе требует в качестве метода этой работы «укрепления экономического и монетарного суверенитета Европы»¹³, или, согласно Совету ЕС, автономии¹⁴, которая достигается за счет более жесткого регулирования глобальных технических компаний и создания цифрового евро. Цифровой аналог валюты «гарантирует, что граждане продолжают доверять монетарному якорю..., защитит стратегическую автономию европейских платежей и монетарный суверенитет»¹⁵.

Таким образом, обеспечение монетарного суверенитета ЕС становится способом работы с коллективной тревогой. То, что ранее представляли в качестве угрозы процессу европейской интеграции снизу – на национальном уровне – начинают осуществлять на наднациональном уровне. В результате четче прорисовываются границы внутреннего

⁸ Panetta, F. The two sides of the (stable)coin. ECB. Frankfurt am Main. 4.11.2020. (<https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2020/html/ecb.sp201104~7908460f0d.en.html>).

⁹ International Relations Committee. The EU's Open Strategic Autonomy from a central banking perspective. Challenges to the monetary policy landscape from a changing geopolitical environment. No 311. ECB. March 2023. (<https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecb.op311~5065ff588.c.en.pdf>).

¹⁰ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council and the European Central Bank 'Deepening Europe's Economic and Monetary Union: Taking stock four years after the Five Presidents' Report European Commission's contribution to the Euro Summit on 21 June 2019'. Brussels, 12.06.2019. COM/2019/279 final.

¹¹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions 'On a Retail Payments Strategy for the EU. Brussels. 24.9.2020. COM/2020/592 final.

¹² International Relations Committee. Op.cit.

¹³ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council and the European Central Bank. Op.cit. См. также Draft Joint Statement on asset-backed crypto-assets (so called "Stablecoins"). Politico. 11.09.2020. (https://www.politico.eu/wp-content/uploads/2020/09/Draft-statement-on-stablecoins_final1.pdf). Valero J. Big euro economies push for strong cryptocurrency rules. Euarctiv. 11.09.2020. (<https://www.euarctiv.com/section/economy-jobs/news/big-euro-economies-push-for-strong-cryptocurrency-rules/>).

¹⁴ Council Conclusions on the EU's economic and financial strategic autonomy: one year after the Commission's Communication. Brussels. 29 March 2022. 6301/22.

¹⁵ Lagarde C., Panetta F. Key objectives of the digital euro. The ECB Blog. 13.07.2022. (<https://www.ecb.europa.eu/press/blog/date/2022/html/ecb.blog220713~34e21c3240.en.html>).

пространства, ЕС огораживает «свой сад»¹⁶ от внешних вызовов. Такой вариант работы с коллективной тревогой поддерживали и страны-члены, и коммунитарные институты. Движение по избранной траектории облегчило и то, что регулирование монетарных вопросов уже находилось в компетенциях ЕС.

Суверенитет в области здравоохранения

Понятия «суверенитет в области здравоохранения» не существовало до 2020 г. Однако пандемия ковида стала «драматичным»¹⁷ потрясением для ЕС, которое вызвало сильнейшее смятение. Во-первых, заболевание стало «беспрецедентным вызовом»¹⁸ для населения, вынудив его, как выразился Европарламент, «заплатить трагическую цену жизнями людей в Европе и мире»¹⁹. Во-вторых, пандемия повлекла масштабный экономический кризис; «ни одна жизнь, ни одно рабочее место, ни один бизнес не остался не затронутым», а «неопределенность остается экстраординарно высокой»²⁰.

В-третьих, был нанесен удар по европейской солидарности. Стремление стран-членов ограничить распространение вируса привело к восстановлению внутренних границ ЕС, а желание обеспечить масками и медикаментами прежде всего своих граждан – к ограничению поставок в другие его государства-члены. «Фрагментация делает нас более уязвимыми», – отметила еврокомиссар по вопросам здравоохранения и безопасности пищевых продуктов С. Кириакидес²¹. В сложившейся ситуации для ЕС было важно «сохранить европейские ценности и образ жизни»²². Таким образом, под угрозой оказался сам проект европейской интеграции – от базовых аспектов свободы передвижения товаров и людей до нормативных основ.

Наконец, Евросоюз осознал «зависимость от третьих стран в импорте лекарств». Она существовала и ранее, однако ее резко усугубил пандемийный кризис²³. «Все в глобальной экономике разделится на “до” и “после” коронавируса, – подчеркнул французский министр экономики Б. Ле Мэр, – мы должны сократить нашу зависимость от пары крупных держав... укрепить наш суверенитет в стратегических цепочках снабжения»²⁴.

Здесь также налицо обращенность в будущее: «необходимо гарантировать, что если будет следующая пандемия, мы сможем с ней справиться»²⁵, – отмечает комиссар Кириакидес.

¹⁶ Borrell, J. European Diplomatic Academy: Opening remarks by High Representative Josep Borrell at the inauguration of the pilot programme. The Diplomatic Service of the European Union. 13.10.2022. (https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-diplomatic-academy-opening-remarks-high-representative-josep-borrell-inauguration_en).

¹⁷ Germany-Portugal-Slovenia TRIO Programme. Final Draft. 20.05.2020. (<https://www.politico.eu/wp-content/uploads/2020/05/Trio-presidency-program-Final-Draft.pdf>).

¹⁸ Joint statement of the Members of the European Council. Brussels, 26 March 2020. (<https://www.consilium.europa.eu/media/43076/26-vc-euco-statement-en.pdf>).

¹⁹ Resolution 'On EU coordinated action to combat the COVID-19 pandemic and its consequences. European Parliament. 17.04.2020. No 2020/2616(RSP). (https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0054_EN.html).

²⁰ European Union – French-German initiative for the European recovery from the coronavirus crisis. Paris, 18.05.2020. France Diplomacy. (<https://www.diplomatie.gouv.fr/en/coming-to-france/coming-to-france-your-covid-19-questions-answered/coronavirus-statements/article/european-union-french-german-initiative-for-the-european-recovery-from-the>).

²¹ Covid-19 exposes EU's reliance on drug imports. Financial Times. 20.04.2020. (<https://www.ft.com/content/c30eb13a-f49e-4d42-b2a8-1c6f70bb4d55>).

²² Joint statement of the Members of the European Council. Brussels. 26 March 2020. Op.cit.

²³ Quaglio G. EU public health policy. European Parliamentary Research Service. July 2020. No PE 652.027.

²⁴ Cerulus L. Coronavirus forces Europe to confront China dependency. Politico. 06.03.2020. (<https://www.politico.eu/article/coronavirus-emboldens-europes-supply-chain-security-hawks/>).

²⁵ Fortuna, G. Franco-German couple sets eyes on EU health sovereignty. Euractiv. 19.05.2020. (<https://www.euractiv.com/section/health-consumers/news/franco-german-couple-sets-eyes-on-eu-health-sovereignty/>).

Вирус COVID-19 «останется... и мы должны готовиться к разным сценариям... надо переориентироваться от борьбы с пожаром к архитектуре союза в области здравоохранения»²⁶, – считает заместитель председателя Европейской комиссии М. Схинас.

Источники угроз для здравоохранения были множественными и неопределенными, однако они требовали долгосрочных мер. Некоторые проблемы – например, распространение заболевания, – частично решали мерами эпидемиологического контроля. «Наш план готовности к биозащите позволяет работать с параллельными и последующими сериями пандемии», – заявил в 2021 г. М. Схинас²⁷. Другие аспекты, которые касаются сотрудничества стран-членов, нужно отладить. Отдельные страны ЕС – в первую очередь Франция и Германия – считали, что требуется именно европейский суверенитет в области здравоохранения²⁸. Однако в нормативных актах ЕС цель определили как «построение союза в области здравоохранения»²⁹.

В сфере здравоохранения понятие суверенитета стали употреблять, чтобы обозначать меры, имеющие внешнее для ЕС измерение. Согласно заявлению Франции и Германии, меры его поддержки включают «сокращение зависимости ЕС», в т. ч. «разработку вакцин и протоколов лечения», «создание общих стратегических запасов лекарств и медицинских продуктов», «поощрение развития производственных мощностей для этих продуктов в ЕС»³⁰. Представитель Еврокомиссии определил «суверенитет в области здравоохранения» как «автономность локальных производственных мощностей, которые могут производить лекарства, вакцины и другие продукты для медицины»³¹. Наконец, депутаты Европарламента отметили необходимость «вернуть наш суверенитет в области здравоохранения таким образом, чтобы лекарства и медицинское оборудование производились в Европе»³².

Таким образом, обеспечение «суверенитета в области здравоохранения» становится ключевым фактором работы с тревогой, вызванной пандемией. Здесь суверенитет охватывает и внутренние направления работы (где ЕС может контролировать процессы) и внешние направления (неподконтрольные, подчас враждебные), а также создание автономии в поставках лекарственных средств и санитарно-гигиенических товаров. Во время пандемии разрозненные и зачастую эгоистичные действия стран-членов напомнили об угрозе национального суверенитета для интеграции. В результате ЕС идентифицировался с этой угрозой и принял меры, чтобы снизить коллективную тревогу, сформулировав понятие суверенитет в области здравоохранения на наднациональном уровне. Оно вошло в практику и его широко использовали как страны-члены, так и институты ЕС. Примечательно, что здравоохранение представляет собой сферу смешанных полномочий. Данная особенность демонстрирует, что дискурс о суверенитете играет важную роль в работе с тревогой, и понятие «суверенитет» может успешно интегрироваться в дискурс ЕС вне зависимости от того, насколько коммунитаризирована та или иная сфера.

²⁶ COVID-19: Commission calls on Member States to step up preparedness for the next pandemic phase. European Commission. Brussels, 27.04.2022. (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_2646).

²⁷ Foote N. Commission takes action to preempt new COVID strains, fast track variant vaccines. Euractiv. 18.02.2021. (<https://www.euractiv.com/section/coronavirus/news/commission-takes-action-to-preempt-new-covid-strains-fast-track-variant-vaccines/>).

²⁸ European Union – French-German initiative for the European recovery from the coronavirus crisis. Op.cit.

²⁹ Amand-Eeckhout L. Building up resilience to cross-border health threats. Moving towards a European health union. European Parliamentary Research Service. February 2023. No PE 690.565.

³⁰ European Union – French-German initiative for the European recovery from the coronavirus crisis. Op.cit.

³¹ Fortuna G. Health Brief: Good ol' health sovereignty. Euractiv. 7.12.2022. (<https://www.euractiv.com/section/health-consumers/news/health-brief-good-ol-health-sovereignty/>).

³² Colin-Oesterlé N. Let's imagine the Europe of tomorrow! Euractiv. 8.12.2021. (<https://www.euractiv.com/section/future-eu/opinion/lets-imagine-the-europe-of-tomorrow/>).

Продовольственный суверенитет

Термин «продовольственный суверенитет» появился в начале XXI в. Движение фермеров Via Campesina, основанное в 1993 г. фермерами разных стран мира, определяет «продовольственный суверенитет» как «право народов, государств и их союзов определять свою аграрную и продовольственную политику без демпинга со стороны третьих стран»³³. Во время пандемии 2020 г. акцент в продовольственном суверенитете в ЕС стал смещаться в сторону самообеспечения как гарантии безопасности.

После 24 февраля 2022 г. смятение ЕС относительно этой сферы усилилось. Во-первых, Европейский совет отметил, что «драматичное падение украинского экспорта» означает обострение проблемы продовольственной безопасности для «миллионов людей во всем мире»³⁴. По его мнению, особо «неопределенность поразила рынки пшеницы, зерновых и пищевых масел»³⁵. Во-вторых, Европейский совет подчеркивал рост цен на продовольствие: «в реальном выражении» они «никогда не были столь высоки», а инфляция может «спирально вырваться из-под контроля»³⁶. Была высказана обеспокоенность, что продовольствие станет менее доступным для малоимущих – в т. ч. в Евросоюзе. Звучали увеличивающиеся смятение предупреждения о том, что такое развитие событий может привести к «социальным волнениям и конфликту» по аналогии с началом «Арабской весны»³⁷.

Тревога ЕС ориентирована и на настоящее, и на будущее. «Перспективы остаются сложными»³⁸, и ничто не дает надежду на быстрое разрешение ситуации. ООН, в свою очередь, предостерегает о «продовольственной катастрофе глобального масштаба в 2023 г.»³⁹.

Основной источник тревоги ЕС в данном случае более очевиден по сравнению с предыдущими кейсами. В продовольственном кризисе обвиняют Россию в связи с боевыми действиями на Украине и ограничениями на перевозки украинского продовольствия по Черному морю. Однако существуют и дополнительные обстоятельства. Речь идет о реакции других стран на ситуацию в продовольственной сфере, которые «ввели односторонние ограничения на свой аграрный экспорт» и «пытаются создать запасы, обостряя проблему на мировых рынках»⁴⁰. Кроме того, «рост цен на энергоносители и проблемы с поставками удобрений повысили цены на удобрения» в мире⁴¹, что также ведет к удорожанию продуктов питания. Наконец, кризис усугубляется из-за Зеленого курса ЕС, в рамках которого ограничивается использование пахотных площадей и удобрений. Одновременно затяжной кризис на Украине и инфляция свидетельствуют о том, что проблемы на глобальном рынке продовольствия имеют долгосрочный характер.

³³ Food Sovereignty – Explained. Via Campesina. 15.01.2003. (<https://viacampesina.org/en/food-sovereignty/>).

³⁴ Infographic – How the Russian invasion of Ukraine has further aggravated the global food crisis. European Council. (<https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/how-the-russian-invasion-of-ukraine-has-further-aggravated-the-global-food-crisis/>).

³⁵ Foote, N. Keep calm and carry on trading: Von der Leyen urges solidarity to fix food crisis. Euractiv. 08.06.2022. (<https://www.euractiv.com/section/agriculture-food/news/keep-calm-and-carry-on-trading-von-der-leyen-urges-solidarity-to-fix-food-crisis/>).

³⁶ Ibid.

³⁷ Wanat Z., Aaruo S.A. Ukraine: The food factor. Politico. 06.02.2022. (<https://www.politico.eu/article/ukraine-the-food-factor-energy-trade-war-agriculture-market/>).

³⁸ European Council. Infographic... Op.cit.

³⁹ Borrell J. The battle of narratives around the food crisis. The Diplomatic Service of the European Union. 18.06.2022. (https://www.eeas.europa.eu/eeas/battle-narratives-around-food-crisis%2%A0_en).

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid.

Однако попытка установить суверенитет в продовольственной сфере спровоцировала острые споры на наднациональном уровне. Главным сторонником данного курса была Франция, которая председательствовала в Совете ЕС в начале 2022 г. Ее министр сельского хозяйства Ж. Дермондье указал на необходимость «продовольственного суверенитета» – ситуации, когда «Европа может... закрыть потребности Европы и мира»⁴². В то же время сторонники экологичного развития (депутаты Европарламента, некоторые страны-члены, экологические организации) сочли, что продовольственный суверенитет приведет к отказу ЕС от «зеленых» обязательств в аграрной сфере, и воспротивились этому курсу.

В Версальской декларации 2022 г. Франция попыталась вернуться к идее продовольственного суверенитета как обеспечения самодостаточности ЕС в этой сфере: в документе было предложено «повысить продовольственную безопасность через сокращение зависимости от импорта»⁴³. Европейская служба внешних связей истолковала данный призыв как ограничение «стратегической зависимости» и вклад в европейский суверенитет⁴⁴. Еврокомиссия вначале согласилась обсудить пересмотр «зеленых» ограничений в аграрной сфере, но затем стала отрицать наличие «рисков продовольственной безопасности в Европе»⁴⁵. В результате тревога относительно собственного обеспечения продовольствием в ЕС снизилась, и идея продовольственного суверенитета пока отставлена.

Таким образом дискурс о продовольственном суверенитете не получил развития – несмотря на то, что ряд стран-членов ЕС, а также некоторые парламентарии и фермеры использовали этот термин, чтобы предложить свои варианты работы с тревогой в этой сфере. Можно выделить четыре причины подобного развития событий. Первая – критическое количество игроков в ЕС (в особенности наднациональных) не разделило дискурс о «продуктовом суверенитете» и соответствующий комплекс действий для работы с коллективной тревогой. Вторая – острота тревоги была снята заключением, что ЕС не угрожает продовольственный кризис. Третья – источник угроз был более конкретным, чем в предыдущих случаях. Наконец, обеспечение продовольственного суверенитета вступало в противоречие с задачей повысить экологические стандарты производства – базовым направлением для ЕС сегодня. В результате в данной сфере не произошло «идентификации с агрессором», с суверенитетом как угрозой наднациональному развитию. Примечательно, что аграрная политика представляет собой одно из наиболее коммуниитаризованных направлений деятельности в ЕС. Сложившаяся ситуация еще раз доказывает, что инкорпорация «секторального» суверенитета в дискурс ЕС не коррелирует напрямую с разделением компетенций между национальным и наднациональным уровнями.

Заключение

В последние годы «секторальные» суверенитеты все чаще входят в дискурс Евросоюза. Результаты исследования свидетельствуют, что дискурс ЕС о «секторальных» суверенитетах можно концептуализировать как работу ЕС с коллективной тревогой. Один из

⁴² Fortuna G. EU to look again at Green deal goals in farming to ensure food security. Euractiv. 03.03.2022. (<https://www.euractiv.com/section/agriculture-food/news/eu-to-look-again-at-green-deal-goals-in-farming-to-ensure-food-security/>).

⁴³ Informal meeting of the Heads of State or Government. Versailles Declaration. 10 and 11 March 2022. (<https://www.consilium.europa.eu/media/54773/20220311-versailles-declaration-en.pdf>).

⁴⁴ Versailles declaration: strengthening European sovereignty and reducing strategic dependencies. Delegation of the European Union to the Russian Federation. 15.03.2022. (https://www.eeas.europa.eu/delegations/russia/versailles-declaration-strengthening-european-sovereignty-and-reducing-strategic_en).

⁴⁵ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Safeguarding food security and reinforcing the resilience of food systems. Brussels, 23.3.2022. COM(2022) 133 final.

способов адаптации к тревоге – это «идентификация с агрессором». В данном случае на уровне коллективных эмоций им выступает суверенитет. Раньше он был опасным Другим, угрозой для интеграции; теперь этот фактор подвергают переосмыслению и адаптируют на наднациональном уровне. Дискурс о суверенитете в этой ситуации предполагает проведение в ЕС определенного комплекса действий, цель которого – жестче прочертить границы – разделить пространство на внутреннее (свое, контролируемое) и внешнее (враждебное), а также повысить автономию от влияния извне.

Данная тенденция была проиллюстрирована примерами из разных сфер, на которые повлияли не связанные между собой вызовы. Перечисленные случаи различались по сферам разделения полномочий между ЕС и странами-членами. В первых двух кейсах угроза была воспринята как непосредственно направленная на ЕС, в третьем она скорее глобальна. В первых двух случаях наднациональный «секторальный» суверенитет активно используют как средство работы с коллективной тревогой, в третьем же данного пути придерживается небольшое количество игроков в ЕС. В первых двух кейсах работа с тревогой доминирует, тогда как в третьем ей противостоят «зеленые» приоритеты ЕС. Во всех трех примерах дискурс о «секторальном» суверенитете, используемый для преодоления тревоги, нацелен на будущее и имеет долгосрочный характер. Источники угроз менее определены (для Евросоюза) в первых двух случаях, в третьем же он кажется Брюсселю вполне очевидным.

Как показали приведенные кейсы, «результативность» применения суверенитета для работы с тревогой связана с наличием всех ее четырех элементов и ее приоритетностью по сравнению с другими повестками. Кроме того, имеет значение восприятие этих элементов большинством игроков ЕС. Более того, обозначенные факторы обуславливают друг друга. Неполная артикуляция всех элементов тревоги, с одной стороны, свидетельствует о том, что в ЕС отсутствует консенсус при оценке вызова и определении реакции на него. С другой стороны, неполная артикуляция затрудняет дальнейшее осуществление мер «суверенности», потому что публичные образцы чувствования и эмоциональные культуры изначально разнятся. При полной же артикуляции элементов, наоборот, наблюдается относительное согласие игроков: формируется четкая линия «угроза – эмоциональная культура – реакция через суверенитет».

Ссылки на геополитические риски подчеркивают враждебность внешнего мира, его неподконтрольность. Суверенитет же представляет собой стремление поставить ситуацию внутри под контроль либо через систему регулирования (в монетарной сфере), либо за счет совершенствования внутреннего рынка и сотрудничества стран-членов (в здравоохранении), либо обеспечивая производство всего необходимого на собственной территории (цифрового евро, производства лекарств и вакцин). В результате Евросоюз отходит от своего предыдущего подхода к видению мира, глобализации и развития, самоидентифицируясь с тем, что ранее на национальном уровне воспринимали как «агрессора», угрозу наднациональному развитию, – с суверенитетом.

Тем не менее тревога не исчезает полностью вследствие включения понятия «суверенитет» в дискурс ЕС и соответствующего комплекса действий. Скорее, тревога и развитие «секторального» суверенитета как работа с ней теперь сосуществуют в дискурсе и практиках ЕС. В дальнейшем на первый план будут выходить то тревога, то суверенитет, которые функционируют в устойчивых диалектических отношениях. В данной статье продемонстрировано, как эта пара формируется, однако ее эволюция составляет предмет дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Зорин А. (2016) Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII–начала XIX века. М: Новое Литературное Обозрение. 568 с.
- Zorin A. (2016) *Pojavlenie geroja: iz istorii russkoj emocional'noj kul'tury konca XVIII–nachala XIX veka* [The Emergence of Hero: from the Russian Emotional History of the End of 18th – Beginning of the 19th Century]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. 568 p. (in Russ.)
- Плампер Я. (2018) История эмоций. М.: Новое литературное обозрение. 561 с.
- Plamper J. (2018) *Istorija emocij* [The History of Emotions]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 561 p. (in Russ.)
- Романова Т.А. (2021) Дискурс о суверенитете Европейского союза: содержание и последствия // Современная Европа. № 5. С. 32–44.
- Romanova T.A. (2021) Diskurs o suverenitete Evropejskogo sojuza: sodержanie i posledstvija [The EU's Discourse on Sovereignty: Content and Consequences]. *Sovremennaya Evropa*. no. 5, pp. 32–44. (in Russ.)
- Фрейд А. (1993) Психология «Я» и защитные механизмы. М.: Педагогика. 144 с.
- Freud A. (1993) *Psihologija «Ja» i zashhitnye mehanizmy* [The Ego and the Mechanisms of Defense]. Moscow: Pedagogika. 144 p. (in Russ.)
- Agnew J. (2018) *Globalization and Sovereignty. Beyond the Territorial Trap*. 2nd Ed. Lanham: Rowman & Littlefield. 279 p.
- Bartelson J. (1995) *A Genealogy of Sovereignty*. Cambridge: Cambridge University Press. 317 p.
- Bodin J. (1962) *Six Books on the Commonwealth*. Oxford: Basil Blackwell. 256 p.
- Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains*. Princeton: Princeton University Press. 464 p.
- Crawford N.C. (2014) Institutionalizing Passion in World Politics: Fear and Empathy // *International Theory*. Vol. 6. No. 3. Pp. 535–557.
- Epstein S. (1972) The Nature of Anxiety with Emphasis upon its Relationship to Expectancy. In: *Anxiety: Current Trends in Theory and Research*. Vol. 2. Ed(s): C. D. Spielberger. New York: Academic Press. Pp. 291–337.
- Frankel J. (2002) Exploring Ferenczi's Concept of Identification with the Aggressor: Its Role in Trauma, Everyday Life, and the Therapeutic Relationship // *Psychoanalytic Dialogues*. Vol. 12. No. 1. Pp. 101–139.
- Geertz C. (1973) *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books. 470 p.
- Jacobsen K. (2013) Why Freud Matters: Psychoanalysis and International Relations Revisited // *International Relations*. Vol. 27. No. 4. Pp. 393–416.
- Koschut S. (2017) The Structure of Feeling – Emotion Culture and National Self-Sacrifice in World Politics // *Millennium*. Vol. 45. No. 2. Pp. 174–192.
- Kövecses Z. (2003) *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press. 223 p.
- Laclau E., Mouffe C. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso. 217 p.
- MacCormick N. (1999) *Questioning Sovereignty: Law, State, and Nation in the European Commonwealth*. Oxford: Oxford University Press. 210 p.
- MacLeod C., Rutherford E.M. (1992) Anxiety and the Selective Processing of Emotional Information: Mediating Roles of Awareness, Trait and State Variables, and Personal Relevance of Stimulus Materials // *Behaviour Research and Therapy*. Vol. 30. No. 5. Pp. 479–491.
- Nussbaum M.C. (2016) *Anger and Forgiveness: Resentment, Generosity, Justice*. Oxford: Oxford University Press. 315 p.
- Sylvers P., Lilienfeld S.O., LaPrairie J.L. (2011) Differences between Trait Fear and Trait Anxiety: Implications for Psychopathology // *Clinical Psychology Review*. Vol. 31. No. 1. Pp. 122–137.

Wæver O. (1996) European Security Identities // Journal of Common Market Studies. Vol. 34. No. 1. Pp. 103–132.

Walker N. (2003) Late Sovereignty in the European Union. In: Sovereignty in Transition. Ed(s): N. Walker. Oxford: Hart. Pp. 3–32.

Weber C. (1995) Simulating Sovereignty: Intervention, the State and Symbolic Exchange. Cambridge: Cambridge University Press. 298 p.

Wendt A. (2004) The State as Person in International Theory // Review of International Studies. Vol. 30. No. 2. Pp. 289–316.

Информация об авторах

Романова Татьяна Алексеевна, кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет. Адрес: 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, под. 8. E-mail: t.romanova@spbu.ru

Коцур Глеб Владиславович, кандидат политических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет. Адрес: 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, под. 8. E-mail: glebk17@gmail.com

About the authors

Tatiana A. Romanova, Candidate in Political Science, Associate Professor, School of International Relations, Saint Petersburg State University. Address: 191060, Russian Federation, St. Petersburg, Smol' nogo Str., 1/3, entrance 8. E-mail t.romanova@spbu.ru

Gleb V. Kotsur, Candidate in Political Science, Assistant, School of International Relations, Saint Petersburg State University. Address: 191060, Russian Federation, St. Petersburg, Smol' nogo Str., 1/3, entrance 8. E-mail glebk17@gmail.com

Статья поступила в редакцию/ Received: 26.05.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 15.06.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 06.07.2023

Оригинальная статья/ Original article

Экономика США: «симптомы» рецессии и «болезни» высокотехнологичных отраслей

© Т.С. ШЕПЕЛЬ, Б.В. ГОРБОКОНЬ

Шепель Татьяна Сергеевна, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (Ростов-на-Дону, Россия), shepel.rsue@gmail.com. ORCID: 0009-0009-5122-0728

Горбоконь Борис Вадимович, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (Ростов-на-Дону, Россия), bargorbokon@gmail.com. ORCID: 0000-0002-9013-8999

Проанализировано текущее состояние экономики США и составлен прогноз ее дальнейшего развития с учетом экономических циклов: насколько близка и реальна рецессия в сложившихся условиях. Ключевое внимание уделено агрессивной монетарной политике Федеральной резервной системы (ФРС) США и ее влиянию на темпы роста инфляции и показатели занятости населения в стране. В частности, рассмотрены массовые увольнения в IT-сфере в контексте текущего экономического цикла. Проведено ретроспективное сравнение ситуации с кризисом «доткомов» 2001 г. Выявлено, что сформировавшийся в ходе активной денежно-кредитной политики кредитный кризис все же повлиял на действия ФРС. Тем не менее, сделан вывод о том, что в целом вектор монетарной политики США в ближайшее время останется прежним и скорее всего приведет к ожидаемой «мягкой» рецессии уже во втором полугодии 2023 г. Данный вывод подтверждают изменения в текущих и прогнозных макроэкономических показателях экономики США, а также в общей конъюнктуре мировой экономики.

Ключевые слова: IT-компании, безработица, инфляция, рецессия, технологический стартап, финансовый кризис, финансовый сектор

Цитирование: Шепель Т.С., Горбоконь Б.В. (2023) Экономика США: «симптомы» рецессии и «болезни» высокотехнологичных отраслей // Общественные науки и современность. № 4. С. 81–95. DOI: 10.31857/S0869049923040093, EDN: PABKUS.

The US Economy: “Symptoms” of a Recession and the “Diseases” of High-Tech Industries

© T. SHEPEL, B. GORBOKON

Tatiana S. Shepel, Rostov State University of Economics (RINH) (Rostov-on-Don, Russia), shepel.rsue@gmail.com. ORCID: 0009-0009-5122-0728

Boris V. Gorbokon, Rostov State University of Economics (RINH) (Rostov-on-Don, Russia), bargorbokon@gmail.com. ORCID: 0000-0002-9013-8999

Abstract. An analysis of the current state of the US economy is provided, as well as an outlook of its further development in the context of economic cycles: how close and real is a recession under the current conditions. Key attention is paid to the aggressive monetary policy of the US Federal Reserve System (Fed) and its impact on rising inflation and employment rates in the country. In particular, mass layoffs in the IT sector are analyzed in relation to the current economic cycle and in retrospective comparison with the dot-com crisis of 2001. It is revealed that the credit crisis that formed in the course of an active monetary policy influenced the actions of the Fed. However, it is concluded that, in general, the vector of US monetary policy will remain the same in the near future and will most likely lead to a soft landing recession in the second half of 2023, which is confirmed by changes in current and forecast macroeconomic indicators of the US economy, as well as changes in the condition of the world economy in general.

Keywords: IT companies, unemployment, inflation, recession, technology startup, financial crisis, financial sector

Citation: Shepel T.S., Gorbokon B.V. (2023) The US Economy: “Symptoms” of a Recession and the “Diseases” of High-Tech Industries. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 81–95. DOI: 10.31857/S0869049923040093, EDN: PABKUS.

Понятие экономического цикла охватывает сложное многогранное явление, которое пронизывает различные сферы жизни общества, вследствие чего ученые-экономисты до сих пор не пришли к единому мнению о значении данного термина. Например, американские экономисты С. Фишер, Р. Дорнбуш и Р. Шмалензи определяют экономические циклы как «экономические колебания фактического объема производства вокруг его потенциальной величины, которая достигается при условии полной занятости в экономике» [Fischer, Dornbusch, Schmalensee 1988].

Классические определения экономических циклов обычно основаны на научных трудах американских экономистов А. Бернса и У. Митчела [Burns, Mitchell 1946], на которые также ориентируется Национальное бюро экономических исследований (NBER) США.

Существуют различные критерии, на основании которых характеризуют состояние и динамику экономических циклов. На данный момент основным показателем остается валовой внутренний продукт (ВВП). В то же время среди исследователей нет согласия как в вопросе деления цикла на фазы, так и в определении каждой из фаз.

NBER считает ключевым признаком спада (рецессии) снижение реального ВВП на протяжении двух и более кварталов. Тем не менее, этот индикатор нельзя считать единственным. Более того, наибольшее значение имеют не сами величины показателей, а их общая динамика. В первые два квартала 2022 г. в США наблюдалось снижение реального ВВП, однако NBER не объявило о наступлении рецессии.

Психологический фактор также имеет весомое значение: формально со времен Великой депрессии 1929 г. США больше ни разу не находились в состоянии депрессии. Американские экономисты заменили термин «депрессия» на нейтральный «рецессия», однако суть явления от этого несколько не изменилась [Rothbard, Murray 1969]. С тех пор происходила дальнейшая подмена понятий: вместо «рецессий» стали появляться «спады», «замедления», «кризисы» и даже «отклонения».

События 2022 г. существенно повлияли на мировую экономику: санкции против энергетического сектора России способствовали усилению начавшегося еще в 2021 г. мирового энергетического кризиса; коллективный Запад обвинил Россию в росте цен на продукты питания и удобрения из-за СВО на Украине; экономическая активность Китая снизилась из-за введения локдаунов в ответ на вспышки COVID-19. В условиях сложившейся в мире турбулентности на протяжении всего года международные экономические организации меняли свои прогнозы развития мировой экономики, ориентируясь на противоречивые тренды.

Согласно Международному валютному фонду (МВФ), по итогам 2022 г. рост мирового ВВП замедлился до 3,2% по сравнению с 6% в 2021 г. (рис. 1). Данные показатели стали самыми низкими с 2001 г. (не учитывая мировой финансовый кризис 2008 г. и пандемию COVID-19 в 2020 г.¹). В 2023 г. ожидается дальнейшее снижение темпов экономического роста.

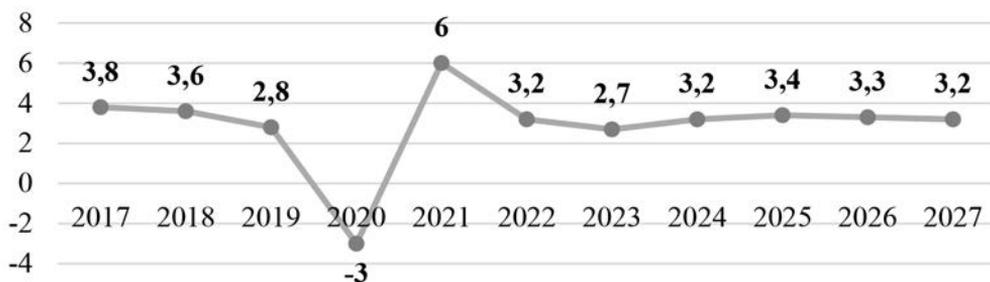

Рисунок 1. Динамика темпов прироста мирового ВВП за 2017–2027 гг., % (с учетом прогноза на 2023–2027 гг.)

Figure 1. Dynamics of world GDP growth rates for the period 2017–2027, % (including the forecast for 2023–2027)

Источник: составлено авторами на основе данных МВФ.

Source: compiled by the authors based on IMF data.

В то же время в мире существенно возросли темпы инфляции, которая по итогам года составила 8,8%². Этот результат стал самым высоким с 1997 г., несмотря на все меры по ее снижению. В частности, Федеральная резервная система (ФРС) США в марте 2022 г. начала повышать ключевую ставку с 0,25% до 5,25% в мае 2023 г.³.

¹ World Economic Outlook 2023. International Monetary Fund. September 6, 2023. (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO>).

² Inflation rate, average consumer prices. International Monetary Fund. (<https://www.imf.org/external/datamapper/PCPIPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOORLD>).

³ Fed Interest Rate Decision. Investing.com. Jul 26, 2023. (<https://www.investing.com/economic-calendar/interest-rate-decision-168>).

В настоящее время в целях борьбы с инфляцией в США ФРС предпринимает попытки замедлить рост экономики (промышленной активности и потребительских расходов) через повышение ставки. Данный ход делает заимствование более дорогим и в дальнейшем может привести к снижению цен на активы (акции и недвижимость). Вашингтон удерживал базовую ставку по федеральным фондам близкой к нулю во время и после пандемии, однако за последние месяцы повысил ее больше, чем когда-либо с начала 1980-х гг. (рис. 2).

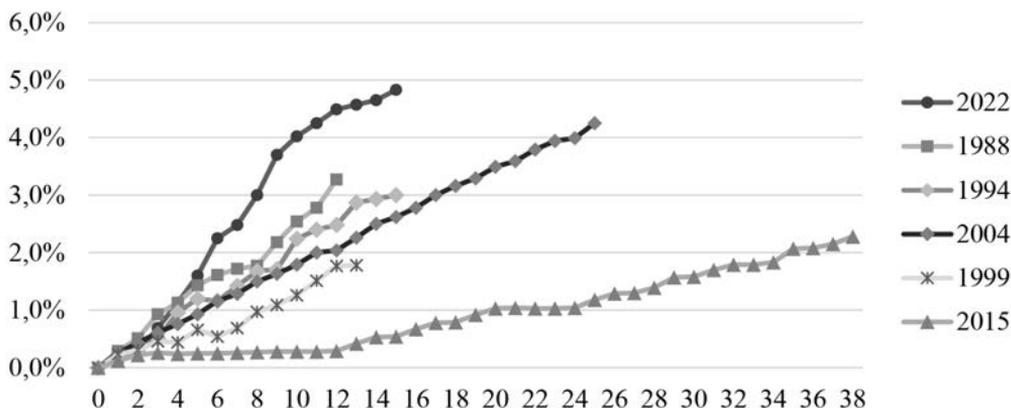

Рисунок 2. Кумулятивное изменение эффективной ставки по федеральным фондам США с ее первоначального повышения по месяцам, %

Figure 2. Cumulative change in the effective US federal funds rate since the beginning of its initial increase by month, %

Источник: составлено авторами на основе данных Board of Governors of the Federal Reserve System (<https://www.federalreserve.gov/>).

Source: compiled by the authors based on the data from the Board of Governors of the Federal Reserve System (<https://www.federalreserve.gov/>).

В сложившихся условиях политики, экономисты и участники рынков ведут дебаты о том, движется ли экономика США к рецессии. Согласно одним критериям, экономика находится в рецессии с лета 2022 г., по другим характеристикам – показывает высокую устойчивость.

Цены на жилье в США по итогам 2022 г. возросли на 7,9% по сравнению с прошлым годом, что составило почти 60% от общего увеличения стоимости всех товаров за исключением продуктов питания и энергетических ресурсов (рис. 3). Увеличение на 7,9% стало самым большим 12-месячным ростом с июня 1982 г., когда цены на жилье повысились на 9%⁴. В марте 2023 г. за счет снижения мировых цен на энергоносители 12-месячный рост цен на все товары составил 5,0%.

В январе 2023 г. Бюро трудовой статистики США изменило методологию формирования индекса потребительских цен. Некоторым компонентам (жилье) был присвоен более высокий вес, в то время значение других показателей (еда и энергия) уменьшилось⁵.

⁴ Consumer prices for shelter up 7.9 percent from January 2022 to January 2023. U.S. Bureau of Labor Statistics. (<https://www.bls.gov/opub/td/2023/consumer-prices-for-shelter-up-7-9-percent-from-january-2022-to-january-2023.htm>).

⁵ Ibid.

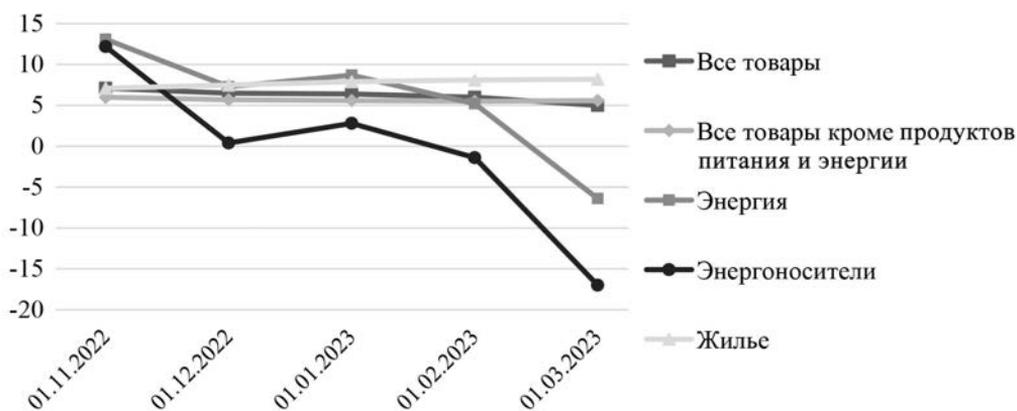

Рисунок 3. Динамика структуры изменения потребительских цен в США за период с ноября 2021 по март 2023 г., %

Figure 3. Dynamics of the structure of changes in consumer prices in the United States for the period from November 2021 to March 2023, %

Источник: *составлено авторами на основе данных U.S. Bureau of Labor Statistics.*
Source: *compiled by the authors based on U.S. Bureau of Labor Statistics data.*

Федеральная резервная система также трансформировала способ расчета такого важного показателя, как эквивалентная арендная плата. Она определяет, сколько владельцы собственности могут получить средств, если будут сдавать в аренду недвижимость. Теперь больше внимания уделено ценообразованию на аренду отдельных помещений, а не квартир⁶.

Федеральный резервный банк Нью-Йорка применяет модель, которая использует спред между доходностью 3-месячных и 10-летних казначейских облигаций для оценки вероятности рецессии. В конце марта он дал прогноз на 68%-ю ее вероятность в течение следующих 12 месяцев. Данный показатель представляет собой самый высокий уровень с начала 1980-х гг. [Estrella, Mishkin 1996]. Визуальное представление доходности облигаций по срокам погашения отражено в виде кривой доходности на рисунке 4.

Перевернутая кривая доходности описывает ситуацию, когда краткосрочные государственные ценные бумаги – например, трехмесячные казначейские векселя – приносят больший доход, чем 10-летние казначейские облигации. Показатель указывает на то, что трейдеры облигациями ожидают более слабого роста в будущем. Кривая доходности гособлигаций США переворачивалась перед каждой рецессией за последние 50 лет, и лишь один раз сигнал был ложным.

Следует также подчеркнуть, что еще до того, как в экономике стали проявляться признаки возможной рецессии, в IT-компаниях наметился тренд массовых увольнений (февраль 2022 г.) (рис. 5). К маю 2023 г. более 1,5 тыс. компаний в той или иной степени сократили свой штат. Среди них оказались такие крупные мировые фирмы, как Google, Amazon, Yahoo, Zoom, Twitter, Tesla, Meta⁷, Xiaomi, IBM, SAP, Dell и др. Сложно утверждать, что данная индустрия одной из первых отреагировала на меняющиеся условия среды – напротив, сложившаяся в IT-компаниях ситуация могла послужить одним из триггеров этих изменений.

⁶ Consumer prices for shelter up 7.9 percent from January 2022 to January 2023. U.S. Bureau of Labor Statistics. (<https://www.bls.gov/opub/ted/2023/consumer-prices-for-shelter-up-7-9-percent-from-january-2022-to-january-2023.htm>).

⁷ Признана экстремистской организацией в РФ.

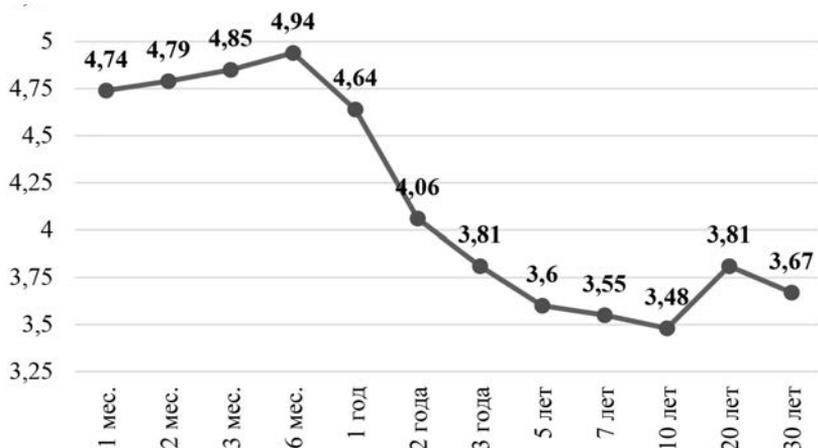

Рисунок 4. Кривая доходности казначейских облигаций США по состоянию на март 2023 г., %

Figure 4. US Treasury Bond yield curve as of March 2023, %

Источник: *составлено авторами с использованием данных Federal Reserve Bank of New York (<https://www.newyorkfed.org/>).*

Source: *compiled by the authors using data of the Federal Reserve Bank of New York (<https://www.newyorkfed.org/>).*

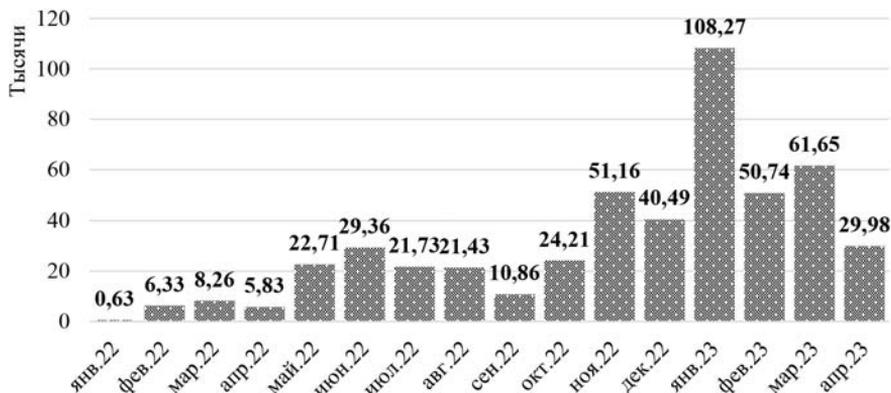

Рисунок 5. Динамика численности уволенных сотрудников в IT-компаниях мира за период с янв. 2022 по апр. 2023 г., тыс. чел.

Figure 5. Dynamics of the number of laid-off employees in world's IT companies for the period from January 2022 to April 2023, thousands of people

Источник: *составлено авторами на основе данных TrueUp и Visual Capitalist.*

Source: *compiled by the authors based on TrueUp and Visual Capitalist data.*

Схожая ситуация наблюдалась и раньше: в 2001 г. произошел один из крупнейших фондовых коллапсов новейшей истории – обвалился технологический индекс NASDAQ и лопнул «пузырь доткомов» (переоцененных акций IT-компаний и стартапов). Вслед за этими событиями в США началась рецессия. За период с января 2000 г. по май 2001 г. закрылись 194 IT-компании, а численность уволенных в IT-сфере превысила 106 тыс. чел. (рис. 6).

По итогам 2001 г. количество заявок на пособие по безработице в США достигло практически 2,5 млн, а уровень безработицы возрос до 10,4 % (рис. 7).

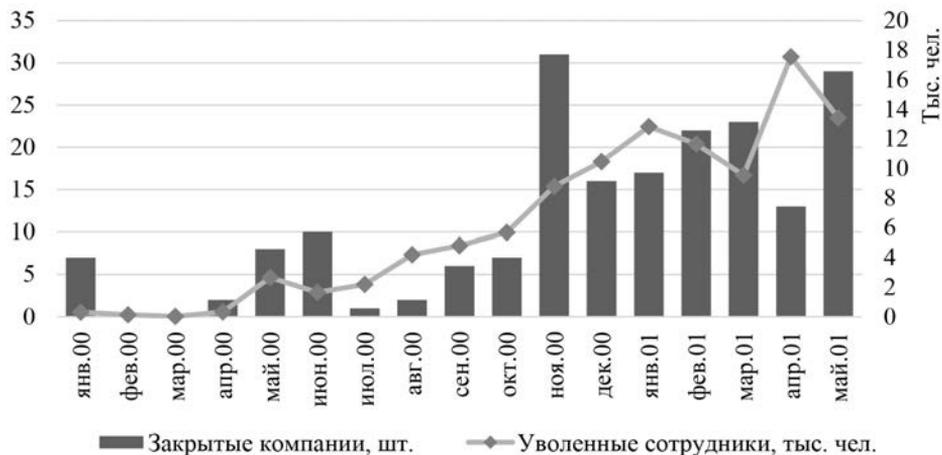

Рисунок 6. Динамика количества закрытых IT-компаний и уволенных сотрудников в сфере IT-технологий в мире за период с января 2000 г. по май 2001 г.

Figure 6. Dynamics of the number of closed IT companies and laid-off employees in the field of IT-technology in the world for the period from January 2000 to May 2001

Источник: составлено авторами на основе данных CNNMoney.
 Source: compiled by the authors based on CNNMoney data.

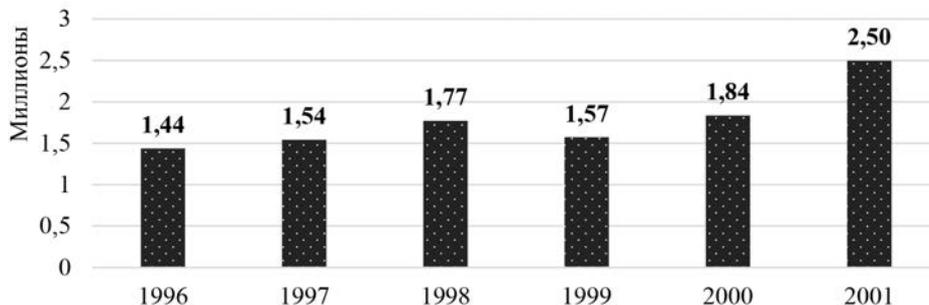

Рисунок 7. Динамика количества заявок на пособие по безработице в США за период 1996–2001 гг., млн шт.

Figure 7. Dynamics of the number of initial claimants for unemployment insurance in the United States for the period 1996–2001, mln of cases

Источник: составлено авторами на основе данных U.S. Bureau of Labor Statistics.
 Source: compiled by the authors based on U.S. Bureau of Labor Statistics data.

В отличие от текущей ситуации, в тот период массовые увольнения произошли в результате того, что «лопнул пузырь», который образовался вследствие завышенной оценки экономических возможностей постиндустриальных технологий. Со стремитель-

ным развитием интернета начали появляться новые интернет-компании, а многие старые начали использовать современные технологии для повышения своей эффективности.

В период раздувания «пузыря» некоторые экономисты и участники рынка связывали рост акций IT-компаний с наступлением «новой экономики». Фактически же новые бизнес-модели оказались неэффективны и вызвали волну банкротств, так как компании потратили вырученные средства впустую. Многих бизнесменов осудили за мошенничество и растрату денег акционеров. Помимо прочего, увеличилось количество непрофессиональных участников и спекуляций на финансовых рынках.

Ныне ситуация не столь очевидна: наибольшее количество увольнений в IT-отрасли пришлось на январь 2023 г. Однако в тот же период Бюро статистики труда США зафиксировало появление 472 тыс. новых рабочих мест в январе⁸ вместо прогнозируемых информационным агентством Bloomberg 189 тыс.⁹ В феврале их стало больше на 248 тыс., в то время как агентство Dow Jones¹⁰ давало прогноз в 225 тыс. (рис. 8). Также в январе уровень безработицы достиг 53-летнего минимума в 3,4% по сравнению с 3,5% в декабре¹¹. Экономисты ожидали, что уровень безработицы поднимется до 3,6%, однако это произошло только в феврале¹². В апреле уровень безработицы снова опустился до 3,4%.

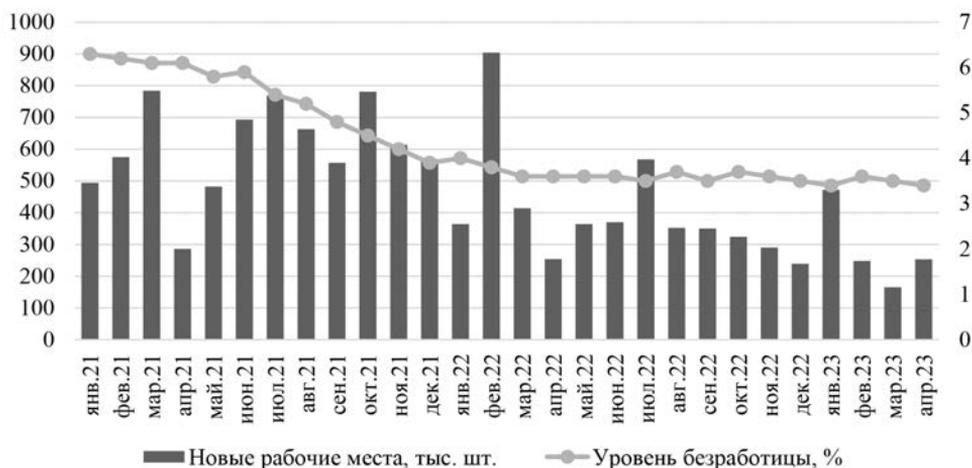

Рисунок 8. Динамика появления новых рабочих мест и уровня безработицы в США за период с янв. 2021 по апр. 2023 г.

Figure 8. Dynamics of new jobs and the unemployment rate in the United States for the period from January 2021 to April 2023

Источник: *составлено авторами на основе данных U.S. Bureau of Labor Statistics.*
 Source: *compiled by the authors based on U.S. Bureau of Labor Statistics data.*

⁸ Employment, Hours, and Earnings from the Current Employment Statistics survey (National). U.S. Bureau of Labor Statistics. (https://data.bls.gov/timeseries/CES0000000001&output_view=net_1mth).

⁹ Jobs Report Shows Massive Hiring in January: What the Experts Are Saying. Kiplinger. FEBRUARY 04, 2023. (<https://www.kiplinger.com/investing/jobs-report-shows-massive-hiring-in-january-what-the-experts-are-saying>).

¹⁰ Payrolls rose 311,000 in February, more than expected, showing solid growth. CNBC. MARCH 10 2023. (<https://www.cnbc.com/2023/03/10/jobs-report-february-2023.html>).

¹¹ Civilian unemployment rate. U.S. Bureau of Labor Statistics. (<https://www.bls.gov/charts/employment-situation/civilian-unemployment-rate.htm>).

¹² Ibid.

Таким образом, в аналитических отчетах зафиксирован всплеск найма работников, несмотря на признаки рецессии в некоторых сферах американской экономики, серию громких увольнений в IT- и промышленном секторах, а также повышение процентных ставок Федеральной резервной системой для ослабления рынка труда.

Одной из ключевых причин массовых увольнений в IT-сфере, помимо неоднозначной экономической ситуации, стало существенное раздувание штата сотрудников в период пандемии. К примеру, с января по октябрь 2020 г. Amazon нанял 427,3 тыс. сотрудников, увеличив их количество до уровня около 1,2 млн человек по всему миру – что превысило прошлогодние показатели на 50% по сравнению с предыдущим годом¹³.

На подобную причину тогда же ссылался И. Маск, генеральный директор Tesla, сообщив в электронном письме всем сотрудникам, что «Tesla сократит штат сотрудников на 10%, так как во многих областях у нас раздуты штаты. Обратите внимание, что это не относится к тем, кто на самом деле производит автомобили, аккумуляторы или устанавливает солнечные батареи. Количество временных работников увеличится»¹⁴.

Следует отметить, что волны увольнений затрагивают в основном нетехнический персонал. В то же время существует нехватка опытных технических специалистов, и эту проблему компании пытаются решить, повышая заработную плату таким сотрудникам. Консалтинговая компания Janco Associates прогнозирует, что повышение оплаты труда для IT-специалистов может достичь 5,61% в 2023 г.¹⁵ (таб. 1). Также отмечается, что увеличилось количество выходов на пенсию среди IT-специалистов, поскольку многие сотрудники из поколения бэби-бумеров отказываются возвращаться в офис после удаленной работы в период пандемии.

Таблица 1

Динамика заработной платы отдельных категорий IT-специалистов, 2022–2023 гг.

Table 1

Dynamics of wages of certain categories of IT specialists, 2022–2023

Категория IT-специалистов	2022 (фактическое значение) в долл. США	2023 (прогнозное значение) в долл. США	Изменение, %
Крупные компании	98 636	102 199	3,61
Руководители	175 455	180 626	2,95
Менеджеры среднего звена	96 449	99 188	2,84
Служебный персонал	78 661	82 636	5,05
Средние компании	93 217	100 434	7,74
Руководители	147 156	159 925	8,68
Менеджеры среднего звена	92 619	99 789	7,74
Служебный персонал	77 694	83 296	7,21
В целом	95 945	101 323	5,61

Источник: составлено авторами на основе данных Janco Associates, Inc.

Source: compiled by the authors based on Janco Associates, Inc data.

¹³ Pushed by Pandemic, Amazon Goes on a Hiring Spree Without Equal. The New York Times. Nov. 27, 2020. (<https://www.nytimes.com/2020/11/27/technology/pushed-by-pandemic-amazon-goes-on-a-hiring-spreewithout-equal.html>).

¹⁴ Pushed by Pandemic, Amazon Goes on a Hiring Spree Without Equal. The New York Times. Nov. 27, 2020. (<https://www.nytimes.com/2020/11/27/technology/pushed-by-pandemic-amazon-goes-on-a-hiring-spreewithout-equal.html>).

¹⁵ 2023 IT Salary Survey by company size and metro area. Janco Associates, Inc. (<https://e-janco.com/salary.htm>).

Согласно данным американской консалтинговой компании Gartner, мировые расходы на ИТ в 2023 г. увеличатся до 4,5 трлн долл. – на 2,4% больше, чем в предыдущем году. В основном такую динамику объясняют ростом расходов на программное обеспечение и ИТ-услуги (на 9,3% и 5,5% соответственно).

Также Gartner ожидает снижения расходов на технические устройства из-за влияния инфляции на покупательную способность потребителей: цикл обновления устройств оказался даже длиннее, чем предполагалось¹⁶. По словам вице-президента и аналитика Gartner Д.-Д. Лавлока, «люди узнают, что они могут дольше держаться за устройство и при этом оставаться довольными». Как отмечает Лавлок, многие расходы предприятий имеют фиксированный, периодический характер (особенно на рынках управляемых услуг, облачных вычислений, SaaS, PaaS и телекоммуникаций), так как они закреплены в долгосрочных контрактах¹⁷.

Результаты опроса американской консалтинговой компании Janco Associates 2022 г. о зарплатах показывают, что организации добавили 267 тыс. ИТ-вакансий, при этом количество свободных рабочих мест превышает наличие работников соответствующей квалификации, которые могут их заполнить. Одновременно «новым сотрудникам» предлагают доход в верхней части диапазона оплаты труда для существующих должностей – согласно Janco, они зачастую получают доход больше, чем нынешние сотрудники на тех же должностях¹⁸.

В текущих условиях низкий уровень безработицы представляет собой плохой знак для рынков и ФРС. В совокупности с по-прежнему высокой инфляцией (5–6% в годовом исчислении) он свидетельствует о высокой экономической активности. Такое развитие событий предвещает если не очередные повышения ставки, то как минимум ее поддержание на прежнем уровне, что приближает рецессию.

Наблюдаемое оживление американской экономики позволяет чиновникам отложить обсуждение вопроса о том, когда следует приостановить повышение ставки. В своих выступлениях перед Банковским комитетом Сената США 7 марта и Комитетом Палаты представителей США по финансовым услугам 8 марта 2023 г. председатель ФРС Дж. Пауэлл заявил, что экономика страны, как и темпы инфляции, оказалась более устойчивой, чем ожидалось. Он также подчеркнул, что пандемия изменила бизнес-циклы, и в текущих реалиях рынок труда может значительно замедлиться, однако массовых увольнений не будет¹⁹.

Так, согласно отчету Бюро статистики труда США, рост средней почасовой оплаты труда в феврале замедлился до 0,2% с 0,3% в январе (рис. 9). Месячный прирост работников в 248 тыс. чел. в феврале был сконцентрирован в узком круге отраслей, однако заработная плата снижалась во всех сферах. Некоторые экономисты считают, что эти явления могут означать замедление роста количества рабочих мест и снижение ценового давления в будущем.

По словам главного экономиста американской консалтинговой компании TS Lombard U.S. С. Блитца, ФРС США будет продолжать повышать процентные ставки, пока страна не войдет в рецессию. Также он подчеркнул, что ФРС не хватает ясности в вопросе о том, на каком уровне находится потолок ее роста в отсутствие экономического спада²⁰.

¹⁶ Enterprise software, services to boost 2023 IT spending by 2.3%. Gartner. JAN 18, 2023. (<https://www.computerworld.com/article/3685791/enterprise-software-services-sales-to-boost-2023-it-spending-by-2-3-gartner.html>).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ 2023 IT Salary Survey by company size and metro area. Janco Associates, Inc. (<https://e-janco.com/salary.htm>).

¹⁹ Here's What the Fed Chair Said This Week, and Why It Matters. The New York Times. March 8, 2023. (<https://www.nytimes.com/2023/03/08/business/economy/fed-chair-inflation-interest-rates.html>).

²⁰ No exit ramp for Fed's Powell until he creates a recession, economist says. CNBC. MAR 8 2023. (<https://www.cnbc.com/2023/03/08/no-exit-ramp-for-feds-powell-until-he-creates-a-recession-economist-says.html>).

Рисунок 9. Динамика роста средней почасовой оплаты труда в США за период с фев. 2021 г. по фев. 2023 г., %

Figure 9. The dynamics of growth in the average hourly earnings in the United States for the period from February 2021 to February 2023

Источник: *составлено авторами на основе данных U.S. Bureau of Labor Statistics.*
Source: *compiled by the authors based on U.S. Bureau of Labor Statistics data.*

Также он отметил, что «шум» экономического спада наблюдается в виде увольнений в финансовом и ИТ- секторах, а также застоя на рынке жилья. Он предположил, что наряду со слабостью фондового рынка в США существует «нехватка активов и начинается потенциальный кредитный кризис», который выражается в сокращении кредитования банками.

Слова Блитца 8 марта 2023 г. о возможном кредитном кризисе стали пророческими. В конце второй недели марта стали заметны последствия повышения ключевой ставки ФРС: 10 марта Департамент финансовой защиты и инноваций Калифорнии (CDFPI, финансовый регулятор штата) закрыл американский банк Silicon Valley Bank (SVB), который предоставлял финансовые услуги технологическим стартапам, и передал его в управление Федеральной корпорации по страхованию вкладов США (FDIC).

SVB был основан в 1983 г. и стал одним из крупнейших банков США, однако его банкротство через 40 лет стало крупнейшим со времен финансового кризиса 2008 г. Происходящее вызвало шок в стартап-экономике Калифорнии: многие компании до сих пор не уверены, какую часть своих депозитов они могут восстановить, и беспокоятся о том, как начислять заработную плату.

SVB, как и многие другие американские банки, пострадал от снижения стоимости своего портфеля из-за роста ставок. Размещенные в ценных бумагах с длительным сроком погашения (ипотечные облигации и казначейские облигации США) депозиты на общую сумму в 91 млрд долл. подешевели на 15 млрд долл. В результате ухудшились финансовые условия стартапов, которые работали с банком²¹.

²¹ Регулятор в США закрыл крупнейший со времен финансового кризиса банк. Forbes. 11 марта 2023. (<https://www.forbes.ru/finansy/485964-regulator-v-ssa-zakryl-krupneysij-so-vremen-finansovogo-krizisa-bank>).

Точкой невозврата стали советы известных венчурных фирм вывести деньги из банка: 10 марта клиенты забрали 42 млрд долл. США, а его акции на предварительных торгах упали в стоимости на 66%. Попытки SVB срочно привлечь новый капитал не увенчались успехом²².

Данная ситуация также отразилась на стоимости акций других банков США: этот торговый период оказался худшим для банковских акций со времен пандемии COVID-19. По мнению Bloomberg, сформировавшаяся вследствие повышения ставок проблема может быть системной: она обнажает уязвимые места в финансовой системе²³.

9 марта 2023 г. фьючерсы на Dow Jones упали на 1,69%. Индексы S&P500 и Nasdaq 100 снизились на 1,85% и 2,05% соответственно (рис. 8).

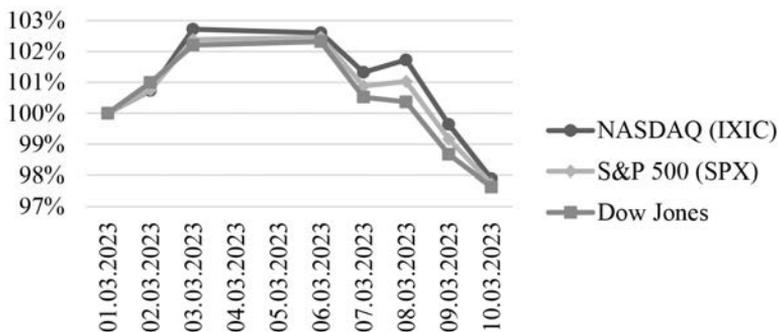

Рисунок 10. Динамика основных фондовых индексов за период с 1 по 10 марта 2023 г., % (1 марта = 100%)

Figure 10. Dynamics of the main stock indices for the period from March 1 to 10, 2023, % (March 1 = 100%)

Источник: составлено авторами с использованием данных Investing.com (<https://www.investing.com/>).
Source: compiled by the authors using data from Investing.com (<https://www.investing.com/>).

Рыночный «индикатор страха» VIX²⁴ взлетел на 18,32%, что стало наибольшим однодневным ростом с июня 2022 г. Трейдеры в поисках безопасности скупали казначейские облигации, что подтолкнуло цены вверх по мере падения доходности. Наибольшие опасения вызвал банковский сектор после того, как стоимость SVB Financial Group (NASDAQ:SIVB) упала на 60,41% через день после объявления о продаже акций на 1,75 млрд долл. Данная сделка должна была помочь укрепить капитал банка, который потерпел убытки по портфелям ценных бумаг и уменьшил финансирование фирм, привлекающих венчурный капитал.

Крах SVB отразился на торговых площадках по всему миру: согласно Bloomberg, за два дня после банкротства этого банка капитализация мирового финансового сектора сни-

²² Там же.

²³ Stock Market Miracle Collapses on Systemic Angst Spurred by SVB. Bloomberg. 11 марта 2023 г. (<https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-03-10/hints-of-systemic-hazard-put-an-end-to-2023-stock-market-miracle?srnd=premium-europe>).

²⁴ VIX (СВОЕ Volatility Index) – тикер рассчитываемого Чикагской биржей опционов (Chicago Board Options Exchange, СВОЕ) индекса, который отражает ожидаемую волатильность S&P 500 в ближайшие 30 дней. Измеряется на основе цен опционов на S&P 500. Чем выше значение VIX, тем больше неопределенности и риска на рынке.

зилась на 465 млрд долл. США²⁵. Происходящие события вызывали тревогу и на азиатских рынках, начался переток средств в большие банки. К примеру, крупнейшие банки США – JP Morgan Chase, Bank of America, Citigroup и Wells Fargo – наблюдают наплыв новых вкладчиков. В то же время на фоне повышения рисков в банковской сфере участились случаи поглощения (крупных) банков другими, а также их слияния.

В сложившихся условиях FDIC планирует существенно реорганизовать систему страхования вкладов (в частности, использовать «целевое покрытие» бизнес-счетов), так как череда банкротств опустошила денежный фонд, который администрация США использует для защиты клиентов кредиторов. Однако подобные мероприятия возможны лишь совместно с Конгрессом.

По мнению первого заместителя главы Сбербанка России А. Ведяхина, ключевой ошибкой SVB стало размещение средств под низкие ставки, из-за чего с ростом ставок ФРС банк начал терпеть убытки, которые не мог покрыть за счет своего капитала²⁶.

На фоне банковского кризиса 22 марта Федеральный резерв все же повысил целевую ставку на 25 б. п. до 5% несмотря на то, что имелись предпосылки для повышения на 0,5% до 5,25%. Рационально предположить, что кризис в банковском секторе немного снизил энтузиазм регуляторов. Его как раз «оценили» лишь на эти отстающие от прогноза 0,25%, ведь, со слов Пауэлла, «банковская система США надежна и устойчива».

Тем не менее, данное повышение стало девятым подряд за год, с тех пор как центральный банк США начал цикл повышения ставок для борьбы с ростом цен. На заседании 2–3 мая ФРС единогласно приняла очередное решение о повышении ставки на 25 б. п. – максимальный показатель за последние 16 лет. Тем не менее, в заявлении исключена формулировка о том, что может потребоваться «некоторое дополнительное ужесточение политики». Соответственно, в процессе повышения ставки может наступить пауза.

Продолжительная жесткая монетарная политика с целью уменьшить количество денег в системе и снизить темпы инфляции запустила цепочку событий, которые привели к банкротству нескольких банков и кризису ликвидности. Спасение банковской системы потребовало чрезвычайного кредитования банков со стороны ФРС. Рост заимствований возрос почти до 300 млрд долл. США, что сравнимо с объемами займов во время финансового кризиса 2008 г. В то же время следует понимать, что такая беспрецедентная закачка денег может полностью нивелировать недавно достигнутые успехи США в борьбе с инфляцией (в том числе и с помощью снижения баланса ФРС).

Сложившееся положение усложняет общую ситуацию в экономике США и повышает неопределенность дальнейшего поведения ФРС касательно денежно-кредитной политики. Высокая ставка получила больше шансов просуществовать дольше ожидаемого – значит, и ее пагубное воздействие на экономику США может быть пролонгировано и усилено в результате накопительного эффекта. Текущие процессы могут негативно повлиять и на фондовый рынок.

На протяжении пяти месяцев ФРС прилагала значительные усилия, чтобы уменьшить свой баланс, но всего за две недели она вернулась в начальную точку из-за необходимости спасти банковскую систему. Следовательно, экономика США не имеет возможности полноценно функционировать без денежных вливаний со стороны ФРС. Высокие же про-

²⁵ Global Banking Stocks Hold Steady After \$465 Billion SVB Wipeout. Bloomberg. 14 марта 2023 г. (<https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-03-14/global-financial-stocks-lose-465-billion-on-svb-impact-worry?smd=markets-vp>).

²⁶ В «Сбере» заверили, что российские банки не повторят судьбу американских. Прайм. 14 Марта 2023. (<https://1prime.ru/banks/20230314/840060765.html>).

центные ставки в той или иной степени продолжают способствовать ужесточению условий кредитования, снижать ликвидность и оказывать давление на экономическую активность, найм работников и инфляцию.

Ключевые выводы исследования

Можно предположить, что активность денежно-кредитной политики ФРС США все же начнет снижаться. Тем не менее, темпы инфляции все еще далеки от целевых 2%, и борьба с ней еще не окончена. Скорее всего, Федеральный резерв не планирует снижать ставки вплоть до конца 2023 г., хотя ужесточение условий кредитования будет продолжать влиять на экономику и цены.

Вероятнее всего, последнее повышение было необходимо, чтобы показать, что банковская система страны находится в нормальном состоянии. Однако акции региональных банков все равно начали падать в цене, несмотря на очередное заявление Пауэлла о ее высокой надежности и стабильности.

Интересен тот факт, что Федеральный резервный банк Атланты 24 марта 2023 г. оценил рост ВВП США в первом квартале 2023 г. на уровне 3,2%²⁷. Однако 22 марта члены Совета Федеральной резервной системы и президенты Федерального резервного банка США опубликовали прогноз роста ВВП на 2023 г. на уровне 0,4%²⁸. Такие расхождения свидетельствуют о том, что в последующие три квартала динамика ВВП страны может показать отрицательные значения, которые вряд ли можно расценить как-либо иначе, чем рецессию.

В то же время будет трудно признать наличие рецессии в случае, если уровень безработицы останется рекордно низким, а количество рабочих мест продолжит расти наряду с далеким от целевого уровнем инфляции.

В 2023 г. целый ряд факторов может замедлить глобальный экономический рост. Зависимость Европы от поставок энергоресурсов из России, санкционные войны, проблемы на рынке недвижимости в Китае и украинский кризис препятствуют восстановлению мировой экономики.

Однако на США эти проблемы влияют в меньшей степени, чем на многие другие страны. Международная торговля составляет небольшую долю их экономики, большая же ее часть приходится на торговые отношения в пределах Северной Америки: с Канадой и Мексикой. Кроме того, энергетическая и продовольственная отрасли выигрывают от повышения цен на сырьевые товары.

За последние 50 лет рецессия в экономике США наступала каждый раз, когда годовые темпы инфляции превышали 5%. Соответственно, можно ожидать, что американская экономика движется в направлении «мягкой» рецессии [Ушаков 2023].

Таким образом, возможность рецессии в США во втором полугодии 2023 г. в основном зависит от политики Федеральной резервной системы, так как американская экономика в целом отличается сравнительной стабильностью и мало подвержена внешним шокам. Наиболее вероятно, что ФРС прекратит монетарные ужесточения на фоне банковского кризиса и зафиксирует ставку на грани рецессии, но не перейдет ее. Такая политика позволит обеспечить постепенное охлаждение экономики и обуздание инфляции: «рецессию роста».

²⁷ The GDPNow.FederalReserveBankofAtlanta. (<https://www.atlantafed.org/cqer/research/gdpnow#:~:text=Latest%20estimate%3A%203.2%20percent%20E2%80%94%20March,from%20March%2016%20after%20rounding.>)

²⁸ Federal Open Market Committee March 22, 2023: FOMC Projections materials, accessible version. Federal Reserve Board. March 22, 2023. (<https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/fomcprojtabl20230322.htm>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ушаков В.А. (2023) Тенденции и перспективы социально-экономического развития США // Проблемы национальной стратегии. № 1. С. 84–119. DOI: 10.52311/2079-3359_2023_1_84
- Ushakov V.A. (2023) Tendentsii i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya SSHA [Trends and Prospects of Socio-economic Development in the USA]. *Problemy natsional'noy strategii*. no. 1, pp. 84–119. DOI 10.52311/2079-3359_2023_1_84 (In Russ.)
- Burns A., Mitchell W. (1946) *Measuring Business Cycles*. New York.: National Bureau of Economic Research. 560 p.
- Estrella A., Mishkin F.S. (1996) The Yield Curve as a Predictor of U.S. Recessions // *Current Issues in Economics and Finance*. Vol. 2. No. 7.
- Fischer S., Dornbusch R., Schmalensee R. (1988) *Economics*. New York: McGraw-Hill Education. 813 p.
- Rothbard M.N. (1969) *Depressions: Their Causes and Cure*. Lansing: Constitutional Alliance.

Информация об авторах

Шепель Татьяна Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и международных отношений Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Адрес: 344002, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69. E-mail: shepel.rsue@gmail.com

Горбокoнь Борис Вадимович, студент 4 курса кафедры мировой экономики и международных отношений Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Адрес: 344002, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69. E-mail: bargorbokon@gmail.com

About the authors

Tatiana S. Shepel, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of World Economy and International Relations, Rostov State University of Economics (RINH). Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 69. E-mail: shepel.rsue@gmail.com

Boris V. Gorbokon, Bachelor Student, Department of World Economy and International Relations, Rostov State University of Economics (RINH). Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 69. E-mail: bargorbokon@gmail.com

Статья поступила в редакцию/ Received: 30.03.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 10.06.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 25.08.2023

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ POLITICAL PSYCHOLOGY

Оригинальная статья/ Original article

Амбивалентные эффекты общественного участия в пространстве цифровых коммуникаций: дискурсивное поле современных исследований¹

© Р.В. ПАРМА

Парма Роман Васильевич, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), rvparma@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3413-4264

Представлены результаты анализа дискурсивного поля современных научных исследований, посвященных эффектам общественного участия в пространстве цифровых коммуникаций. Процесс усиленной цифровизации гражданского активизма рассмотрен с позиций кибероптимистов и киберпессимистов. Выделены ключевые составляющие формируемых исследователями контекстов. Определены особенности репрезентации и соотношения подобных позиций в академической среде. Отрицательные эффекты цифрового активизма выражаются в увеличении общественной разобщенности и пассивности граждан, кризисе демократических институтов и политического участия. Положительные эффекты во многом противоположны и более обширны. Цифровой активизм создает киберпространство действий, развивая гражданские практики и ценности, а также расширяя прежние формы взаимодействия граждан. Связующие действия в социальных медиа снижают транзакционные издержки при организации гражданских действий. Пользователи социальных медиа, которые активно участвуют в общественных действиях онлайн, более склонны к офлайн-участию, что представляет собой конверсию гражданской активности из виртуальной среды в реальную. Цифровой активизм открывает широкие возможности для инновационных действий на основе социальных сетей, которые позволяют с меньшими усилиями сильнее влиять на общественные изменения. Поляризация научного сообщества, фрагментация дискурсивного поля в вопросах влияния цифровых коммуникаций на гражданский активизм, а также преобладание субъективных и идеологизированных подходов в исследованиях формируют новые задачи для общественных наук на современном этапе развития.

¹ Финансирование. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Funding. The article was prepared based on the results of research carried out with the support of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Ключевые слова: цифровой активизм, гражданская активность, политическое участие, политическая мобилизация, цифровые коммуникации, социальные сети, социальные медиа

Цитирование: Парма Р.В. (2023) Амбивалентные эффекты общественного участия в пространстве цифровых коммуникаций: дискурсивное поле современных исследований // Общественные науки и современность. № 4. С. 96–108. DOI: 10.31857/S0869049923040044, EDN: OZHEGU.

Ambivalent Effects of Public Participation in the Space of Digital Communications: The Discursive Field of Contemporary Studies

© R. PARMA

Roman V. Parma, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), rvparma@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3413-4264

Abstract. The results of the analysis of the discursive field of contemporary scientific studies on the effects of public participation in digital communication spaces are presented. The process of increased digitalization of civic activism studied from the perspective of cyberoptimists and cyberpessimists. The key components of the contexts formed by researchers, defining the features of representation and correlation of such positions in the academic environment are highlighted. The negative effects of digital activism are seen in the increase of social disunity and citizen passivity, the crisis of democratic institutions and political participation. The positive effects are in many ways the opposite of negative and more extensive. Digital activism creates a cyberspace of action that facilitates the development of civic practices and values, as well as extends previous forms of civic interaction. The networking of actions in social media reduces the transaction costs of organizing civic action. Social media users who actively participate in online public actions have stronger intentions to offline participation, thus ensuring the transfer of civic engagement from the virtual to the real environment. Digital activism offers great opportunities for innovative actions based on social networks, which allow a greater impact on social change with less effort. The polarization of the scientific community, the fragmentation of the discursive field on the influence of digital communications on civic activism, and the predominance of subjective and ideologized approaches in the research outlined in the paper, constitute new challenges for social sciences at the current stage of development.

Keywords: digital activism, civic engagement, political participation, political mobilization, digital communications, social networks, social media

Citation: Parma R. (2023) Ambivalent Effects of Public Participation in the Space of Digital Communications: The Discursive Field of Contemporary Studies. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 4, pp. 96–108. DOI: 10.31857/S0869049923040044, EDN: OZHEGU.

Введение

Современные исследования трактуют гражданский активизм в широком смысле как действия людей, направленные на общественные изменения. Он представляет собой деятельность граждан, которые самостоятельно организуются для разрешения общественных проблем, продвигают инициативы, оказывают прямое или опосредованное влияние на решения власти. Гражданский активизм, выраженный в индивидуальных и коллективных

общественно значимых действиях, рассматривают одновременно в политологическом, социологическом, психологическом и коммуникативном аспектах [Klandermans 2002].

В свою очередь, цифровой активизм определен как гражданская активность с целью продвижения общественных задач, посредством использования цифровых технологий коммуникации [Bennett, Segerberg 2012]. Цифровые коммуникации – прежде всего, социальные медиа – радикально изменили контекст и процессы, связанные с коллективными действиями. Интегрированное использование платформ социальных медиа и мобильных приложений привело к появлению «киберактивизма 2.0» [Sandoval-Almazan, Gil-Garcia 2014]. В современности цифровые коммуникации стали технологической основой для новых социальных и политических движений [Lewis et al. 2014]. Цифровой активизм проявляется в различных формах гражданского участия в виртуальном пространстве, которое также используют для мобилизации масс и координации политических действий.

Исследователи рассматривают проблему влияния цифрового активизма на гражданскую активность с тех времен, когда Интернет начал становиться массовой технологией цифровой коммуникации. Они задаются следующими вопросами: общественная активность пользователей цифровых коммуникаций способствует пассивности или активности граждан в реальном мире? Как цифровой активизм влияет на гражданское участие офлайн? Какова взаимосвязь между активностью онлайн и офлайн? Данные вопросы становились предметом дискуссий целого ряда ученых [Hardy, Scheufele 2005]. Некоторые из них считают появление цифрового пространства – в частности Интернета – причиной упадка общественной активности. Другие называют развитие веб-индустрии новой вехой в развитии гражданского общества.

В дискуссии о цифровом активизме выделяются две крайние позиции: техноутопистов, которые считают Интернет и социальные медиа инструментами демократизации и вовлечения в гражданское участие, и технопессимистов, рассматривающих цифровые коммуникации в лучшем случае как развлечение, а в худшем – как инструмент контроля и репрессий со стороны государства и корпораций [Gerbaudo 2012]. Первые выделяют скорее позитивные эффекты влияния, а вторые концентрируются на издержках «цифрового погружения» общества. Различающиеся выводы исследователей связаны как с динамикой расширения цифровизации общества, так и с концептуальными основаниями их позиций. Комплексный анализ аргументов каждой из этих сторон позволяет охарактеризовать общий научный дискурс и найти оптимальное решение проблемы цифровой трансформации в сфере гражданской активности [Habermas 2018].

Эмпирические исследования говорят о том, что во многих развитых странах граждане, «погруженные» в цифровую среду коммуникаций, неоднозначно относятся к воздействию данных средств на общество. По опросу американских социологов из Pew Research Center, в 19 странах с развитой экономикой большая часть населения (57%) считает, что социальные медиа полезны для общественного развития. Однако в некоторых государствах наблюдается значительный разброс оценок. Так, в Сингапуре мнение о положительном влиянии социальных медиа на общество разделяет абсолютное большинство опрошенных, в то время как в США подобную позицию поддерживает только около трети респондентов. Доступ к Интернету и социальным сетям увеличил информированность граждан о происходящих в их странах событиях, оказался эффективным способом привлечь внимание к общественным проблемам, способствовал повышению общей осведомленности. Однако широкое приобщение граждан к цифровым коммуникациям привело, как считает большинство участников опросов, к массовому распространению дезинформации, ложных сведений и слухов. Социальные медиа усилили политическую поляризацию, усугубили социальную напряженность, сделав общество более расколотым в предпочтениях и цен-

ностях. По социологическим данным, расхождение политических взглядов из-за деструктивного влияния социальных медиа на общество замечает абсолютное большинство граждан США (79%), Нидерландов (78%), Южной Кореи (77%), Канады (74%), Австралии (71%), Венгрии (67%), Испании (66%) и Великобритании (66%). Несколько меньше показатель в Германии (65%), Швеции (65%), Греции (64%), Италии (61%), Бельгии (57%), Израиле (57%), Франции (52%), Сингапуре (51%), Польше (50%), Японии (47%) и Малайзии (43%)². Приведенные данные показывают, что попытки научного осмысления противоречивых эффектов цифровой трансформации общества отражают изменения в социальном сознании и политическом поведении граждан. Представления о «полезном и вредном» влиянии цифровых коммуникаций корреспондируют между собой в научном сообществе и общественном мнении.

Дизайн исследования

Основой исследования выступает теория критического дискурс-анализа, с помощью которой определяют не только преобладающие контексты, но и особенности выстраиваемого дискурсивного поля. Он учитывает отдельные характеристики социальной реальности, цели и установки адресантов, а также динамические изменения в структуре и содержании дискурсивных практик [Ван Дейк 2013].

Источниковую базу работы составили эмпирические научные исследования в сфере политологии, социологии и коммуникативистики, опубликованные в период с 2009 по 2022 г. Хронологические рамки исследования обусловлены факторами, связанными с развитием цифровых коммуникаций, общественной сетевизацией, проникновением цифровых технологий в политическую сферу, появлением и стремительным развитием феномена цифрового активизма. Ключевым параметром проведенного дискурсивного анализа выступает характеристика эффектов цифрового активизма в социальной и политической плоскости. При отборе работ также учитывался обязательный критерий – наличие авторской позиции о влиянии цифровизации на общественное участие по результатам проведенных исследований. В то же время цель настоящей работы не сводится исключительно к выявлению позитивных и негативных эффектов цифрового активизма в исследованиях различных авторов. Она заключается в том, чтобы определить дискурсивное поле современных научных исследований по референтной тематике, в том числе конкурирующие и неопределенные позиции, проблему их соотношения в академической среде и влияния на актуальные общественно-политические практики.

Негативные эффекты

В начале распространения Интернета исследователи предполагали, что цифровые технологии коммуникации снижают интенсивность коллективных действий. Граждане становятся более социально изолированными и физически отделенными друг от друга, следовательно, меньше взаимодействуют между собой. По итогам эмпирических исследований был сделан вывод, что расширение охвата Интернета и увеличение численности активных пользователей привели к разобщенности граждан, их погружению в виртуальную среду без оглядки на общественные проблемы. Данные процессы нередко связывают

² Silver L., Clancy L. In advanced and emerging economies, similar views on how social media affects democracy and society. Pew Research Center. 6 December 2022. (<https://www.pewresearch.org/fact-tank/2022/12/06/in-advanced-and-emerging-economies-similar-views-on-how-social-media-affects-democracy-and-society/>).

с феноменом «увядания демократии» (fading democracy) [Putnam 2000]. Таким образом, специалисты ассоциировали глобальное распространение Интернета с общим упадком гражданской активности и снижением внимания населения к устоявшимся формам выражения политических взглядов, включая голосование на выборах. По мнению некоторых исследователей, данные процессы привели к размыванию рядов массовых политических партий и социальных движений в странах Запада [Norris 2002].

Со временем социальные медиа, построенные на сетевых принципах формирования сообществ, стали популярными средствами коммуникации и организации действий. Однако многие исследователи считают их способность создавать изменения ограниченными по сравнению с офлайн-инструментами. Интернет благоприятствует действиям низкого уровня, для совершения которых требуется приложение минимума усилий. Иллюстрацией данной позиции можно считать так называемый «кликтивизм»: совместные цифровые действия, выражаемые через «лайки» и распространение контента в социальных сетях, что незначительно влияет на реальный мир. По мнению киберпессимистов, «кликтивизм» создает ложное чувство изменения и подрывает эффекты от реальных действий [Shirky 2011].

Исследователи развития взаимосвязи новых цифровых коммуникаций и гражданской активности пытались проверить прямо или косвенно гипотезу о том, что увеличение интенсивности использования Интернета и социальных медиа снижает гражданскую активность [Morozov 2014]. Было определено, что при использовании социальных сетей люди формируют «пузыри фильтров», отдельные изолированные сообщества. Социальные медиа позволяют человеку создавать вокруг себя однородные сети, в которых сокращается вероятность распространения новых и сложных идей, что в итоге негативно сказывается на результативности общественного участия [Colleoni et al. 2014]. Современные исследования цифровых коммуникаций с использованием чат-ботов и технологий искусственного интеллекта показывают, что политическая поляризация пользователей социальных медиа происходит за счет плотных и гомогенных сетевых структур. Они действуют однонаправленно и способны спонтанно исключить любую непредпочтительную информацию вне зависимости от ее источника и масштаба распространения [Yong et al. 2019].

Кроме того, цифровые платформы оказались переоцененным инструментом мобилизации граждан. Социальные медиа позволили массам людей выразить свое недовольство существующим положением, но не смогли преобразовать интерес пользователей в гражданское участие для «глубокой и устойчивой приверженности работе» [Land 2009]. Многие исследователи поддерживают вывод о том, что быстро растущая поддержка и распространение протестных настроений, обеспечиваемые Интернетом, сопровождаются еще более стремительным снижением обязательств в гражданских действиях [van Laer 2010].

Между тем отдельные исследователи отмечают, что теории и концепции, которые связывают разные уровни анализа с метафорическим использованием сетевых терминов, усложняют понимание утверждения о том, что сети цифровых коммуникаций помогают людям самоорганизоваться в отсутствие формальных объединений. По их мнению, развитие современных цифровых технологий не оказало существенного влияния на механизмы, которые отвечают за организацию коллективных действий и распространение информации. Социальные сети реагируют на общественный контекст, который обуславливает успех или провал гражданских действий независимо от динамики общения. Массовая координация, в свою очередь, зависит от эффективного распространения информации [González-Bailón, Wang 2016]. В подобных обстоятельствах цифровые платформы могут воздействовать на масштаб и направленность гражданского участия, в том числе напрямую влияя на установки и ориентации пользователей. Опыт избирательных кампа-

ний в развитых странах в последнее десятилетие демонстрирует, что возможности воздействия цифровых сервисов на электоральные установки граждан расширяются. Возникают новые способы ограничения политической субъектности избирателей – в том числе за счет алгоритмов и персонализированных рекомендаций в поисковых системах и социальных сетях [Бродовская и др. 2022].

Одно из наиболее заметных направлений критики влияния цифровых коммуникаций на общественное участие основано на том, что цифровая среда способна выступать точкой доступа к неограниченному объему приватной информации. Последней можно управлять и конвертировать ее в экономические или политические выгоды. В частности, на этом положении основана концепция «надзорного капитализма», согласно которой в мире формируется новый экономический порядок с опорой на технологии всеобщего общественного контроля [Зубофф 2022]. Сторонники данной теории считают мировых технологических и цифровых гигантов администраторами больших массивов цифровых данных, которые представляют собой новый тип капитала в постиндустриальную эпоху. Концепция была политически осмыслена через идеи «информационного тоталитаризма», которые фиксируют глубинные изменения в процессах политического управления, начавшиеся с появлением мобильного Интернета, социальных сетей и облачных платформ [Мамычев 2022]. Свообразным общественным ответом на данные тенденции стали идеи «цифрового детокса» и «выключения» из системы регулярного цифрового взаимодействия в эпоху постцифрового капитализма [Fast 2021].

Позитивные эффекты

По мере расширения влияния цифровых коммуникаций ее положительные эффекты становились все более очевидными для многих ученых. Современные исследования показывают, что, вопреки ранним концепциям, цифровые коммуникации усилили свое политическое значение, способствуя развитию гражданских практик и ценностей [Boulianne 2009]. Посредством различных подходов в рамках цифрового активизма изучают, как социальные медиа меняют действия людей, структуру политической организации, формы лидерства и участия.

Социальные медиа стали неотъемлемой частью повседневной жизни большинства населения, сформировав альтернативное киберпространство. Цифровые коммуникации дополняют существующие формы взаимодействия граждан, а также становятся средством для создания новых видов гражданского участия. По мнению кибероптимистов, социальные медиа противодействуют пространственному рассеянию современных обществ, таким образом укрепляя чувство социальной солидарности, сосредоточенного вокруг «окупированных площадей», – реального пространства коллективного действия отдельных социальных групп. Они превращаются в места привлечения массовой аудитории, где на нее оказывают сильное психологическое воздействие. Как отмечает американский интернет-активист Э. Цукерман, цифровые сети формируются по тем же законам, что и реальные, а значит, они основаны на гомофилии – стремлении людей объединяться с себе подобными [Цукерман 2015].

Кибероптимисты утверждают, что цифровые коммуникации, обеспечивая новые формы гражданской активности, способствуют возрождению политического участия и институтов демократии [Dalton 2015]. Социальные медиа только создают иллюзию горизонтальных и лишенных руководства сетей. Онлайн-активизм предлагает новые формы неформального лидерства, основанного на личной харизме и технических навыках. Социальные медиа позволяют лидерам и их последователям быть непосредственно связан-

ными между собой и влиять друг на друга. После ряда «цветных революций», событий «Арабской весны» и масштабных акций протеста исследователи пришли к выводу о том, что информационные технологии способны укрепить социальные движения и в итоге значительно преобразовать общество [Castells 2015]. За прошедшее с массовых акций на Ближнем Востоке десятилетие волна «цифрового протеста» накрыла не менее двух десятков государств. Многие гражданские инициативы и проекты приобрели транснациональный характер: они распространяются без привязки к конкретным политическим системам, обходя межкультурные и социальные барьеры [Sorice, Dumitrica 2022].

Исследования об использовании медиа в политической сфере показали, что цифровые платформы дополняют традиционные медиа при стимулировании политической дискуссии по всем каналам коммуникации. Даже низкая активность в социальных сетях повышает уровень участия – например, волонтерство или добровольчество – которое активизируется, когда многие участники социальной сети также вовлечены в гражданские действия [Vitak et al. 2011]. Такие способы формирования сообществ образуют инновационный арсенал коммуникативных технологий влияния социальных медиа, в которых задействованы возможности напоминаний, повторений и подтверждений [Nam 2011]. Кроме того, продвижение сообщений и информации способствуют более глубокой и эффективной организации совместных действий, а также выстраиванию многоуровневых социальных организаций [Anduiza et al. 2014].

Цифровой активизм позволяет гражданам продвигать общественные интересы и вырабатывать навыки совместной деятельности. Объединение граждан ради общих интересов или убеждений с помощью цифровых коммуникаций превратилось в «связующие действия» [Bennett, Segerberg 2013]. Они демонстрируют возможности цифровых коммуникаций менять ландшафт социального взаимодействия. Связующие действия сокращают транзакционные издержки при расширении контактов, совместном производстве и распространении контента. В результате не только снижается «стоимость» входа для участников, но также появляется возможность без особых усилий и затрат передавать сообщения большому количеству людей [Bimber et al. 2012]. Подобный тип общественных действий схож с коллективными действиями в том, что они объединяют людей. Тем не менее, первые отличаются целенаправленным использованием цифровых коммуникаций для общения и организации – прежде всего, социальных сетей [Vaast et al. 2017]. Связующие действия также проявляются в персонализированном общении внутри сообщества. Они особо эффективны при доставке сообщений целевой аудитории. С появлением технологий таргетирования и фрейминга стала возможна персонализация действий в цифровой среде [Young 2018, Hutchinson 2021]. Так, объединяющие действия стали ключевым компонентом в понимании способов организации цифрового активизма.

В дискурсивном поле кибероптимистов социальные сети представляют как инструмент эффективного вовлечения и взаимодействия граждан по общественно значимым вопросам. Социальные медиа позволяют пользователям обмениваться информацией, рассказывать о проблемах общества и узнавать о возможностях участия в гражданских мероприятиях. При обмене контентом между пользователями общественно значимая информация охватывает более широкую аудиторию.

Также размер социальных сетей связан с интенсивностью распространений публикаций. Частые онлайн-взаимодействия увеличивают объем используемой информации. Обсуждая общественные проблемы и обмениваясь информацией, граждане укрепляют свою привязанность к сообществу. В результате внимание в социальных сетях к актуальным вопросам, затрагивающим и беспокоящим многих, приводит к повышению гражданской активности [Gilde Zúñiga et al. 2012].

Онлайн-активизм напрямую связан с намерениями участвовать в общественной жизни в реальном мире. Пользователи социальных медиа, которые проявляют гражданскую активность в пространстве цифровых коммуникаций, как правило, более склонны участвовать в политических мероприятиях офлайн [Jugert et al. 2013]. Исследования поведения пользователей цифровых коммуникаций показывают, что люди, которые подписывают онлайн-петицию, чаще жертвуют средства инициатирующей организации, демонстрируя эффект согласованности [Lee, Hsieh 2013]. Граждане также могут исполнить свои намерения в реальности, как только возникнут возможность и необходимость [Milosevic-Dordevic, Zvezelj 2017].

Также на использование соцсетей в рамках общественной активности положительно влияют групповые стимулы, которые мотивируют граждан участвовать в совместных действиях. Современные социальные медиа формируют ландшафт гражданской активности и укрепляют общественное доверие [Warren et al. 2014]. Формы гражданской активности в реальном и виртуальном мирах тесно взаимосвязаны: люди, которые занимаются общественной деятельностью онлайн, готовы участвовать в мероприятиях офлайн. Гражданское участие в цифровом пространстве требует меньше затрат времени и денег, что, соответственно, делает его более доступным [Chen 2017].

Исследователи отмечают ряд различий между традиционным и цифровым активизмом. Одно из них заключается в степени приверженности общественному движению. В традиционных коллективных действиях участники следуют идеям, принципам и лидерам общественного движения. В цифровом активизме правила и структуру определяют создатели цифровых платформ и сообществ [Castells 2011]. Цифровой активизм, несмотря на многочисленные онлайн-репродукции офлайн-акций, предоставляет широкие возможности для инновационных действий. Традиционные форматы дополняются и замещаются новыми цифровыми методами, каждый из которых имеет специфические требования, способы использования и результаты. В основе формирования способа действий и организации общественных движений лежит их приверженность определенному набору ценностей [Selander, Jarvenpaa 2016]. Гражданский активизм в реальном мире характеризуется массовостью социальных движений, которая и обеспечивает политическую силу и влияние в обществе. Онлайн-активизм, в свою очередь, основан на цифровых коммуникациях, которые позволяют меньшему количеству участников с меньшими усилиями оказывать большее влияние на общественные изменения. Однако ряд исследователей признает, что различные форматы цифровой активности расширяют возможности для продвижения маргинальных идей. Подобное искажение цифрового активизма создает риски для устойчивости политической системы [Schrader 2018].

Отдельно в рамках изучения консолидации общественных действий рассматривают использование цифровых инструментов для совместного управления и формирования конструктивных моделей территориальных объединений, локальных сообществ, городской самоорганизации, которые трансформируют местное управление [Ricker et al. 2020; Silva, Maia 2022]. Эффекты цифровой коммуникации и сетевизации определили новое направление в исследованиях «умных городов», которое рассматривает вовлечение граждан в совместное решение общественных задач и вопросов посредством общедоступных онлайн-платформ. В общем виде подобные научные воззрения соответствуют концепциям «электронного участия» и «делиберативной демократии», которые описывают проникновение цифровых коммуникаций в сферу гражданского активизма на низовом уровне [Batoool et al. 2021].

Заключение

Представленный анализ дискурсивного поля современных исследований демонстрирует значительную фрагментацию и поляризацию академической среды. Они вызваны значительной субъективизацией и идеологизацией тематических научных изысканий. В науке существует целый ряд дискуссионных линий по вопросу влияния цифровой коммуникации на гражданский активизм. Единая позиция отсутствует. Противоборство технооптимистов, которые указывают на положительные эффекты гражданской активности, и технопессимистов, акцентирующих внимание на негативных проявлениях данных процессов, стимулирует широкую академическую дискуссию и формирует новые направления прикладных исследований.

На основе проведенного анализа можно утверждать, что в глобальном академическом дискурсе в настоящее время доминирует позиция технооптимистов. Они воспринимают развитие цифровых коммуникаций в социально-политической сфере как инструмент расширения гражданских возможностей, технологического развития и активизации массовых пользователей. Динамика цифровой эпохи и новые технологические достижения неизбежно влияют на социально-политические процессы, трансформируют устоявшиеся гражданские практики и формируют соответствующую рефлексию среди современных исследователей и аналитиков. Преобладание технооптимистов во втором десятилетии XXI в. продиктовано явными позитивными сдвигами и практическими результатами внедрения цифровых платформ и сервисов в сферу гражданской активности.

Противоречивые эффекты цифрового активизма во многом можно объяснить различной степенью вовлеченности граждан в общественную деятельность. Характер гражданского активизма зависит от множества факторов: контекста, социального самочувствия, сформированного мировоззрения, ценностных установок, жизненного целеполагания граждан, потребностей в самовыражении и самореализации и др. [Седова 2014]. Модель распределения уровней активности в цифровой среде строится на основе способов действий офлайн, исходя из усилий и ресурсов участников [George, Leidner 2019].

По мнению ряда исследователей, в целом негативные эффекты расширения цифрового активизма приводят к упадку общественного участия. Интенсивность использования Интернета и социальных медиа способствует сокращению коллективных действий. Погружение в цифровую среду приводит к социальной изоляции и физическому отдалению граждан. Цифровые коммуникации способствуют «слактивизму»³, праздному времяпровождению и развлечениям пользователей. «Кликтивизм» создает лишь иллюзию изменений, подрывая намерение участвовать в реальных действиях. Он снижает уровень участия в традиционных формах активизма, размывая массовые политические партии и социальные движения. Социальные медиа формируют замкнутые сообщества с жесткой структурой и своей системой ценностей, препятствуя свободному распространению информации. «Слабые связи» в социальных медиа обеспечивают быстрое распространение протестных настроений, в то же время способствуя снижению намерений участвовать в реальных действиях. Кроме того, цифровые коммуникации могут ограничивать общественную активность, став инструментом контроля корпораций и государства над поведением граждан согласно концепции «надзорного капитализма».

³ Слактивизм (англ. slacktivism) – практика поддержки политических или социальных проектов с помощью социальных сетей, интернет-петиций и иных цифровых средств, которая характеризуется как не требующая больших усилий и обязательств. Разновидность подобной активности в целях организации протестных акций обычно называется «кликтивизмом» (англ. clicktivism).

Вне зависимости от выбранного ракурса рассмотрения современных процессов гражданской активности развитие цифровых коммуникаций становится причиной серьезной трансформации политических институтов. Данный процесс также меняет устоявшиеся традиции взаимодействия по линии «власть – общество» как в рамках традиционных институтов (например, политических партий), так и в совершенно новых виртуальных гражданских организациях и платформах, существующих исключительно внутри цифрового комьюнити [Husted et al. 2022; Бродовская, Ахременко 2021]. Однако появление новых акторов, способов и форм организации общественных движений не приводит к позитивным социальным сдвигам при изменении существующего порядка [Schradiе 2018].

Цифровой активизм создает как возможности для информирования и консолидации общества, так и опасность для устойчивого общественного развития. В современном мире форматы гражданской активности смешиваются из-за размывания границ между онлайн- и офлайн-пространством. Актуальной тенденцией развития гражданского активизма стало взаимопроникновение различных технологий активности и одновременное использование инструментов реальной и виртуальной среды. Формирование интегрированных форм «гибридного активизма» и постепенное сращивание онлайн- и офлайн-сред общественного участия, появление единого пространства коллективных действий ставит перед общественными науками новые задачи, связанные с достижением консенсусных позиций, деполитизацией научного дискурса и выработкой современных подходов, методов и инструментов исследования гражданской активности в новых технологических реалиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ахременко А.С., Бродовская Е.В. (2021) Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 4–27. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111

Akhremenko A.S., Brodovskaya E.V. (2021) Vlijanie novykh informacionno-kommunikacionnykh tehnologij na grazhdanskij i politicheskij aktivizm: «linii naprjazhenija» diskussionnogo polja [The Impact of New Information and Communication Technologies on Civic and Political Activism: «Stress Lines» of the Discussion Field]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. no. 6, pp. 4–27. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111 (In Russ.)

Бродовская Е.В., Парма Р.В., Лукушин В.А., Давыдова М.А. (2022) Практика манипулятивного эффекта поисковых систем в ходе избирательной кампании 2021 г. в России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. № 4. С. 73–86.

Brodovskaya E.V., Parma R.V., Lukushin V.A., Davydova M.A. (2022) Praktika manipuljativnogo jefekta poiskovyh sistem v hode izbiratel'noj kampanii 2021 g. v Rossii [The Implementation of the Search Engine Manipulation Effect in the Election Campaign 2021 in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. no. 4, pp. 73–86. (In Russ.)

Ван Дейк Т. (2013) Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «Либроком». 344 с.

Van Dijk T. (2013) *Diskurs i vlast': reprezentacija dominirovanija v jazyke i komunikacii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow: Librocom Book House. (In Russ.)

Зубофф Ш. (2022) Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара. 784 с.

Zuboff Sh. (2022) *Jepoha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushhee na novyh ru-bezhah vlasti* [The Age of Surveillance Capitalism. The Battle for the Human Future on the New Frontiers of Power]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. 784 p. (In Russ.)

Мамычев А.Ю. (2022) «Цифровой Левиафан»: сценарии развития гоббсовского чудовища в XXI веке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 24. № 3. С. 367–392.

Mamychev A.Ju. (2022) «Cifrovoy Leviafan»: scenarii razvitija gobbsovskogo chudovishha v XXI veke [“Digital Leviathan”: Scenarios for the Development of the Hobbesian Monster in the XXI Century]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. vol. 24, no. 3, pp. 367–392. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-367-392 (In Russ.)

Морозов Е. (2014) Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: CORPUS ACT. 528 с.

Morozov E. (2014) *Internet kak illyuziya. Obratnaya storona seti* [Internet as an Illusion. The Other Side of the Network]. Moscow: CORPUS AST. 528 p. (In Russ.)

Седова Н.Н. (2014) Гражданский активизм в современной России // Социологический журнал. № 2. С. 48–71.

Sedova N.N. (2014) *Grazhdanskij aktivizm v sovremennoj Rossii* [Civil Activism in Modern Russia]. *Sociologicheskij zhurnal*. no. 2, pp. 48–71. (In Russ.)

Цукерман Э. (2015) Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху. М.: Ад Маргинем. 336 с.

Zukerman E. (2015) *Novye soedinenija. Cifrovye kosmopolity v kommunikativnuju jepohu* [New Connections. Digital Cosmopolitans in the Communicative Era]. Moscow: Ad Marginem. 336 p. (In Russ.)

Anduiza E., Cristancho C., Sabucedo J. (2014) Mobilization through Online Social Networks: The Political Protest of the Indignados in Spain // *Information, Communication & Society*. Vol. 17. No. 6. Pp. 750–764.

Batool S., Gill S.A., Javaid S., Khan A.J. (2021) Good Governance via E-Governance: Moving towards Digitalization for a Digital Economy // *Review of Applied Management and Social Sciences*. No. 4. Pp. 823–836.

Bennett W., Segerberg A. (2012) The Logic of Connective Action – Digital Media and the Personalization of Contentious Politics // *Information, Communication & Society*. Vol. 15. No. 5. Pp. 739–768.

Bennett W., Segerberg A. (2013) *The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics*. New York: Cambridge University Press. 256 p.

Bimber B., Flanagin A., Stohl C. (2012) *Collective Action in Organizations: Interaction and Engagement in an Era of Technological Change*. Cambridge: Cambridge University Press. 224 p.

Boulianne S. (2009) Does Internet Use Affect Engagement? A Meta-Analysis of Research // *Political Communication*. Vol. 26. Pp. 193–211.

Castells M. (2011) *Network Theory of Power* // *International Journal of Communication*. No. 5. Pp. 773–787.

Castells M. (2015) *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity Press. 328 p.

Chen J. (2017) Can Online Social Networks Foster Young Adults' Civic Engagement? // *Telematics and Informatics*. Vol. 34. No. 5. Pp. 487–497.

Colleoni E., Rozza A., Arvidsson A. (2014) Echo Chamber or Public Sphere? Predicting Political Orientation and Measuring Political Homophily in Twitter Using Big Data // *Journal of Communication*. Vol. 64. Pp. 317–332.

Dalton R. (2015) *The Good Citizen: How a Younger Generation Is Reshaping American Politics*. Washington, D.C.: CQ Press. 240 p.

Fast K. (2021) The Disconnection Turn: Three Facets of Disconnective Work in Post-Digital Capitalism // *Convergence*. Vol. 27. No. 6. Pp. 1615–1630.

- George J.J., Leidner D.E. (2019) From Clicktivism to Hacktivism: Understanding Digital Activism // *Information and Organization*. Vol. 29. No. 3.
- Gerbaudo P. (2012) *Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism*. London: Pluto Press. 216 p.
- Gil de Zúñiga H., Jung N., Valenzuela S. (2012) Social Media Use for News and Individuals' Social Capital, Civic Engagement and Political Participation // *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 17. No. 3. Pp. 319–336.
- González-Bailón S., Wang N. (2016) Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media // *Social Networks*. Vol. 44. Pp. 95–104.
- Habermas J. (2018) *Philosophical Introductions: Five Approaches to Communicative Reason*. Cambridge: Polity Press. 200 p.
- Hardy B., Scheufele D. (2005) Examining Differential Gains from Internet Use: Comparing the Moderating Role of Talk and Online Interactions // *Journal of Communication*. Vol. 55. No. 1. Pp. 71–84.
- Hutchinson J. (2021) Micro-Platformization for Digital Activism on Social Media // *Information Communication and Society*. Vol. 24. No. 1. Pp. 35–51.
- Husted E., Moufahim M., Fredriksson M. (2022) Political Parties and Organization Studies: The Party as a Critical Case of Organizing // *Organization Studies*. Vol. 43. No. 8. Pp. 1327–1341.
- Jugert P., Eckstein K., Noack P., Kuhn A., Benbow A. (2013) Offline and Online Civic Engagement among Adolescents and Young Adults from Three Ethnic Groups // *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 42. No. 1. Pp. 123–135.
- Klandermans B. (2002) The Demand and Supply of Participation: Social Psychological Correlates of Participation in Social Movements // *Psicologia Política*. No. 3. Pp. 83–114.
- Land M. (2009) Networked Activism // *Harvard Human Rights Journal*. Vol. 22. Pp. 205–243.
- Lee Y.H., Hsieh G. (2013) Does Slacktivism Hurt Activism? The Effects of Moral Balancing and Consistency in Online Activism // In: *Conference on Human Factors in Computing Systems Proceedings*. Pp. 811–820.
- Lewis K., Gray K., Meierhenrich J. (2014) The Structure of Online Activism // *Sociological Science*. No. 1. Pp. 1–9.
- Milosevic-Dordevic J.S., Zezelj I.L. (2017) Civic Activism Online: Making Young People Dormant or More Active in Real Life? // *Computers in Human Behavior*. Vol. 70. Pp. 113–118.
- Nam T. (2011) Internet Effects on Political Participation: An Empirical Study on the Reinforcement Vs. Mobilization Effect // *Government Information Quarterly*. No. 29. Pp. 90–97.
- Norris P. (2002) *Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism*. Cambridge: Cambridge University Press. 306 p.
- Putnam R. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster. 541 p.
- Ricker B., Cinnamon J., Dierwechter Y. (2020) When Open Data and Data Activism Meet: An Analysis of Civic Participation in Cape Town, South Africa // *The Canadian Geographer*. Vol. 64. Pp. 359–373.
- Sandoval-Almazan R., Gil-Garcia R. (2014) Towards Cyberactivism 2.0? Understanding the Use of Social Media and Other Information Technologies for Political Activism and Social Movements // *Government Information Quarterly*. Vol. 31. No. 3. Pp. 365–378.
- Schradie J. (2018) The Digital Activism Gap: How Class and Costs Shape Online Collective Action // *Social Problems*. No. 1. Pp. 51–74.
- Selander L., Jarvenpaa S.L. (2016) Digital Action Repertoires and Transforming a Social Movement Organization // *MIS Quarterly*. Vol. 40. No. 2. Pp. 331–352.
- Shirky C. (2011) The Political Power of Social Media: Technology, the Public Sphere, and Political Change // *Foreign Affairs*. No. 90. Pp. 28–41.
- Silva D., Maia J. (2022) Digital Rockets: Resisting Necropolitics through Defiant Language and Activism // *Discourse, Context and Media*. Vol. 49.

Sorce G., Dumitrica D. (2022) Transnational Dimensions in Digital Activism and Protest // Review of Communication. Vol. 22. No. 3. Pp. 157–174.

Vaast E., Safadi H., Lapointe L., Negoita B. (2017) Social Media Affordances for Connective Action – An Examination of Microblogging Use During the Gulf of Mexico Oil Spill // MIS Quarterly. Vol. 41. No. 4. Pp. 1179–1205.

Van Laer J. (2010) Activists Online and Offline: The Internet as an Information Channel for Protest Demonstrations // Mobilization: An International Quarterly. Vol. 15. Pp. 347–366.

Vitak J., Zube P., Smock A., Carr C., Ellison N., Lampe C. (2011) It's Complicated: Facebook Users' Political Participation in the 2008 Election // Cyberpsychology, Behavior and Social Networking. Vol. 14. No. 3. Pp. 107–114.

Warren A., Ainin S., Noor J. (2014) Social Media Effects on Fostering Online Civic Engagement and Building Citizen Trust and Trust in Institutions // Government Information Quarterly. Vol. 31. No. 2. Pp. 291–301.

Young A. (2018) Using ICT for Social Good: Cultural Identity Restoration through Emancipatory Pedagogy // Information Systems Journal. Vol. 28. Pp. 340–358.

Yong M., Tingjun J., Cheng J., Qu L., Xiaogang J. (2019) Endogenetic Structure of Filter Bubble in Social Networks // Royal Society Open Science. Vol. 6. Issue 11.

Информация об авторе

Парма Роман Васильевич, кандидат политических наук, доцент Департамента политологии, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 125993, Россия, Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49. E-mail: rvparma@mail.ru

About the author

Roman V. Parma, Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Political Science, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Technology and Social Engineering, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 125993, Russia, Moscow, Leningradskiy pr-kt, 49. E-mail: rvparma@mail.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 16.04.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 06.06.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 25.08.2023

Оригинальная статья/ Original article

Русофобия в контексте социальной стигматизации

© А.В. ТУРКУЛЕЦ, С.Е. ТУРКУЛЕЦ

Туркулец Алексей Владимирович, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (Россия, Хабаровск), tual63@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3647-6305

Туркулец Светлана Евгеньевна, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (Россия, Хабаровск), turswet@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-0983-2375

Со стороны коллективного Запада русофобия в современных условиях превращается в главный идеологический вектор в отношении ко всему русскому и к России в целом. Принадлежность к российской культуре и цивилизации в настоящее время становится основанием для последовательной стигматизации, что деструктивно влияет на западное массовое сознание. Проанализирована русофобия как крайняя форма стигматизации. Впервые такой анализ осуществлен в контексте проблем социальной стигматизации. Утверждается, что русофобия представляет собой разновидность фобии, суть которой состоит в том, что ее носитель боится утратить свою собственную идентичность. Кроме того, именно этот страх инициирует стигматизационные процессы, которые обращаются к «культуре отмены» – или, скорее, отмене богатейшей русской культуры. Анализ причин и факторов распространения русофобии позволяет говорить о ее временном характере.

Ключевые слова: стигма, социальная стигматизация, русская культура, русофобия, дискриминация

Цитирование: Туркулец А.В., Туркулец С.Е. (2023) Русофобия в контексте социальной стигматизации // Общественные науки и современность. № 4. С. 109–122. DOI: 10.31857/S0869049923040068, EDN: OZRRF0.

Russophobia in the Context of Social Stigma

© A. TURKULETC, S. TURKULETS

Aleksey E. Turkuletc, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk), tual63@mail.ru.
ORCID: 0000-0002-3647-6305

Svetlana E. Turkulets, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk), turswet@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-0983-2375

Abstract. On the part of the West russophobia in current conditions is becoming the main ideological vector in relation to everything Russian and to Russia as a whole. Affiliation to Russian culture and civilization nowadays serves as basis for consistent stigmatization, which has a destructive effect on Western mass consciousness. Russophobia as an extreme form of stigmatization is analyzed. For the first time, the analysis of Russophobia was carried out in the context of the problems of social stigmatization. It is argued that Russophobia is a kind of phobia, the essence of which is that its bearer is afraid of losing his own identity. In addition, this fear initiates stigmatization processes that turn to “cancel culture” or, rather, the abolition of the rich Russian culture. Analysis of the causes and factors that determine the spread of Russophobia allows to determine its temporary nature.

Keywords: stigma, social stigmatization, Russian culture, Russophobia, discrimination

Citation: Turkuletc A., Turkulets S. (2023) Russophobia in the Context of Social Stigma. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 109–122. DOI: 10.31857/S0869049923040068, EDN: OZRRFO.

Введение

Для России и россиян 2022 год стал «точкой невозврата». С одной стороны, в европейских и североамериканских государствах формируется крайне недружественное отношение – предпринимается попытка всесторонней изоляции России. С другой, все «русское» запрещают и изгоняют в рамках широких международных взаимодействий. Сложившаяся ситуация демонстрирует не только политическую ангажированность значительной части мирового сообщества, но и отсутствие глубоких традиций тесного социокультурного международного сотрудничества, свободного от политико-экономического обоснования.

Данная статья не посвящена оценке военно-политических решений и действий, связанных со СВО России на Украине – это сфера ответственности высшего руководства государства. Задача исследования – выявить социокультурные причины и условия русофобии в контексте социальной стигматизации, а также определить факторы и дальнейшие тенденции ее существования.

Основные подходы к анализу стигматизации

Стигматизация представляет собой особую форму социального взаимодействия, при которой люди «квалифицируют», «трактуют» действия, поступки, поведение других. Теория социальной стигматизации зародилась в первой половине XX в. в ходе развития социологического учения символического интеракционизма. Его основоположник Дж.Г. Мид рассматривал общественную жизнь как серию интеракций – социальных ситуаций и типичных реакций людей на поведение окружающих. Традиционно основаниями

стигматизации («навешивания ярлыков») выступает поведение человека, выходящее за пределы общепринятого («нормального»): алкоголизм, наркомания, проституция, нетрадиционная сексуальная ориентация, психические отклонения и т.п. Кроме того, часто причиной «клеймения» становятся отдельные дефекты внешности: ожирение, признаки инвалидности, увечья и т.п. Нередко последствия стигматизации становятся судьбоносными для индивида: стигма определяет дальнейшую жизненную стратегию личности, ограничивая возможности нормального развития, претворения в жизнь духовного потенциала, успешной коммуникации с другими субъектами. Соответственно, она становится серьезным препятствием для нормальной социализации индивида. Стигма может оказать определяющее влияние на формирование общественного мнения и оценки конкретной личности либо группы лиц. Для того чтобы изменить сложившееся мнение, необходимо трансформировать устоявшееся в массовом сознании негативное отношение.

Первыми проблемой стигматизации заинтересовались представители психологии и психиатрии. В своей работе «Стигма: заметки по управлению испорченной идентичностью» (1963 г.) американский социолог И. Гофман использует это понятие прежде всего применительно к психически больным. В терминологии И. Гофмана социальная стигма – это некий атрибут, который значительно дискредитирует его обладателя в умах окружающих по сравнению с нормальным человеком [Бовина, Бовин 2013]. Исследуя мир стигматизированных психически больных и их жизнь в пределах тотальных институций, автор пытается распутать ткань социальности. Психиатрический дискурс Гофмана с его вниманием к межличностной интеракции и законам социального взаимодействия имеет самостоятельную ценность в рамках критической теории психиатрии и развития антипсихиатрии. В то же время он выступает органичной частью социологического проекта автора. Именно в психиатрических работах Гофмана представлено неразрывное сплетение интереса к социальному взаимодействию и способности проникать в глубины внутреннего мира человека [Власова 2011].

По мере накопления знаний о процессах стигматизации сформировались самостоятельные направления исследования, среди которых следует отметить следующие.

Социально-психологические исследования определяют стигматизацию как фактор, который препятствует развитию способностей, достижению социального статуса и социальной успешности. Она деформирует возможности построения жизненной стратегии личности как на ближайшую, так и на отдаленную перспективу, а также закрепляет и развивает социальное неравенство.

Социально-криминологические и уголовно-правовые исследования стигматизации обращаются к проблемам ее влияния на формирование девиантной личности и повышение уровня преступности – как в реальности, так и в виртуальном пространстве. В настоящее время такие исследования придают особое значение стигматизационным действиям в отношении молодежи, прежде всего в виртуальной среде. Последние нередко приводят к катастрофическим последствиям для стигматизируемого (вплоть до суицида).

Социальная медицина – область медицины, в рамках которой изучается, как социальные факторы влияют на состояние здоровья общества и его отдельных групп, а также разрабатываются научно-обоснованные рекомендации по устранению вредных для здоровья факторов. Стигматизация по отношению к здоровью формирует «бракованные идентичности» (стигмы особенностей развития, медикаментозных зависимостей, орфанных и социально значимых заболеваний). Стигма по отношению к здоровью может негативно влиять на качество медицинской помощи, приводить к отказам от обращения за медицинской помощью, формировать социальные дистанции и критическое отношение носителей стигмы к стигматизирующему обществу. Особую остроту актуальность подобных иссле-

дований приобретает в период массовых эпидемий, как, например, во время пандемии COVID-19.

В социально-философских исследованиях комплексно изучают закономерности проявлений и последствий социальной стигматизации в обществе. Данное направление выявляет ее амбивалентный характер.

При социологических исследованиях стигматизационных процессов в первую очередь обращают внимание на десоциализирующее свойство стигматизации, которое мешает нормальной социализации личности и нарушает механизм ее социальной идентификации [Стигматизация и ее проявления... 2020].

Стигматизация нередко приводит к дискриминации, то есть к реальным действиям, ограничивающим права определенной группы. Например, люди, которые приезжают в столицу из провинции, получают ярлыки «провинциалы» или «понаехавшие». Считается, что они менее культурны, чем местные жители, что можно считать стигматизацией, ведущей к дискриминации. В цивилизованных странах явная стигматизация и связанная с ней дискриминация обычно запрещены законом либо осуждаются в духовной культуре общества, однако практически любое общество насыщено подобными стигмами [Лухальская 2010, 177].

Вместе с тем изучение феномена стигматизации нуждается в междисциплинарном подходе в силу своей многоаспектности. Оно позволяет, во-первых, раскрыть истинные причины формирования данного явления (зачастую скрытые от внимания отдельных направлений исследования); во-вторых, более комплексно и всесторонне описать его; в-третьих, более адекватно объяснить тенденции его развития; в-четвертых, выработать способы противодействия наиболее негативным, деструктивным формам стигматизации.

Природа русофобии

Основная гипотеза исследования состоит в том, что современная русофобия (негативное отношение ко всему русскому) представляет собой крайнюю форму стигматизации и препятствует интеграции россиян в мировое социокультурное пространство. Агрессивные же формы русофобии представляют собой реальную угрозу для России. Более того, на Западе официальная государственная поддержка безудержной русофобии (что в настоящее время стало своеобразной нормой) во многом идет вразрез с подлинными интересами населения этих стран и деструктивно влияет на западное массовое сознание.

Ученые понимают русофобию как негативное отношение к русскому этносу, государственности, истории, культуре и любому другому элементу Русского мира, которое исторически сложилось в странах коллективного Запада. Сегодня ее используют как инструмент западной пропаганды и информационной войны против нашей страны [Журавлева, Зарубина, Ручкин 2020].

Природа русофобии, как и любой другой фобии, коренится в страхе. Следует отметить, что состояние страха не стоит рассматривать как нечто неестественное, излишнее, унижающее или позорящее того, кто его испытывает. Данное чувство вполне нормально – оно возникает у человека при прямом столкновении с любой опасностью. Для того чтобы преодолеть его, человек должен принять волевое решение, совершить определенные сознательные действия, поступки, с помощью которых он постепенно сможет справиться с охватившими его негативными эмоциями. В отличие от страха, фобия представляет собой расстройство специфического характера, которое характеризуется тревожностью, беспокойством и неконтролируемыми негативными переживаниями. Фобические состояния, как правило, провоцируют панику, что усиливает, развивает и закрепляет их протекание. Попытки преодолеть их не приносят позитивного результата.

Русофобия – специфическая экзистенциальная фобия. Ее носитель боится утратить свою собственную идентичность, ужасается собственной никчемности, переживает собственную ничтожность, страшится быть поработленным. Он панически боится за собственную жизнь, его гложет тревога персонального (субъектного) исчезновения. Тем не менее, он никогда никому не признается в этой экзистенциальной драме – даже самому себе. Чтобы преодолеть или минимизировать эти навязчивые неадекватные состояния, носитель осуществляет ментальную транспозицию: «не я плохой (больной), а они (все) плохие (больные); я – велик, они – ничтожны». В русской культуре есть ряд характерных пословиц, образно описывающих такую ситуацию: «валить с больной головы на здоровую»; «на воре и шапка горит»; «гордость пучит, скромность учит»; «не смейся, горох, над бобами: будешь и ты под ногами»; «не гляди высоко, запорошишь око» и пр.

У русофобов русская культура (русская цивилизация) вызывает страх подчинения, подавления, а также боязнь за собственную жизнь (сытую, спокойную, размеренную, комфортную) – которая, как правило, и возможна за счет других людей, стран, государств, народов. Такой страх можно считать боязнью исторической справедливости, страхом возмездия.

С.Г. Кара-Мурза подчеркивает, что русофобия прочно укоренена в европейском сознании и имеет многовековую историю: «Это большая идеологическая концепция, составная часть евроцентризма – лежащей в основе западного мировоззрения доктрины, согласно которой в мире имеется одна цивилизация – Запад (не в географическом, а в культурном смысле)» [Кара-Мурза 2015].

Проявления русофобии в настоящее время чрезвычайно разнообразны: они охватывают, по сути, все сферы общественных отношений, включая бытовой уровень, спорт, культуру, инвестиционную область экономики и пр. Русофобия качественно и количественно распространилась в период формирования и эскалации украинского кризиса [Хмелевский 2017].

Директор швейцарского образовательного центра ISSAL М. Фрайбургхаус отказался взять на работу квалифицированного преподавателя из России из-за того, что женщина – русская. В интервью каналу La Télé он заявил: «Это наш метод, наш единственный способ выступить против политики России на Украине. Речь идет о санкциях, а тот факт, что под удар попадают и ни в чем не виноватые люди, – обычное для санкций дело. Я не пытаюсь никого подвергать дискриминации – кроме политики России. Но, видите ли, поскольку расплачивается именно эта женщина, значит, дискриминации подвергается конкретно она, а не Россия... Понятно, что если я стану отказывать всем кандидатам на вакансию преподавателя из стран, которые ведут несправедливую политику и неправильно реагируют на провокации, вести дела будет сложно. Ведь и США, и Британия, и Франция не всегда ведут абсолютно правильную и справедливую политику. Но я убежден – и подтверждение тому – мое присутствие здесь, – что нужно об этом говорить, нужно как-то реагировать на российскую политику» (цит. по [Хмелевский 2017]).

За последний год проявления русофобии стали массовым явлением. Позитивное отношение ко всему русскому в странах Запада теперь, скорее, стало исключением из правил.

В числе первых «пострадавших» от русофобии стали российские деятели искусств – певица А. Нетребко, дирижер В. Гергиев, пианист Д. Мацуев и др. В первые же дни после начала СВО с ними отказались работать зарубежные концертные площадки и ведущие мировые театры. Следующими стали российские спортсмены, к которым в последние годы международные спортивные организации и так относились предвзято. С февраля 2022 г. их частично перестали допускать к международным соревнованиям. Обязательным условием для их участия выступает отказ от национальной символики (герб, флаг,

гимн). От атлетов требуют публично осудить политику России, выступить с критикой политического руководства своей страны.

Сложно представить, сколько людей с российским гражданством или корнями подверглись разного рода дискриминации в течение последнего года: российских студентов за рубежом исключали из университетов только на том основании, что они являются гражданами России; огромное количество лиц с двойным гражданством после начала спецоперации ограничили в ряде прав (арест банковских счетов, увольнение с работы и т. п.); торговые организации, заведения общепита и бытовых услуг начали отказывать в продаже товаров и предоставлении услуг лицам, говорящим на русском языке или обладающим иными признаками принадлежности к России.

Следует отметить, что наиболее характерный признак фобии (фобически большого сознания) – стремление избегать контактов с объектом фобии. В ситуации, когда это невозможно, носитель фобии стремится вытеснить из сознания предмет страха, исключить его из собственного духовного опыта. Данная особенность проявляется не только на индивидуальном, но и на коллективном, социально-историческом уровне. Такие практики использовали еще на заре человеческой цивилизации. Например, в Древнем Египте новые фараоны в прямом и переносном смысле стирали (скальвали) упоминания о прежних неугодных властителях на всех доступных местах (гробницах, стелах и т. п.). Впрочем, подобные инициативы не заканчивались, встречаясь на протяжении всей последующей человеческой истории в самых различных цивилизациях.

Поскольку подобная стигматизация влияет на формирование дискриминационного отношения к целому народу, стране и ее культуре, можно утверждать, что русофобия выступает крайней формой социальной стигматизации. Соответственно, необходимо выяснить причины повсеместного распространения русофобских настроений.

Детерминанты русофобии

В начале анализа следует установить хронологические рамки формирования тех или иных причинных детерминант. Как известно, чтобы явление приняло свой завершённый вид, необходимо определенное время. Своеобразным «лагом» в этом случае выступает некий временной отрезок (несколько лет, десятилетие, век, столетия, тысяча лет). Та или иная хронологическая единица сама по себе не имеет собственного значения – исследователь использует ее, чтобы указать на «историческую глубину» самого исследуемого феномена. Можно выделить несколько хронологически разнородных детерминант формирования русофобии: архаичные, древние, традиционные, новые, новейшие и современные.

Архаичные детерминанты исходят из глубины веков – процессов глобального переселения многих племен и народов, масштабных цивилизационных трансформаций, перманентного противостояния различных культур и вероисповеданий. Конфликтное противоборство народов на историческом ландшафте Евразии отразилось в народной памяти в виде мифов, легенд, сказок, пословиц. В плавильном тигле культуuroобразования формировались основные архетипы народного самосознания. Необъятный арсенал народной памяти служит основанием для гордости, восхваления, почитания своих богов, героев, лидеров. Данная тенденция понятна – логично считать свой народ, свою страну, свое Отечество достойным примером. Пытаясь изменить свое настоящее в надежде построить лучшее будущее имеет смысл обращаться к «образцовому опыту» прошлых поколений, искать у предков поддержки и одобрения. Однако неверно превращать это благое желание в оправдание любых ошибок и заблуждений, имевших место в истории. «И что ты смотришь на сучок в глазе брата своего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?» (Мф. 7:3).

Преступно использовать неизбежные разногласия, конфликты и противоречия, которые сложились между народами на протяжении истории их сосуществования, как некое основание для отрицания, подавления и истребления «других». Однако именно на этой почве сегодня активно взращивают ненависть ко всему русскому (языку, культуре, истории).

Древние детерминанты русофобии зародились в период становления русского государства, в историческом противостоянии русских княжеств окружающим их племенным, предгосударственным и государственным образованиям (западным и восточным), которые претендовали на славянские земли. Жесткое противоборство с этими образованиями естественным образом сопровождалось формированием унизительно-отрицательного образа своих врагов (данная особенность характерна для соответствующих процессов и в других регионах). Прямое оскорбление и публичное уничижение врагов (противников) считалось чуть ли не геройством. Важно также то, что становление русского централизованного государства проходило в период острейших междоусобиц, что во многом спровоцировало негативную самооценку русского народа. Последовавший мировоззренческий раскол наглядно выражен в народных пословицах: с одной стороны, «до Бога высоко, до царя – далеко, нам просить о помощи некого», «на Бога надейся, а сам не плошай», с другой стороны – «Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится»; с одной стороны, «что ни дается, все к лучшему», «чему быть, того не миновать», а с другой стороны, «не верь судьбе: спасение в борьбе», «на авось посеешь – после сам пожалеешь»; с одной стороны, «хоть церковь близко, да ходить склизко; а кабак далеконочко, да хожу потихоньку», а с другой стороны, «даст Бог день, даст Бог и пищу». В общем, «русский ни с мечом, ни с калачом не шутит».

Традиционные детерминанты русофобии тесно связаны с процессом принятия православия на Руси. Нет нужды описывать долгую и противоречивую историю распространения православия на территории нашей страны и освещать глубинные основания православной веры. Следует отметить следующее: 1) православие – самое масштабное из традиционных религиозных вероисповеданий (в том числе и среди христианских конфессий) на территории России; 2) содержание православной веры исключает принципы насилия, жестокости, подавления иноверцев; 3) православная церковь имеет богатый опыт духовного сотрудничества с различными религиозными конфессиями – как общемирового, так и национально-народного уровня; 4) историческое развитие православия возможно только на основе сохранения и укрепления традиционных ценностей («все под одним Богом ходим, хоть и не в одного веруем»). Именно перечисленные обстоятельства вызывают раздражение русофобов.

Новые детерминанты русофобии сложились после октября 1917 г. В результате Великой Октябрьской социалистической революции появилась новая политическая реальность – Советская Россия, а затем и СССР. Успехи Советского Союза в государственно-политическом строительстве, формировании социально-экономических отношений, развитии институтов образования и науки, достижения в области культуры и искусства, и, конечно, создание боеспособных армии и флота пугали предтечей современного коллективного Запада. Можно предположить, что в период социализма у коллективного Запада возникла устойчивая фобия ко всему советскому («СССР – империя зла»), метастазические импульсы которой сегодня во многом питают и современную русофобию.

Новейшие детерминанты сформировались после развала (распада) СССР. Цивилизационная катастрофа 1990-х гг., помимо прочего, вызвала два следствия: 1) на пространстве бывшего СССР произошел слом традиционных (для носителей «советский культуры») ценностей, что стало мировоззренческой драмой для нескольких поколений, которая до конца не изжита и по сей день; 2) для «внешних наблюдателей» данное событие стало

поводом для исторического реванша над «русским медведем». Каждый гражданин России, кто жил в ту драматическую эпоху, на себе испытал трагедию великой страны.

Современные детерминанты начали складываться в первое десятилетие XXI в. и к настоящему времени оформились в своем классическом варианте. Современная русофобия стала масштабной, открытой, агрессивной и вульгарной. Она превратилась в инструмент официальной политики для многих государственно-властных структур в зарубежных странах. Коллективный Запад за всю историю своих взаимоотношений с Россией сталкивался с множеством стрессовых ситуаций (войны, революции), которые стали неотъемлемым компонентом «западного социогенетического кода». Тревоги из прошлого переносятся в современность: страх победы коммунизма трансформируется в ужас перед Россией, Русским миром. Без долгой и кропотливой работы по преодолению или минимизации фобических состояний невозможно даже начать процесс оздоровления. Сама по себе болезнь не исчезнет и может принять более тяжелые хронические формы, которые приведут к разбалансировке, а в конечном итоге – к гибели всего социально-культурного организма.

Следует подчеркнуть, что описанные выше хронологические детерминанты формирования русофобии выступают рабочей объяснительной схемой, которая не претендует на методологическое обоснование их онтологического статуса.

Социальная обусловленность русофобии

На активизацию русофобии влияют три основных фактора: политический, социально-экономический и национально-этнический.

Политическим фактором в развитии современной русофобии выступает зависимость многих государств (стран) от политического режима в США. Вашингтон использует это обстоятельство как средство прямого принуждения политических лидеров, чтобы поддерживать антироссийскую политику на международной арене. В случае непринятия диктата США (например, политический лидер, руководствуясь интересами народа своей страны, выступает с собственными заявлениями по международной повестке) политическое руководство соответствующей независимой страны подвергают агрессивной стигматизации (обвиняют в русофилии). В такой ситуации лидеры суверенного государства рискуют, в лучшем случае, тем, что кардинально изменится их политический статус в негативную сторону (внутренняя оппозиция, поддерживаемая соответствующими внешними силами, будет активно способствовать этому процессу). В худшем случае они могут исчезнуть с политической арены. Более того, если угрозу политическому диктату США представляет определенная страна, то разрушению может быть подвергнута она сама как субъект международной политики. В данном контексте показательно высказывание известного американского ученого и публициста Н. Хомского: «Если выразаться юридическими терминами, то я считаю, что после Второй мировой войны были основания подвергнуть импичменту всех американских президентов либо как форменных военных преступников, либо как соучастников серьезных военных преступлений» (цит. по: [Пухальская 2010, 33]).

С социально-экономической точки зрения, русофобия представляет собой эффективный инструмент продвижения Западом своих товаров, захвата выгодных рынков сбыта, дестабилизации экономических связей. Более того, современная русофобия приобретает крайние формы, которые выражаются в отъеме или уничтожении чужой собственности (в качестве примера можно привести взрывы на нитках нефтепровода «Северный поток»), присвоении чужих финансовых и иных ресурсов. Стратегия современных политтехноло-

гов – создать образ врага, который стремится подчинить своим зловещим планам наивное население той или иной страны.

Н. Хомский в своей статье «Главные цели внешней политики США» заявляет: «США хотят “стабильности”, подразумевая безопасность для “высших слоев общества и крупных иностранных предприятий”. Если этого можно добиться способами формальной демократии – пусть так и будет; но если нет, то “угроза стабильности”, каковой является добрый пример, должна быть уничтожена, прежде чем вирус заразит других» [Хомский 2014].

Институционализированную русофобию используют как основу для официальных (государственных) социальных проектов коллективного Запада, цель которых – удерживать и укреплять свое гео-политико-экономическое доминирование.

Национально-этнические факторы формирования русофобии – как, впрочем, и других национальных фобий (синофобия, антисемитизм, индусофобия, арабофобия и пр.) – связаны с двумя, на первый взгляд, противоречивыми идеологическими установками. Тем не менее, они имеют общую ментальную природу – переживание собственной никчемности, ничтожности, страх личного (субъектного) исчезновения.

Первая из таких установок – идея исключительности, избранности того или иного народа. Она требует прямого указания на других людей («нелюдей»): тех, кто мешает, подавляет, ограничивает развитие «исключительности». Таких «врагов» не только дозволительно, но и нужно использовать во благо собственного народа-племени. В ситуации, когда это невозможно, их следует истребить. Современная русофобия отличается своей «национально-предметной направленностью»: через нее формируется некое «национальное единение» против общего врага. Данную русофобию можно назвать «имманентной» («национально-имманентной»). В своих «аргументах» (явных или скрытых) она восхваляет некий аутентичный «народный дух», «высшее национальное самосознание» – другими словами, она опирается на собственно-национальные (народные) ресурсы.

Русофобия питается также идеей наднациональной идентичности: приоритета глобального над локальным, всеобщего над единичным. В подобном случае она выступает инструментом формирования «общечеловеческого единения» против того же коварного врага. Данный вид русофобии можно назвать «трансцендентным» («национально-трансцендентным»), так как он опирается на аксиому фундаментального единства всех людей: национально-этнические характеристики считаются «отжившими», атавистическими признаками. Другими словами, в этом варианте русофобия ищет поддержку и самооправдание в том, что лежит за горизонтом национальной идентичности.

Инструментами насаждения идеологии космополитизма выступают отказ от традиционных национально-этнических ценностей, забвение историко-культурного, религиозно-конфессионального, духовного опыта своего народа, исключение (или даже прямой запрет) родного языка из практики повседневного общения. Геополитические и экономические интересы конкретных государств и транснациональных корпораций скрываются за мировоззренческой привлекательностью общечеловеческих ценностей (которые представители этого «плоского космополитизма» не только превратно трактуют, но и агрессивно навязывают другим), за мифологемой всепланетарного (глобального) единства, социально-экономическими калькуляциями мир-системного анализа, а также догматикой приоритета международного права. Идеология наднациональной идентичности сначала приводит к диффузной идентичности, а впоследствии – к формированию устойчивых «национальных фобий». Индивиды, которые отстаивают свои национальные интересы и не хотят превратиться в «Иванов, родства непомнящих», становятся «законными целями» для русофобских атак.

Русский народ, как цивилизационно-образующий этнос, обладает богатым историческим опытом и огромным национальным потенциалом развития. Данные характеристики обеспечены не в ущерб другим народам, населяющим Россию. Наоборот, они были приняты в «национально-этническое поле» России в рамках установки на поддержку и сотрудничество. Во внутренней и внешней политике Россия во главу угла ставит гармоничное многонациональное единство, мирное сосуществование и совместные усилия, чтобы сохранять и развивать поликультурное многообразие. Именно это обстоятельство и служит источником ненависти и страха для русофобов.

Тенденции развития русофобии

В дальнейшем русофобия будет развиваться в соответствии с вышеуказанными факторами: политическим, социально-экономическим, национально-этническим. Динамика тенденций развития имеет два аспекта: темпорально-хронологический (время) и регионально-топологический (место).

Во временной динамике наиболее быстро затухающей можно считать социально-экономическую тенденцию, а наиболее долговременной – национально-этническую.

Политическая тенденция усиливает или ослабляет прочие тенденции, не меняя их сути и направления. Стратегия экономического развития за счет других (колониализм, расизм, апартеид, санкционизм и пр.) с неизбежностью терпит фиаско. Социально-экономическая структура современных обществ не способна эффективно функционировать и прогрессивно развиваться без постоянных, долговременных, взаимовыгодных контактов. В современном мире наиболее выгодно и перспективно выстраивать социально-экономическое взаимодействие на основе концепции многополярного мира. Любые искусственно создаваемые препятствия (в том числе русофобия) способны только замедлить, но не остановить социально-экономическое сотрудничество.

Сама логика развития современных производственных технологий, как и функционирование институтов социального управления, объективно требует преодолевать различные предубеждения и фобии. Конечно, в обществе помимо формализованных, рациональных и институционально упорядоченных социально-экономических структур существуют и недифференцированные, иррациональные, антиструктурные, неформализуемые аспекты социального взаимодействия. При благоприятных условиях они могут играть ведущую роль в социальных процессах, приобретать пусть и иллюзорную, но весьма высокую (экзистенциальную) ценность. Один из таких аспектов и есть русофобия, которая, по сути, представляет собой мифологему, которую коллективный Запад навязывает всему миру.

Наиболее долговременной можно считать национально-этническую тенденцию, которая может усиливаться с течением времени. Причина заключается в том, что она связана с глубинной исторической памятью народов: образами, интуициями, эмоциональными переживаниями, всем комплексом ментальных состояний, которые вошли «в плоть и кровь» народа, стали его «национальной душой». Когда внешние (или внутренние) манипуляторы, используя иллюзии обыденного сознания, настойчиво поддерживают неизжитые страхи и провоцируют мрачные переживания людей, ксенофобские состояния могут обостриться, а в дальнейшем перейти в хроническую стадию. В нынешней ситуации можно наблюдать именно этот процесс. Однако подлинные лидеры никогда не признавали исключительные права и свободы только за собственным народом. Они, как истинные патриоты, смотрели выше и дальше обывательских стереотипов. Перефразируя Ф. Энгельса, можно сказать, что не может быть счастлив тот народ, который унижает другие народы.

Второй аспект (регионально-топологический) раскрывает особенности распространения русофобии в ее пространственных характеристиках. В данном измерении русофобия распространяется неравномерно. Предварительный анализ показывает, что наиболее агрессивно русофобия представлена в тех странах, которые в своих политических и социально-экономических интересах следуют в фарватере геополитики США. Следует отметить, что степень агрессивности напрямую не связана с географической близостью или удаленностью стран-носителей русофобии от государственных границ России.

Помимо США, наиболее концентрированно русофобия проявляется в Великобритании, в странах континентальной Европы (Германия, Франция, Польша, Чехия) и Прибалтики. Перечисленные государства проводят последовательную враждебную политику по отношению к нашей стране. Они усложняют выдачу виз российским гражданам и экспорт/импорт продукции, препятствуют свободе финансовых потоков (отключение российских банков от SWIFT), конфискуют находящееся за границей имущество россиян, аннулируют визы и т. д. Русофобию эффективно используют на территории Украины как инструмент манипулирования сознанием, что иногда принимает античеловеческие формы.

В Восточно-Азиатском регионе накал русофобии менее значителен. Тем не менее, некоторые страны региона используют ее как новый инструмент достижения своих старых целей. В частности, Япония усиливает свои претензии к России, требуя передачи ей Южно-Курильских островов.

Необходимо отметить, что руководство России реагирует на сложившееся положение дел. Так, если в 2018 г. в список недружественных стран были включены две страны (Чехия и США), то после начала СВО (в феврале 2022 г.) недружественными были признаны уже 48 государств. Причем, как отмечает пресс-служба российского правительства, перечень не носит закрытый характер и может меняться с учетом текущей международной ситуации.

Способы преодоления русофобии

Способы преодоления русофобии напрямую связаны с ее причинами, основными факторами и тенденциями развития.

Политические инструменты противодействия русофобии сравнимы с хирургическим вмешательством, которое не устраняет причины болезни, а облегчает состояние пациента. Безусловно, нельзя отказываться от богатого арсенала и возможностей политических институтов. Следует наращивать дипломатические отношения с дружественными для нашей страны близкими соседями (Белоруссия, Абхазия, Монголия, Китай). Требуется выстраивать взаимное сотрудничество с новыми партнерами не только в относительно ближнем зарубежье (Иран, Индия, Саудовская Аравия), но и с более отдаленными странами (Бразилия, Венесуэла, Никарагуа, Куба, Таиланд). Значимым потенциалом в этом отношении обладают многие страны африканского континента (Алжир, Кения, Мозамбик, Египет).

Социально-экономические механизмы противодействия русофобии аналогичны медикаментозному лечению, их задача – купировать фобические состояния. Не следует останавливать, прекращать или консервировать социально-экономические связи с другими государствами. Бесперспективно также использовать стратегию изоляционизма. Следует переориентировать или даже создать новые потоки движения товаров, услуг, технологий, капиталов, человеческих ресурсов и знаний (на примере практики развития ЕАЭС, БРИКС, ШОС).

Национально-этнические способы противодействия русофобии имеют скорее терапевтическую цель и требуют постоянного внимания, неуклонной поддержки, профессиональных усилий со стороны не только специалистов, но и широкой общественности. Немаловажно и то, что преодолеть русофобию невозможно без глубоких изменений в мировоззренческих устоях, без масштабных духовных преобразований, нравственной ревизии ценностных установок, а также без честного и открытого общественного диалога.

Общество, которое на протяжении долгого времени поражено различными фобиями, представляет собой идеальный объект для всевозможных манипуляций (ментальных, идеологических, религиозных и др.). Конечные цели самих манипуляторов вполне прозаичны – устранить возможных конкурентов, доминировать над соперниками, установить собственное господство.

Процесс изживания русофобии несет определенные риски и переживания для ее носителей. Например, с целью позитивной сенсорно/когнитивной коррекции ментальной сферы к носителям фобии можно применять т. н. экспозицию (т. е. прямой контакт носителя фобии с объектом его страха). Такой прием подобен погружению в состояние катарсиса. Именно катарсические переживания способны инициировать душевное пробуждение человека. Еще Аристотель утверждал в своей «Поэтике», что цель истинной трагедии (которую зрители-участники всегда мучительно переживают) состоит в очищении души от страха посредством страданий. «Трагедия есть подражание действию важному и законченному... и совершающее посредством сострадания и страха очищение (katharsis) подобных страстей», – писал он [Аристотель 1983]. Данный принцип можно проиллюстрировать русской поговоркой «клин клином вышибают».

Перечисленные инструменты должны применяться комплексно, в качестве взаимосвязанных компонентов единой стратегии противоборства русофобии. Самое важное в этом процессе – не просто снимать внешние признаки (симптомы, проявления) фобических состояний, а воздействовать на саму ее сущность – паническое состояние страха, боязнь Чужого (Чужих), ужас собственной ничтожности. Такое состояние сегодня можно считать «духовной пандемией» для коллективного Запада. Продолжая медицинскую аллегория, можно сказать, что последний нуждается в «прививке» от русофобии.

Выводы

По результатам исследования можно сделать несколько обобщающих выводов.

Во-первых, русофобия представляет собой некую экзистенциальную фобию, носитель которой, по сути, боится утратить собственную идентичность.

Во-вторых, этот страх инициирует стигматизационные процессы, которые направлены на «отмену» русской культуры.

В-третьих, причины и факторы, которые определяют распространение русофобии, указывают на ее временный характер.

Можно утверждать, что достижения русской культуры и цивилизации невозможно уничтожить политическими решениями руководства государств, насколько бы они ни были могущественными. Мировое сообщество, для которого духовные ценности важнее принципов общества потребления, сможет противостоять распространению русофобии как крайней формы социальной стигматизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аристотель (1983) Сочинения. В 4-х т. Т. 4. Пер. с древнегреч.: А.И. Доватур. М.: Мысль. 830 с.
Aristotel' (1983) *Sochineniya. V 4-h t* [Works: In 4 Vols]. Vol. 4. Translation from the Ancient Greek: A.I. Dovatur. Moscow: Mysl'. 830 p. (In Russ.)
- Бовина И.Б., Бовин Б.Г. (2013) Стигматизация: социально-психологические аспекты (Часть 1) // Психология и право. Т. 3. № 3. (https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63778_full.shtml)
- Bovina I.B., Bovin B.G. (2013) Stigmatizatsiya: sotsial'no-psikhologicheskiye aspekty (Chast' 1) [Stigmatization: Socio-Psychological Aspects (Part 1)]. *Psikhologiya i pravo*. vol. 3, no. 3. (https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63778_full.shtml) (In Russ.)
- Власова О.А. (2011) Социология человека Ирвинга Гофмана: личность как сопротивление социальному в теориях стигматизации и тотальных институций // Социологический журнал. № 4. С. 5–19.
- Vlasova O.A. (2011) Sotsiologiya cheloveka Irvinga Gofmana: lichnost' kak soprotivleniye sotsial'nomu v teoriyakh stigmatizatsii i total'nykh institutsiy [Human Sociology by Irving Hoffmann: Personality as Resistance to the Social in the Theories of Stigmatization and Total Institutions]. *Sotsiologicheskij zhurnal*. no. 4, pp. 5–19. (In Russ.)
- Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В. (2022) Современная русофобия: ментальные истоки // Образование и право. № 8. С. 146–153.
- Zhuravleva L.A., Zarubina Ye.V., Ruchkin A.V. (2022) Sovremennaya rusofobiya: mental'nyye istoki [Modern Russophobia: Mental Origins]. *Obrazovaniye i pravo*. no. 8, pp. 146–153. (In Russ.)
- Кара-Мурза С.Г. (2015) Русофобия Запада // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 1. № 8. С. 6–14.
- Kara-Murza S.G. (2015) Rusofobiya Zapada [Russophobia of the West]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. vol. 1, no. 8, pp. 6–14. (In Russ.)
- Пухальская Т.Н. (2010) Сущность стигматизации // В: Психологическая студия: сб. науч. тр. Ред.: С.Л. Богомаз, В.П. Волчок. Витебск. С. 175–178.
- Pukhal'skaya T.N. (2010) Sushchnost' stigmatizatsii [The Essence of Stigmatization]. In: *Psikhologicheskaya studiya: sb. nauch. tr.* Ed(s): S.L. Bogomaz, V.P. Volchok. Vitebsk. Pp. 175–178. (In Russ.)
- Стигматизация и ее проявления в современном обществе: коллективная монография (2020) Ред.: С.Е. Туркулец. М.: Изд-во Научный консультант. 191 с.
- Stigmatizatsiya i yeye proyavleniya v sovremennom obshchestve: kollektivnaya monografiya* [Stigmatization and its Manifestations in Modern Society: Collective Monograph] (2020) Ed(s): S.Ye. Turkulets. Moscow: Izd-vo Nauchnyy konsul'tant. 191 p. (In Russ.)
- Франкл В. (1990) Человек в поисках смысла. М.: Прогресс. 368 с.
- Frankl V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in Search of Meaning]. Moscow: Progress. 368 p. (In Russ.)
- Хмелевский С.В. (2017) Феномен русофобии: социально-философский анализ // Социально-политические науки. № 2. С. 54–59.
- Khmelevskiy S.V. (2017) Fenomen rusofobii: sotsial'no-filosofskiy analiz [The Phenomenon of Russophobia: Socio-Philosophical Analysis]. *Sotsial'no-politicheskiye nauki*. no. 2, pp. 54–59. (In Russ.)
- Хомский Н. (2014) Как устроен мир. М.: АСТ. 448 с.
- Khomskiy N. (2014) *Kak ustroyen mir* [How the World Works]. Moscow: AST. 448 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Туркулец Алексей Владимирович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Дальневосточного государственного университета путей сообщения. Адрес: 680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47. E-mail: tual63@mail.ru

Туркулец Светлана Евгеньевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Дальневосточного государственного университета путей сообщения. Адрес: 680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47. E-mail: turswet@rambler.ru

About the authors

Aleksey V. Turkuletc, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Far Eastern State Transport University. Address: 680021, Russia, Khabarovsk, Serysheva St., 47. E-mail: tual63@mail.ru

Svetlana E. Turkulets, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Far Eastern State Transport University. Address: 680021, Russia, Khabarovsk, Serysheva St., 47. E-mail: turswet@rambler.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 18.04.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 09.05.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 06.06.2023

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ GENDER STUDIES

Оригинальная статья/ Original article

Гендерный разрыв в федеральных органах власти в условиях повышения экономической роли женщин в современной России¹

© Л.А. БРУШКОВА

Брушкова Людмила Алексеевна, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), lbrushkova@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-3787-3791

Проанализирован гендерный дисбаланс в высших органах государственной власти России. Отмечено, что в современной России женщины фактически отчуждены от «большой» политики, несмотря на то, что они располагают более существенным (по сравнению с мужчинами) человеческим капиталом. Разрешить данное противоречие современного российского общества возможно только через расширение представительства женщин в органах власти разного уровня. Особенно актуален вопрос гендерной представленности в федеральных органах управления, учитывая традиционно высокий уровень централизации власти в России. Указано, что гендерная пирамида политической власти сформировалась еще в советский период и продолжает воспроизводиться практически в том же виде в современных условиях. В то же время в России меняется гендерная структура в экономике: женщины все активнее включаются в предпринимательство, управление предприятиями и организациями. Сделан вывод о том, что в России постепенно складывается гендерно-сбалансированная экономика, которая требует более активного и ответственного участия женщин в государственной власти. Средствами политической мобилизации женщин могут стать некоммерческие организации и общественные движения, которые уже сейчас достаточно эффективно действуют в России. Эмпирической базой исследования стали данные Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат) и Всемирного экономического форума (The World Economic Forum).

¹ Финансирование. Исследование выполнено в рамках научного проекта «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России» (№ 20-011-00519 А) при финансовой поддержке РФФИ.

Funding. The research was carried out within the framework of the scientific project “Challenges and risks of the formation of a new gender order and the social mechanism of its management in Russia” (No. 20-011-00519 A) with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research.

Ключевые слова: политическая власть, представительные органы власти, гендерные диспропорции, человеческий капитал, женщины, экономика

Цитирование: Брушкова Л.А. (2023) Гендерный разрыв в федеральных органах власти в условиях повышения экономической роли женщин в современной России // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 123–134. DOI: 10.31857/S086904992304007X, EDN: OXWUCO.

Gender Gap in the Federal Government Authorities under Conditions of the Rising Economic Role of Women in Modern Russia

© L. BRUSHKOVA

Lyudmila A. Brushkova, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), lbrushkova@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-3787-3791

Abstract. Issues related to the gender gap in the federal government authorities of Russia are discussed. It is emphasized that Russian women are alienated from “big politics” despite the fact that women have more substantial (compared to men) human capital. This contradiction should be resolved through extension of women’s representation in government bodies of various levels and especially at the federal level, taking into account the highly centralized nature of political power in Russia. The gender pyramid of power (the higher is the power level the lower is women’s representation) was built in the Soviet time and is reproduced in modern Russia without essential modifications. Nevertheless currently the gender structure of economy management is changing women take part in entrepreneurship and management of companies, including the top-management level, more actively. It is concluded that the gender-balanced economy is gradually established in Russia, and it will require more active and responsible participation of Russian women in the political sphere. Non-commercial organizations and public movements, that are efficient enough nowadays in Russia, can be a means of women’s political mobilization. The article is based on the data of the Federal State Statistics Service of Russia (Rosstat) and the World Economic Forum.

Keywords: political power, representative authorities, gender gap, human capital, women, entrepreneurship, gender-balanced economy

Citation: Brushkova L. (2023) The Gender Gap in the Federal Government Authorities under Conditions of the Rising Economic Role of Women in Modern Russia. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 123–134. DOI: 10.31857/S086904992304007X, EDN: OXWUCO.

Введение

Современный этап развития общества характеризуется глобальными и глубинными трансформациями в сфере социо-гендерных отношений, что позволяет исследователям говорить о формировании нового гендерного порядка. Так, по мнению известного российского социолога Г.Г. Силласте, «формирующийся в мире новый гендерный порядок – это своего рода новый порядок жизни и деятельности, социального и межличностного взаимодействия мужчин и женщин как системообразующих социально-демографических общностей на основе принципа гендерного равноправия. Но это будет означать и определенный пересмотр ряда прошлых норм – юридических и нравственных, социальных и

моральных, связанных с социально-правовыми регуляторами гендерного взаимодействия в обществе и в мир-системе в целом» [Силласте 2019].

Новый гендерный порядок предполагает, прежде всего, усиление субъектности женщин в различных сферах жизнедеятельности общества (политике, экономике, культуре). Конечно, он не сводится к утверждению норм гендерной нейтральности. Данная особенность в большей мере характерна для стран европейской культуры и почти не развита в странах другой культурной ориентации. В то же время расширение женского участия в предпринимательстве, менеджменте, образовании, сфере принятия политических решений, медиапространстве и др. в той или иной мере затрагивает все страны мира, что говорит о его глобальном характере. Следует отметить, что в каждой стране этот процесс имеет свои темпы и национально-культурную специфику [Силласте 2019].

Одна из важнейших составляющих гендерного порядка – участие мужчин и женщин в работе различных органов власти [Connell 1987]. Степень участия женщин в них служит одним из индикаторов гендерного неравенства, что находит свое отражение в различных международных рейтингах.

Согласно исследованию Всемирного экономического форума Global Gender Gap Index² за 2021 г., по уровню гендерного неравенства Россия занимает 81 место в мире³. Показатель имеет негативную динамику: в 2018 г. Россия занимала 75 место, в 2013 г. – 52 место. Примечательно, что в этом отношении страна уступает большинству бывших советских республик: Литве (8 место), Латвии (20), Молдавии (29), Беларуси (32), Эстонии (46), Грузии (47), Украине (74) и Казахстану (79 место). Хуже дела обстоят только в Азербайджане (99), Киргизии (109), Армении (115) и Таджикистане (126 место)⁴.

Серьезное отставание России по уровню представленности женщин в органах политической власти становится особенно заметным при сопоставлении этого индикатора с другими показателями, которые учитывают в Индексе гендерного неравенства (таб. 1).

Таблица 1

Составляющие Индекса гендерного неравенства (GGI) и положение в России

Table 1

Gender gap index components and situation in Russia

Параметр	Женщины	Мужчины
Продолжительность жизни	77 лет	65 лет
Уровень образования:		
– высшего	56%	44%
– среднего	51%	49%
Занятость	53%	64%
Оплата труда	71,7% от зарплаты мужчин	
Представленность в органах власти (в Государственной Думе РФ)	16%	84%

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Source: compiled by the author based on Rosstat data.

² Индекс гендерного неравенства (Global Gender Gap Index) разработан Всемирным экономическим форумом в 2006 г.

³ Всего в рейтинге представлено 156 стран.

⁴ Global Gender Gap Report 2021. World Economic Forum. (https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2021.pdf).

Как видно из Таблицы 1, к настоящему времени российские женщины существенно обгоняют мужчин по уровню развития человеческого капитала. Последний измеряется в показателях продолжительности жизни и уровня образования. Тем не менее, женщины отстают от мужчин по располагаемым ими экономическим и, особенно, политическим ресурсам. Как известно, эти два показателя взаимосвязаны. Наиболее проблемным вопросом считается участие российских женщин в политике и структурах власти. Так, в рейтинге GGI Россия занимает 31-ое место по экономическим показателям, а по политическому – 123-е место. В целом в мире наблюдается обратная ситуация: гендерный разрыв в экономике составляет 59%, а в политике – 22%⁵.

Таким образом, в России женщины мало представлены в органах политической власти, несмотря на их значительный человеческий капитал. Данное обстоятельство свидетельствует об одном из противоречий современного российского общества, которое требует разрешения. Оно обостряется в настоящее время, когда женщины обретают все большую субъектность в экономике, чему, в частности, будет посвящено дальнейшее исследование. Очевидно, что разрешить его возможно, только расширяя представленность женщин в органах государственной власти и местного самоуправления страны. Учитывая традиционно высокий уровень централизации политической власти в России, особое значение имеет представительство женщин в федеральных структурах власти: в Федеральном Собрании и Правительстве РФ.

Участие женщин в высших законодательных органах политической власти России

В современных демократиях особая роль принадлежит представительным (законодательным) органам государственной власти, в связи с чем представлен анализ гендерного состава российского парламента.

Сразу следует отметить, что на протяжении последних 30 лет экономических и политических реформ в России участие женщин в обеих палатах Федерального Собрания остается на очень низком уровне (см. таб. 2, таб. 3).

Таблица 2

Динамика представленности женщин в Государственной Думе РФ, %

Table 2

Dynamic of women's representation in the State Duma of Russia, %

Годы	Доля женщин
1993–1995	11,7
1996–1999	9,6
2000–2003	8
2003–2007	10
2008–2011	14
2012–2016	14
2016–2021	15,9
2022–2026	16

Источник: *Rosstat*.

Source: *Rosstat*.

⁵ Global Gender Gap Report 2021. World Economic Forum. (https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2021.pdf).

После достаточно успешного старта на выборах в первую Государственную Думу, на которых женщины получили 11,7% мест (30% из женщин-депутатов было избрано от организации «Женщины России»), на протяжении последующих 15 лет этот показатель снижался. Женское представительство в нижней палате парламента не превышает 10%. Определенным прорывом в этом отношении стал 5-й созыв Государственной Думы, в которой доля женщин-депутатов достигла 14%. По итогам выборов 2016 г. представительство женщин несколько возросло: они получили 15,9% депутатских мандатов. Наконец, по результатам последних парламентских выборов осенью 2021 г. в Государственную Думу вошли 72 женщины (16% депутатов).

Таблица 3

Динамика представленности женщин в Совете Федерации РФ, %

Table 3

Dynamic of women's representation in the Council of Federation of Russia, %

Годы	Доля женщин	
	в законодательных органах	в исполнительных органах
2012	4	9
2014	6,1	9,6
2018	14,1	21,4
2020	14,1	20,2

Источник: *Росстат*.
Source: *Rosstat*.

В 2000 г. Совет Федерации РФ перестал быть выборным органом. Он формируется путем назначения представителей законодательной и исполнительной власти субъектов РФ. В настоящее время в нем работают 33 женщины-сенатора, т. е. 19% от общего количества членов Совета Федерации. Из 85 субъектов Российской Федерации только один представляет женщина-губернатор – Ханты-Мансийский округ⁶. Как видно из данных таблицы 3, доля женщин-сенаторов, представляющих в Совете Федерации законодательную ветвь власти, в настоящее время еще меньше, чем в Государственной Думе, – всего 14,1%.

По сравнению с определенными периодами советской истории представительство женщин в нынешнем парламенте России сократилось вдвое. Так, в 1984 г. доля женщин в Верховном Совете СССР составляла 33% [Кочкина 1999]⁷.

Означает ли этот факт, что в советское время женщины имели большую политическую власть, которую они потом утратили? Более детальное изучение данного вопроса не подтверждает данную гипотезу.

Во-первых, такая широкая представленность женщин не была типична для периода советской истории. В 1989 г. в Верховный Совет СССР избрали только 15,7% женщин (против 33% в 1984 г.). Снижение доли женщин продолжалось, и показатель достиг минимального значения в 1990 г., когда в состав Съезда народных депутатов РСФСР вошло только 5,6% женщин [Кочкина 1999]. Отчасти такая динамика была связана с изменением избирательного законодательства: было отменено выдвижение кандидатов от обществен-

⁶ Женщин в составе правительства стало меньше. 360tv.ru. 21 января 2020. (<https://360tv.ru/news/vlast/zhenschin-v-sostave-pravitelstva-stalo-menshe/>).

⁷ Стоит отметить, что этот показатель соответствует современным международным рекомендациям относительно гендерного состава национальных парламентов.

ных организаций – один из каналов выдвижения женщин в представительные органы власти. Другой, более важной причиной стало то, что система формирования высших представительных органов советской власти в то время утрачивала свою «ритуальность» и превращалась в арену настоящей политической борьбы.

Таким образом, заметное снижение численности женщин в высшем законодательном органе власти СССР началось еще в позднесоветский, а не в постсоветский период.

Во-вторых, несмотря на существенную представленность в Верховном Совете СССР, женщины-депутаты не играли в нем какой-либо значимой роли. Они «имели все признаки маргинального политического положения: они были менее влиятельными, составляли 72% непартийных депутатов, преимущественно рекрутировались из рабочих, были более молоды и редко переизбирались на второй или третий срок» [Кочкина 1999]. Не случайно типичный образ женщины-депутата советской поры представлял собой работницу текстильного комбината.

В-третьих, не вполне соответствует реальному положению дел расхожий стереотип о том, что значительное представительство женщин в Верховном Совете СССР достигалось благодаря позитивной дискриминации, а именно гендерным квотам. Как показывают исследования, в действительности «на долю женщин, выдвинутых по квотам от общественных организаций, приходилось лишь 22,5%. Если же не считать 80 женщин от Комитета советских женщин, то процент женщин, выдвинутых по квотам, был равен 14,7%» [Поленина 1990].

Таким образом, в советское время не было реального гендерного равноправия в политике. Свидетельством тому выступает тот факт, что в Политбюро ЦК КПСС, где была сосредоточена настоящая власть, за все время его существования была включена только одна женщина в начале перестройки. Более того, именно в СССР сложилась та гендерная пирамида власти (чем выше уровень власти, тем меньше женщин), которая практически в неизменном виде воспроизведена в современной России. Позитивная гендерная дискриминация в представительных органах власти в советское время выступала своего рода идеологической маскировкой действительной гендерной структуры власти.

По показателю участия женщин в национальном парламенте современная Россия существенно отстает от других стран (см. таб. 4).

Как видно из приведенных данных, в настоящее время доля женщин в национальных парламентах разных стран достаточно велика. Важно, что такая ситуация наблюдается не только в традиционно лидирующих в этом отношении скандинавских странах, но и в развивающихся государствах Латинской Америки и Африки. Любопытно, что наибольшая доля женщин в парламенте отмечена не в европейских государствах, а в Руанде (58%). В среднем доля женщин в парламентах мира оценивается в 23,4%, то есть им принадлежит почти каждый четвертый мандат.

Сравнивая эти данные с более чем скромной долей женщин в недавно избранной Государственной Думе РФ, можно прийти к выводу, что пока женщины в России добились скорее формального равенства, нежели фактического и полного равноправия.

Какова же должна быть доля женщин в национальном парламенте страны? Эксперты ООН сходятся во мнении, что стандартизированный показатель для современного общества по представительству женщин в парламенте составляет 30–40%⁸. Для России параметр не выглядит нереалистичным, особенно если вспомнить, что в Верховном Совете СССР такой уровень представительства уже достигался, хотя тогда носил скорее декларативный характер.

⁸ По рекомендациям ООН, опубликованным еще в 1990 г., 30% мест в национальных парламентах государств должны выделяться женщинам.

Представительство женщин в национальных парламентах отдельных стран, %⁹

Women's representation in the national parliaments of some countries, %

Страна	Доля женщин
Швеция	43,6
Финляндия	42
Бельгия	42
Норвегия	40
Боливия	52
Эквадор	42
Никарагуа	41
Руанда	58
Сенегал	43
ЮАР	41

Источник: *составлено автором.*

Source: *compiled by the author.*

Общепризнанным средством повышения представительства женщин в выборных органах власти выступают специальные гендерные квоты, которые могут быть как обязательными (практикуются в развивающихся странах), так и добровольными (характерны для развитых стран). Следует подчеркнуть, что более половины государств-членов Евросоюза ввели добровольные квоты на представительство женщин в национальных парламентах.

Данные меры касаются мест как в парламентах, так и в партийных избирательных списках. Гендерное неравенство в представительных органах власти закладывается уже на этапе парламентских выборов, когда в избирательные списки партий включают в основном мужчин.

В России в настоящее время женщины составляют лишь 21% кандидатов на выборах в Государственную Думу РФ, и за последние пять лет эта доля почти не изменилась. На практике отсутствие паритета в соотношении мужчин и женщин в избирательных списках ведет к тому, что российским женщинам (большой части электората) приходится голосовать в основном за мужчин, что воспроизводит гендерные диспропорции в представительных органах власти.

В 2016 г. КПРФ заявляла, что в своем предвыборном списке выделит женщинам 30% позиций, однако предложение осталось только на бумаге. В начале 2021 г. с предложением уравнивать количество женщин и мужчин в избирательных бюллетенях выступала Председатель Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко, однако эта инициатива также не воплотилась в жизнь¹⁰.

Не умаляя ценности гендерных квот как средства повышения представленности женщин в органах политической власти, следует предостеречь против его абсолютизации. Гендерные квоты должны быть не основным, а вспомогательным (техническим) сред-

⁹ Женская доля: как распределены места в парламентах мира. Bird in Flight. 15 июля 2015. (<https://birdinflight.com/ru/infografica/zhenskaya-dolya-kak-raspredeleny-mesta-v-parlamentah-mira.html>).

¹⁰ Количество женщин в российском парламенте планируют довести до 40 процентов. Парламентская газета. 27.10.2021. (<https://www.pnp.ru/politics/predstavitelstvo-zhenshhin-v-rossiyskom-parlamente-planiruyut-dovesti-do-40-procentov.html>).

ством поддержания гендерного равноправия в политике. Главным условием гендерного паритета в этой сфере выступает паритет мужчин и женщин в обладании экономическими ресурсами, управлении и распоряжении ими. Без усиления экономической субъектности женщин и их осознанного и заинтересованного вовлечения в политику гендерные квоты могут обернуться формальностью (как было в СССР) или «пародией» на гендерное равенство, когда на «зарезервированные» для женщин места устремятся родственницы, знакомые и подруги власть имущих мужчин. Такая ситуация не приведет ни к чему, кроме дискредитации самой идеи гендерных квот.

Гендерный состав российской государственной службы и органов публичной власти

В гендерном составе российской власти разного уровня наблюдается разительный контраст между представленностью женщин в структурах госслужбы и органах публичной власти.

По данным Росстата за 2020 г., в целом на государственных должностях в России женщин работает больше, чем мужчин: 546,3 тыс. против 212,4 тыс. (разница более, чем в 2 раза). Занятых женщин больше во всех ветвях власти: законодательной, исполнительной, судебной, а также в органах прокуратуры [Женщины и мужчины... 2020].

В 2019 г. первый заместитель министра труда и соцзащиты РФ А. Вовченко заявил, что женщины составляют 72% российских госслужащих, т. е. эта сфера занятости значительно феминизирована¹¹. Однако в российских органах государственного управления наблюдается ярко выраженная вертикальная гендерная сегрегация: чем выше должность на государственной службе, тем ниже представительство женщин. Так, на федеральном уровне на ведущих должностях работают 69% женщин, на главных – 47%, а на высших должностях – только 30% женщин [Женщины и мужчины... 2020]. На низовом уровне – в муниципалитетах, где служащие непосредственно работают с гражданами, – заняты преимущественно женщины.

Для сравнения, в составе нынешнего Правительства РФ среди 21 министра есть только одна женщина (что составляет 5% от общей численности) – министр культуры¹². Всего в составе федерального правительства только 3 женщины, если учитывать двух заместителей премьер-министра (9,7%)¹³.

Как уже отмечалось выше, при уровне образования и профессионализма российских женщин подбирать кадры на руководящие государственные должности (включая высшие) из их числа не должно быть затруднительно. В этой ситуации «исключительно редкое появление женщин в высшей сфере принятия политических решений свидетельствует о существовании гендерно-дискриминационной практики, сохранившейся еще со времен формирования списков советской номенклатуры, продвижения и назначения на управленческие должности. Эта практика, кроме всего прочего, предполагала еще и жесткую гендерную цензуру» [Кочкина 1999].

¹¹ Минтруд сообщил о феминизации госслужбы в России. РБК. 17 октября 2019. (<https://www.rbc.ru/society/17/10/2019/5da85ea39a794720327a6bd7>).

¹² В предыдущем составе правительства было 2 женщины-министра – министр здравоохранения и министр просвещения, что составляло 9,5%.

¹³ Женщин в составе правительства стало меньше. 360tv. 21 января 2020. (<https://360tv.ru/news/vlast/zhenschin-v-sostave-pravitelstva-stalo-menshe/>).

Кроме того, еще с советских времен существует негласная практика назначать женщин только на должности министров, отвечающих за определенные сферы – социального развития, здравоохранения, просвещения, культуры и другие, которые традиционно ассоциируются именно с женской компетенцией.

К вышеизложенному можно добавить, что, несмотря на отмеченную разницу между органами госслужбы и публичной власти, их объединяет принцип гендерной пирамиды: чем выше уровень власти, тем меньше женщин. Вертикаль власти в России имеет четко выраженное гендерное измерение. Оно появилось не случайно, а в результате осознанной кадровой политики, которая сложилась еще в советский период и воспроизводится в современных условиях практически в неизменном виде. Гендерная пирамида власти, кроме прочего, имеет и экономический аспект: мужской труд в денежном выражении оплачивается выше, так как размер заработной платы напрямую зависит от уровня должностной иерархии.

Участие российских женщин в предпринимательстве и бизнес-управлении

Как уже отмечалось, усиление экономических позиций женщин считается объективной основой для увеличения их представленности на всех уровнях политики. В настоящее время весьма скромное место российских женщин в федеральном парламенте и правительстве контрастирует с динамикой роста их участия в предпринимательстве и бизнес-управлении. Противоречие осознают и представители нынешней власти в России. Так, по словам председателя Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко, «по количеству женщин-руководителей Россия выглядит неплохо в сравнении с другими государствами, но в то же время подвергается критике за низкий процент женщин в парламенте и руководстве на уровне принятия решений»¹⁴.

В Едином реестре малых и средних предприятий (МСП) по состоянию на 2021 г. было учтено 1,33 млн женщин-предпринимателей, что составляет 40,2% от их общей численности. В России зарегистрировано 747 тыс. женщин-самозанятых – около 40% от всех представителей данной категории. В некоторых регионах России доля самозанятых женщин больше, чем доля мужчин. Например, в Республике Бурятия она достигает 58,7%, в Курганской области – 55,6%, в Забайкальском крае – 55,1%, в Республике Алтай – 54,6%¹⁵.

Женский бизнес развивается, демонстрируя свою способность адаптироваться к новым вызовам – в частности, к пандемии коронавируса. Как отметила заместитель министра экономического развития РФ Т. Илюшникова в 2021 г. на III Евразийском женском форуме в Санкт-Петербурге: «В период пандемии 93% женщин-предпринимателей удалось сохранить свой бизнес. А по ряду направлений не просто сохранить, но и найти, открыть новые ниши и рынки, совершить рывок в бизнесе»¹⁶.

В настоящее время российские женщины достаточно успешно осваивают новые направления бизнеса, связанные с цифровым пространством: IT-услуги, digital-дизайн, виртуальную психологию, онлайн-образование и консультации, онлайн-торговлю и др. Т. Илюшни-

¹⁴ Матвиенко попросит лидеров партий обеспечить равные возможности для женщин-кандидатов в Госдуму. Коммерсант. 26.01.2021. (<https://www.kommersant.ru/doc/4662421>).

¹⁵ ФНС России подсчитала, сколько женщин занято в малом бизнесе. Федеральная налоговая служба. 05.03.2021. (https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/10662978/).

¹⁶ Илюшникова: 93% женщин-предпринимателей сохранили свой бизнес во время пандемии. Министерство экономического развития Российской Федерации. 15 октября 2021. (https://www.economy.gov.ru/material/news/ilyushnikova_93_zhenshchin_predprinimateley_sohranili_svoy_biznes_vo_vremya_pandemii.html).

кова подчеркивает, что 59% компаний под руководством женщин представлены в интернете: «из них 30% компаний имеют полноценные сайты, а 33% – сайты-визитки женщин-предпринимателей. CRM-системы для общения с клиентами и интернет-коммуникации используют больше половины компаний. И мы видим, что этот тренд нарастает»¹⁷.

Что касается женщин-руководителей, то, по данным исследования компании Deloitte¹⁸, женщины руководят каждой пятой компанией России. Доля женщин-топ-менеджеров компаний (CEO) в стране выше средней по миру примерно в 4,5 раза, хотя Россия по этому показателю пока уступает Европе, где этот показатель составляет 34,8%¹⁹.

Согласно подсчетам экспертов, женщины наиболее часто руководят небольшими компаниями с выручкой менее 800 млн руб. в год. В крупных компаниях их доля снижается до 12%, а в 200 крупнейших – до 6,5%. Авторы исследования отмечают четкую взаимосвязь: «чем больше объем выручки в компании, тем ниже процент женщин-CEO». В то же время в разных сегментах экономики доля женщин-CEO различается в несколько раз. Максимального показателя она достигает в области образования, где женщины руководят почти половиной всех компаний (42%), минимального – в сферах добычи полезных ископаемых и обеспечения безопасности (по 6%)²⁰ (см. таб. 5).

Таблица 5

Доля российских женщин-CEO в разных сегментах экономики, %

Table 5

Share of Russian women-CEOs in various segments of the economy, %

Сегмент экономики	Доля женщин-CEO
Образование	42
Здравоохранение	39
Финансы	29
Ритейл	24
Недвижимость	22
Информация и связь	17
Транспорт и логистика	13
Сельское и лесное хозяйство	10
Строительство	8
Электроэнергетика	7
Добыча полезных ископаемых	6
Обеспечение безопасности	6

Источник: Deloitte, 2020.

Source: Deloitte, 2020.

В исследовании Deloitte подчеркивается, что «женщины во всех случаях демонстрируют высокий уровень эффективности при управлении капиталом и валовой прибылью,

¹⁷ Илюшников: 93% женщин-предпринимателей сохранили свой бизнес во время пандемии. Министерство экономического развития Российской Федерации. 15 октября 2021. (https://www.economy.gov.ru/material/news/ilyushnikova_93_zhenshchin_predprimateley_sohranili_svoy_biznes_vo_vremya_pandemii.html).

¹⁸ Было изучено более 224 тыс. компаний, представляющих 19 отраслей экономики России.

¹⁹ Deloitte назвал долю женщин в главе российских компаний РБК. 06 марта 2020. (<https://www.rbc.ru/business/06/03/2020/5e611e539a79475f771b7e8f>).

²⁰ Там же.

а у возглавляемых женщинами микрокомпаний стабильно выше все финансовые показатели. В небольших компаниях женщины-СЕО демонстрируют в среднем лучшую, чем у мужчин, рентабельность продаж по валовой прибыли, однако меньшую эффективность по чистой прибыли»²¹.

Таким образом, к настоящему моменту в России сложилось явное противоречие: с одной стороны, численность образованных и экономически успешных женщин постоянно растет, с другой, их доступ к сфере принятия политических решений ограничен. Однако в этом противоречии находится и ключ к его разрешению. По мере повышения социально-экономической роли женщин в стране (а этот процесс уже идет быстрыми темпами) неизменно будет возрастать и их роль в политике. Перераспределение экономических ресурсов в пользу женщин формирует гендерно-сбалансированную экономику, которая требует более активного и ответственного участия российских женщин в политической власти на всех уровнях.

В то же время нельзя утверждать, что по мере усиления своей экономической субъектности женщины автоматически будут включаться в политику. В обществе все трансформации происходят через целенаправленную деятельность людей. Средством политической мобилизации и мобильности женщин могут стать многочисленные женские некоммерческие организации и социальные движения, сеть которых уже достаточно развита в России.

Как считают исследователи, в настоящее время эти организации и движения преимущественно не носят политического характера и сосредоточены на повседневных проблемах человека и общества: от благотворительности до творческой самореализации женщин [Хасбулатова, Смирнова 2021]. Они доказывают свою жизнеспособность и эффективность на деле, представляя собой важный элемент формирующегося в России гражданского общества.

Вместе с тем женское движение еще не стало полноправным участником политического процесса в России. Чтобы это произошло, как государству, так и самим организациям необходимо предпринять целый ряд шагов. Прежде всего, подобным обществам необходимо преодолеть негативное отношение к политике вообще и политическим партиям в частности. Так, в вышеупомянутом исследовании 60% лидеров женских организаций отметили, что «будут опираться на собственные силы и сами решать проблемы». Только каждая пятая опрошенная «готова обращаться за поддержкой в политическую партию» [Хасбулатова, Смирнова 2021].

В заключение выражаем поддержку исследователям, которые считают, что женские организации должны сами проявлять инициативу и более активно сотрудничать с политическими партиями и другими субъектами политического процесса, включаясь в избирательные кампании и продвигая своих представителей в органы власти разного уровня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Женщины и мужчины России (2020) Статистический сборник. М.: Росстат. 239 с.
Zhenshhiny' i muzhchiny' Rossii [Women and Men of Russia] (2020) Statistical Digest. Moscow: Rosstat. 239 p. (In Russ.)
- Кочкина Е.В. (1999) Представленность женщин в российских органах власти // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 173–183.
- Kochkina E.V. (1999) *Predstavlennost' zhenshhin v rossijskix organax vlasti* [Women's Representation in Russian Authorities]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. no. 1, pp. 173–183. (In Russ.)

²¹ Deloitte назвал долю женщин во главе российских компаний РБК. 06 мар 2020. (<https://www.rbc.ru/business/06/03/2020/5e611e539a79475f771b7e8f>).

Поленина С.В. (1990) Участие женщин в государственной и общественной жизни // В: С. В. Поленина, А. А. Абрамова, А. А. Азарова и др. Труд, семья и быт советской женщины. Отв. ред. С. В. Поленина. М. : Юридическая литература. 430 с.

Polenina S.V. (1990) Uchastie zhenshhin v gosudarstvennoj i obshhestvennoj zhizni [Women's Participation in the State and Public Affairs]. In: S.V. Polenina, A.A. Abramova, A.A. Azarova i dr. *Trud, sem'ya i byt sovetskoy zhenshhiny*. Red(s): S.V. Polenina. Moscow: Yuridicheskaya literatura. 430 p. (In Russ.)

Силласте Г.Г. (2019) Социальные транзичии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. № 2. С. 9–12.

Sillaste G. G. (2019) Social'nye tranzicii i formirovanie novogo gendernogo poryadka [Social Transitions in a New Gender Order Formation]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*. no. 2, pp. 9–12. (In Russ.)

Силласте Г.Г. (2019) Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка, его социальные риски // Женщина в российском обществе. № 3. С. 4–13.

Sillaste G.G. (2019) Stranovoj gendernyj landshaft kak faktor formirovaniya novogo gendernogo poryadka, ego social'nye riski [Country Gender Landscape as a Factor of a New Gender Order Formation, Its Social Risks]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*. no. 3, pp. 4–13. (In Russ.)

Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н. (2021) Женское движение в России: моделирование баланса взаимодействия государства и женской инициативы // Женщина в российском обществе. № 1. С. 3–9.

Khasbulatova O.A., Smirnova I.N. (2021) Zhenskoe dvizhenie v Rossii: modelirovanie balansa vzaimodejstviya gosudarstva i zhenskoy iniciativy [Women's Movement in Russia: Modeling of Interaction Balance of the State and Women's Initiatives]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*. no. 1, pp. 3–9. (In Russ.)

Connell R.W. (1987) Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics. Cambridge: Polity. 316 p.

Информация об авторе

Брушкова Людмила Алексеевна, кандидат социологических наук, доцент Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 125993, Россия, Москва, Ленинградский пр-т, 49. E-mail: lbrushkova@yandex.ru

About the author

Lyudmila A. Brushkova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 125993, Russia, Moscow, Leningradskiy Prospekt, 49. E-mail: lbrushkova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 28.04.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 31.05.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 25.08.2023

Оригинальная статья/ Original article

Гендерные аспекты цивилизационного подхода (новые горизонты междисциплинарности)

© С.Г. ИЛЬИНСКАЯ, Е.А. СИРИНА

Ильинская Светлана Геннадьевна, Институт философии Российской академии наук (Москва, Россия), svetlana_ilinska@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7402-5265

Сиринa Екатерина Артуровна, Институт философии Российской академии наук (Москва, Россия), ekasirina@gmail.com. ORCID: 0000-0003-1246-4091

Рассмотрены проблемы узости дисциплинарного подхода в социальных науках, недостаточной предварительной артикуляции онтологических оснований в социально-политических исследованиях, а также малой востребованности фундаментальных разработок в прикладных дисциплинах. Соответственно, они постепенно превращаются в «тайное знание» со своим особым языком, недоступным «профанному большинству». Приведена полемика с позицией политического философа Б.Г. Капустина о проблеме междисциплинарности и понятии «цивилизация». Доказано, что оппонент, будучи универсалистом, считает цивилизацию «идеологическим конструктом» и противоречит собственному определению междисциплинарности, классическим примером которой выступает именно локально-цивилизационный подход. Указанные недостатки характерны и для либерального феминизма, который доминирует в российских гендерных исследованиях. В результате смещаются приоритеты и утрачивается «здравый смысл». Основные постулаты данного направления исследований длительное время не меняются, несмотря на трансформацию мира вокруг. Их критический анализ демонстрирует, что междисциплинарность позволяет «возвращать» в исследования «здравый смысл» (не как «общий» или «общепринятый», т. е. «common sense», а как сообразный конкретной цивилизационной «логике смысла») и решать практические проблемы общества на базе синтеза локально-цивилизационного и гендерного подходов.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, социальное знание, локально-цивилизационный подход, гендерные исследования, универсализм

Цитирование: Ильинская С.Г., Сиринa Е.А. (2023) Гендерные аспекты цивилизационного подхода (новые горизонты междисциплинарности) // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 135–148. DOI: 10.31857/S0869049923040081, EDN: OZXODG.

Gender Aspects of the Civilizational Approach (New Horizons of Interdisciplinary Research)

© S. ILYNSKAYA, E. SIRINA

Svetlana G. Ilinskaya, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), svetlana_ilinska@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7402-5265

Ekaterina A. Sirina, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), ekasirina@gmail.com. ORCID: 0000-0003-1246-4091

Abstract. The problems of interdisciplinary research in social sciences and the inseparability of the ideological component from socio-political knowledge, which largely contributes to the crisis of the social sciences, are analyzed. Also considered are the issues of the narrowness of a strictly disciplinary approach in social sciences, insufficient preliminary articulation of ontological foundations in socio-political studies, as well as the low demand for fundamental elaboration in applied disciplines, leading to their gradual transformation into “secret knowledge” with its own special language inaccessible for the “profane majority”. The authors debate with the position of political philosopher B.G. Kapustin on the problem of interdisciplinary and the concept of “civilization”. It is argued that the opponent contradicts his own definition of interdisciplinary when he considers “civilization” as a “worldview construct”, because the local-civilizational approach *per se* is a classic example of interdisciplinary research. The debate with liberal feminism is also presented. This field non-reflexively dominates Russian gender studies to such an extent that it leads to a shift in priorities and loss of “common sense”. A critical analysis of its main postulates, which have remained virtually unchanged despite historical changes, shows that interdisciplinary approach makes it possible to solve practical problems facing society based on a synthesis, for example, of civilizational and gender approaches.

Keywords: interdisciplinary research, social sciences, local-civilizational approach, gender studies, universalism

Citation: Ilinskaya S., Sirina E. (2023) Gender Aspects of the Civilizational Approach (New Horizons of Interdisciplinary Research). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 135–148. DOI: 10.31857/S0869049923040081, EDN: OZXODG.

Суть социального зачастую можно изучить только междисциплинарно и описать только метафорично: тогда это описание находит отклик, а знание приносит пользу. Так, по мнению французского философа М. Фуко, «не хватит ни Маркса, ни Фрейда, чтобы помочь нам познать эту столь загадочную вещь, одновременно и видимую, и невидимую, присутствующую и скрытую, инвестированную повсюду, которую мы называем властью. Ни теория государства, ни традиционный анализ государственных аппаратов не исчерпывают поля действия и осуществления власти. Перед нами великое неизвестное: кто осуществляет власть? И где она осуществляется?» [Фуко 2002, 44]. Для решения подобных междисциплинарных задач, которые изучают политологи и социологи, психологи и лингвисты, «необходимо рассматривать человека в его целостности, с его душой и телом, как часть окружающего мира системы общества» [Луман 2004, 27].

Таким глубоким и целостным направлением исследований стало рассмотрение мира в качестве ряда равноценных, но принципиально различных локальных цивилизаций или культурно-исторических типов. Соответствующий подход основал российский исследователь Н.Я. Данилевский [Данилевский 2018]. Подобная постановка вопроса сама по себе посягает на глобальную гегемонию коллективного Запада, который провозгласил себя единственным источником универсальной цивилизации. Для западоцентричных носи-

телей гегемонистского сознания и его российских адептов неприемлем даже факт того, что новое направление исследований основал российский ученый. Вскоре после смерти Н.Я. Данилевского его идеи начали обширно критиковать. С огромными натяжками критики ищут в его трудах признаки заимствований у И. Гердера, Г. Рюккерта и других авторов. Однако, когда спустя полвека ту же тему без ссылок на книгу Данилевского «Россия и Европа» стал разрабатывать немецкий философ истории О. Шпенглер, комментаторы не считали возможным обсуждать, был ли Шпенглер знаком с этим трудом. Данный вопрос неоднократно рассматривали исследователи, в том числе один из соавторов статьи [Ильинская 2021, Ильинская 2023].

Обратившись к локально-цивилизационным исследованиям как к частному случаю междисциплинарности, мы обнаруживаем, что пионер отечественной политологии, политический философ Б.Г. Капустин в своей статье о проблеме междисциплинарных исследований¹ не приводит это направление среди примеров (в отличие, например, от гендерных исследований). Причиной такого упущения можно считать приверженность ученого универсалистскому подходу. Десятью годами ранее он отнес «цивилизацию» к «идеологическим конструктам», не подвергая рефлексии свои исследовательские установки [Капустин 2008].

Между тем локально-цивилизационный подход, по определению самого Капустина, представляет собой классический случай междисциплинарности, поскольку локальные цивилизации исследуют философы и культурологи, социологи и политологи, историки и экономисты, психологи и антропологи, а также представители других дисциплин. Более того, этот подход – чуть ли не единственное направление исследований, которое позволяет объяснить на первый взгляд иррациональную агрессию со стороны как будто бы рационального Запада, который консолидированно выступил против России вопреки экономическим и другим издержкам текущего конфликта.

О роли междисциплинарного подхода в современных социальных исследованиях

По определению Б.Г. Капустина, междисциплинарность – это «метод исследовательской и педагогической работы, который интегрирует данные, инструментарий, приемы, концепции двух или более специализированных дисциплин с тем, чтобы продвинуть понимание фундаментальных проблем или ответить на вопросы, изучение которых выходит за пределы возможностей каждой отдельной дисциплины»². В какой-то мере определение междисциплинарности в качестве «метода» воспроизводит ту самую ограниченность, которую она и должна была преодолеть. В данном случае логичнее использовать термин «подход» или «способ мышления». Итак, междисциплинарность – это способ мышления (Б.Г. Капустин также использует выражения «саморефлексия науки», «новое состояние знания») или структура, которая предполагает другое расположение элементов: в ней место «методов», «данных», «инструментария», «концепций» и их взаимное соотношение может радикально меняться. Известный британский и американский антрополог В. Тернер полагал, что структура и антиструктура – это явления одного порядка, одной плоскости. Слом структуры не представляет собой победу антиструктуры: это появление чего-то из другой реальности, что сложно описать прежними означающими. Именно поэтому процесс слома трудно распознать. Он скорее ощущается интуитивно, однако выразить

¹ Капустин Б. Междисциплинарность открывает путь к новому состоянию знания. Коммерсантъ. 28.07.2017. (<https://www.kommersant.ru/doc/3367606>).

² Там же. Далее по тексту цитаты по проблеме междисциплинарности приведены из статьи, написанной на базе доклада Б.Г. Капустина в ВШЭ и опубликованной в «Коммерсантъ-наука».

эти ощущения непросто, поскольку адекватный язык описания еще не сформировался. Он появляется только тогда, когда результат слома становится очевидным [Turner 1974].

Характерно, что Б. Капустин, который основал свое определение на языке институционально закрепленной дисциплинарной структуры науки, также в своих рассуждениях движется в сторону разговора об иной структуре. В данном контексте обсуждение вопроса «междисциплинарность или внутридисциплинарность» утрачивает всякий смысл, поскольку иной способ мышления априори включает в себя возможность и необходимость совмещать методологии разных дисциплин.

Именно набор «методов», «инструментов», «концепций» формально организует дисциплинарные рамки в современных социальных науках, в то время как объекты и предметы изучения часто существенно пересекаются. Обращаясь к этимологии слова «дисциплина», Капустин подчеркивает, что его корни напрямую связаны с отношениями иерархии и власти: с субординацией по принципу «учитель-ученик» и «антитезисностью» (в терминах французского социолога П. Бурдьё), которая предполагает наличие высшего авторитета. Научная дисциплина – это в первую очередь социальный институт, который выполняет определенные функции. Формы его существования и принципы функционирования существенно изменились в эпоху модерна из-за «победы функционера над интеллектуалом» [Mills 1969, 156–160]. Наука трансформировалась еще сильнее в последние десятилетия. Социальные ученые, которые хорошо знакомы с этими изменениями, казалось бы, должны рефлексировать собственное поведение, но на практике в большинстве случаев этого не происходит. Некоторым исследователям не хватает способности выйти за дисциплинарные рамки, кто-то считает нецелесообразным подрывать устои направления, которое обеспечивает его работой.

Говоря о развитии социального знания, с одной стороны, мы имеем дело с институтами, с другой – с самим знанием, которое должно быть самоценным. «Каждый крупный прорыв в социальных науках за последнюю пару столетий начинался с дисциплинарной саморефлексии, протекал в тех или иных формах междисциплинарного синтеза и завершился появлением новой дисциплины или субдисциплины в старых дисциплинарных рамках», – пишет Б. Капустин. Автор выдвигает гипотезу о том, что междисциплинарность можно рассматривать как «особый эвристический момент в развитии старой или зарождающейся новой дисциплины». Однако каждая образовавшаяся таким образом новая дисциплина немедленно включается в институциональную конкуренцию за место в системе, становится участником конкурентной борьбы за отраслевые ресурсы.

Фундаментальные открытия совершают как раз тогда, когда новое знание еще не стало дисциплиной. Ключевые для социальных наук тексты были созданы вопреки нормам современного им научного дискурса. Более того, каждый из них, как правило, был революционным для своего времени и мультидисциплинарным. В предисловии к «Логико-философскому трактату» австрийско-британский философ Л. Витгенштейн писал: «Я потому не указываю никаких источников, что мне совершенно безразлично, думал ли до меня кто-либо другой о том, о чем думал я» [Витгенштейн 2005, 11]. Сегодня правила дисциплинарного научного дискурса не допускают такой подход, требуя перечислять (часто формально) предыдущие наработки по рассматриваемой проблеме. Многие великие тексты были написаны в условиях, когда подобная работа была физически невозможна (из-за отсутствия доступа к библиотечным ресурсам – например, в тюрьме), и именно такая ситуация определила их оригинальность и новизну³.

³ Так, итальянский философ А. Грамши в период своего тюремного заключения рассматривал проблему воспроизводства социального неравенства (в т. ч. на уровне повседневных практик) вследствие культурной гегемонии.

С появления нового направления начинается «педагогическая работа», направленная на организацию мышления учеников, в результате которой только самые независимые исследователи, не связанные экономическими и карьерными соображениями, позволяют себе оригинальные высказывания. Институционализация социальных дисциплин приводит к тому, что они начинают рекрутировать людей с полным отсутствием «социального воображения» (как выразился американский социолог Ч.Р. Миллс).

Важно также учитывать тот факт, что наука как институт окончательно сформировалась в Новое время именно в Европе. Академик А.В. Смирнов формулирует разницу между западной (субстанциональной) и арабо-мусульманской (процессуальной) «логиками смысла», полагая, что они основаны на принципиально иных онтологических и эпистемологических позициях, формирующих различные цивилизационные картины мира. Он считает, что «дух конкуренции» как одно из проявлений европейской «сущностной логики» вынуждает признать одну «культурно-обусловленную позицию за некую над-культурную и потому универсальную» [Смирнов 2019, 108]. Сложившееся положение дел, основанное на «протестантской этике» и определяющее «дух капитализма» [Вебер 2021], несет в себе «болезненное стремление к совершенствованию» [Смирнов 2019, 108]. В результате все, что не соответствует определенным канонам, подвергается отбраковке. Следуя междисциплинарной парадигме, можно обратиться к тем знаниям, которые наработали социальные психологи, и увидеть, что социальная конкуренция ощутимо влияет на поведение индивидов, которые удовлетворяют свои личностные потребности в научной сфере⁴.

Алгебра и философия – два разных способа описания реальности, которые существуют с древнейших времен. Однако, если линейная алгебра дает единый язык такого описания для точных наук, то философия лишь предлагает различные варианты онтологического обоснования для наук социальных. Многие из них признают ограниченную познаваемость мира и по-разному трактуют базовые для дальнейших построений сущности («бытие», «сознание»), сам процесс познания, а также имеют свой собственный набор аксиом – утверждений, которые принимают как не требующую доказательств данность и которые служат отправной точкой для дальнейших построений (см., напр.: [Glynos, Howarth 2007]).

Представители самых разных дисциплин социального знания все чаще требуют от коллег прояснять онтологические основы применяемых теорий и методов (см., напр.: [Бенхабиб 2003]). Однако возможно ли «истинное» знание в социальных науках, если эти основы в принципе различны (как различны и предлагаемые «картины мира»)? В результате начинают использовать критерий полезности: прикладное социальное знание, в отличие от фундаментального, вполне востребовано обществом. Такие дисциплины, как «маркетинг», «организационный менеджмент» и «проектный менеджмент» наиболее приближены к практике. Достижения фундаментальных отраслей социального знания очень часто игнорируют ради того, чтобы быстро решать насущные проблемы.

Таким образом прикладные дисциплины (и общество в целом) теряют очень многое, а менеджеры, обученные ограниченному набору моделей принятия решений и алгоритмов действия, используют эти знания, не понимая их возможностей и пределов. Учитывая, что наука стала своеобразной религией современного общества, такое положение дел может нанести существенный вред. В некоторых приведенных Б. Капустиным примерах междисциплинарных направлений («урбанистика», «международное развитие», «эколо-

монии правящего класса [Грамин 1991], и результаты его междисциплинарного анализа стали отправной точкой для очередного витка приращения социального знания.

⁴ Такое же положение дел существует и в других профессиональных сферах, функционирующих в жестких границах капиталистического разделения труда.

гия») прослеживается значительная связь с фундаментальным знанием (как и потребность утверждаться дисциплинарно). Однако чем более содержательно социальное знание, тем сложнее сформулировать его так, чтобы оно было понятно практикам и, соответственно, тем прозрачнее шансы, что оно будет использовано. Такая информация превращается в «гностическое» знание, доступное лишь «профессионалам». Указанная проблема хорошо изучена в социальных науках: например, Н. Луман, Ю. Хабермас и многие другие авторы говорили о коммуникации как о главной организующей силе общества.

Когда в основе методов и теорий лежат разные картины мира, складывается ситуация, в которой «спасти» репутацию социальных наук может только их взаимодействие вместо фактической конкуренции. Все чаще исследователи говорят о том, что любая дисциплина, теория, подход имеют свою логику, грамматику, оптику и аксиоматику, и это понимание очень важно. Позитивистская традиция нередко приводит к тому, что даже фундаментальные исследования в социальных и политических науках основной целью имеют подтверждение теории или применение метода [*Glynos, Howarth 2007; 127*]. Однако доказать или обосновать можно все, что угодно, даже если полученные результаты будут противоречить здравому смыслу. Чтобы исследования представляли собой нечто большее, чем интеллектуальные упражнения, они должны соответствовать минимальному требованию – прояснению исходных позиций.

В качестве выхода из этой ситуации постструктуралисты предлагают проблемно-ориентированный (*problem-driven*) подход (или «проблематизацию» в терминах Фуко). Он переклюкает фокус с онтологически опосредованных теорий и методов на анализ конкретных социальных проблем. Тогда объектом исследования становится именно проблема, которую конструируют как набор разрозненных эмпирических проявлений. В таком случае исследователь получает возможность выбирать из огромного перечня теоретического и методологического «инструментария» социальных наук, подбирать «оптику», изучая проблему на соответствующем уровне абстракции, сопоставлять логики исследования. Такой процесс требует междисциплинарной эрудиции и работы исследовательских групп, объединяющих представителей различных направлений. В данном случае происходит взаимное обогащение и исключены ситуации, при которых в рамках одной дисциплины значительные усилия уходят на то, чтобы теоретически осмыслить вопросы, давно описанные в других.

Также следует отметить, что в настоящее время определенную новизну исследований может обеспечить только сочетание нескольких междисциплинарных подходов. Так, например, при рассмотрении вопросов российской демографии (с использованием проблемно-ориентированного подхода) для теоретического обоснования предлагаемых мер необходимо исходить уже не из дихотомии двух междисциплинарных подходов (цивилизационный vs гендерный), а из комплексного локально-цивилизационно-гендерного мульти-междисциплинарного подхода. Очевидно, что не существует универсальных рецептов, пригодных одновременно, например, для российской и для китайской цивилизаций, поскольку последняя на порядок отличается по численности населения, и проблема его физического сохранения перед ней просто не стоит.

Гендерные аспекты российского проекта цивилизационного развития

В рамках «Российского проекта цивилизационного развития», который Институт философии РАН развивает с 2019 г., гендерной проблематикой занимается пионер этого направления О.А. Воронина, отдавшая теме около четырех десятков лет. В статье о «женском вопросе» применительно к цивилизационному развитию России исследовательница фактически сохранила универсалистский подход к гендерной проблематике, не приняв во

внимание особую логику смысла российской цивилизации, обусловленную спецификой ее исторических вызовов [Воронина 2021]. Такая особенность не случайна.

После дезинтеграции советской системы многие отечественные авторы взяли на вооружение категориальный аппарат западной социологии и политологии, не переосмысляя его. В 1980-е гг. российские ученые приобщались к гендерным исследованиям, уже развитым на Западе, но без критического осмысления западного опыта применительно к российской специфике⁵.

В 1990-х гг. в рамках новой политической системы наряду со свободой от идеологического диктата были утрачены многие социальные достижения советского периода. На первый план вышел круг проблем, далеких от вопросов, которые западные феминистки поднимали в своих работах. Последние создавались в условиях «государства благоденствия», которое сформировалось в ходе конкуренции капиталистических стран с альтернативной системой социализма.

В настоящее время в глобальной гендерной повестке доминирует самый радикальный вариант либерально-универсалистского дискурса. Методологический номинализм либеральной традиции (индивид рассматривается как атомизированная единица) последовательно избавлял его от различного рода коллективных идентичностей. Свобода – ключевая ценность либерализма – рассматривается как проект постепенного освобождения. Внутри западного мира ему исторически противостояла консервативная традиция, которая защищала коллективные идентичности (семья, партия, нация, церковь и др.) Либерализм со времен Дж. Локка связывает обретение свободы с достижением нравственной зрелости. Например, дети или душевнобольные не обладали ей в классической либеральной традиции, поскольку они не постигли (еще или вообще) нравственный принцип или «закон природы» с помощью божественного «светоча разума» [Локк 1988, 18–19, 21]. В классическом понимании свобода представляет собой, в первую очередь, способность к законодательству, что предполагает ответственность за последствия свободного выбора.

В российской логике смысла всегда превалировала соборная или холистическая традиция, обусловленная суровыми климатическими условиями и спецификой православия. В западном мире исторически она тоже была представлена. Согласно холистической установке (в философии берет начало от Аристотеля), целое качественно отличается от составляющих его частей, поэтому семью или нацию нельзя рассматривать как набор индивидов. Ради потребностей семьи человек часто поступает собственными эгоистическими интересами, во имя нации люди массово шли на смерть.

На Западе за Реформацией как процессом индивидуализации веры последовала постепенная секуляризация и атомизация. В результате индивиды освободились от «оков» последних коллективных идентичностей – гендерных. Брак в «цивилизованном мире» перестал быть союзом между мужчиной и женщиной. Количество изобретенных гендерных идентичностей в настоящее время составляет несколько десятков. Сексуальное просвещение детей, которое в школах «развитых стран» навязывают под лозунгом защиты прав ребенка, погружает еще незрелую личность в сексуальные переживания вместо нравственного становления.

Текущее наступление на традиционную семью на Западе было обусловлено определенной интерпретацией принципа свободы. Так, британский философ Дж.Ст. Милль в эссе «О свободе» оправдывал многоженство среди мормонов (несмотря на то, что был

⁵ Михантьева М. Разоблачить идеальную советскую семью: как исследовали гендерный вопрос в СССР. Forbes. 24.05.2022. (<https://www.forbes.ru/forbes-woman/466421-razoblacit-ideal-nuu-sovetskuu-sem-u-kak-issledovali-gendernyj-vopros-v-sssr>).

последовательным сторонником женского равноправия) свободным выбором женщины, которая сама предпочла такую форму брака [Милль 1900, 377]. Однако он не ставил вопрос о свободе выбора для девочки, воспитанной в семье мормонов. Из-за уравнивания статуса традиционной семьи и различного вида «новаторских» союзов (с возможностью для последних усыновлять и воспитывать детей), а также активной пропаганды экспериментирования с сексуальной и гендерной идентичностью быстрыми темпами возрастает приверженность нетрадиционным сексуальным отношениям. В реальности якобы «свободный» выбор во многом предопределен условиями воспитания и социализации. На Западе данную особенность хорошо понимают и широко используют практику изъятия детей из тех семей, которые не согласны с официальной политикой сексуального просвещения в школах. При выработке российской государственной политики по отношению к нетрадиционным союзам учитывалось, что толерантность не может простираться за пределы жизнеспособности общества. Избранная стратегия, с одной стороны, ориентирована на отказ от преследования девиаций, с другой – запрещает их пропаганду.

Политика наступления на традиционную семью, включая разделение феноменов биологического и социального пола и постулирование гендерного разнообразия (по аналогии с другими видами произвольно выбираемой идентичности – культурной, религиозной и т. д.) неразрывно связана с вопросами регулирования численности населения Земли, идеологией постгендеризма и трансгуманизма [Давыденко 2023]. Пандемия COVID-19 показала, как человек может легко лишиться возможности получить даже элементарную врачебную помощь. Нетрадиционная семья без дорогостоящих высоких медицинских технологий воспроизводить людей не может.

Западные гендерные исследования объективно противоречат интересам российского государства-цивилизации [Спиридонова 2022] и его попыткам решить демографическую проблему. Либеральный феминизм (как универсальная модель борьбы за эмансипацию) утверждает, что женщина – это прежде всего личность. Она должна свободно выбрать свое призвание – семью, карьеру, другие формы самореализации или совмещение этих сфер, а с любыми формами дискриминации необходимо бороться в том числе через квоты для лучшей представленности женщин на руководящих должностях, меры по выравниванию заработной платы и др. Существуют и другие версии феминизма – например, марксистская. Так, американский философ Н. Фрейзер пишет о «кризисе заботы», в различных формах присущем каждой из стадий развития капитализма. Процессы эмансипации непосредственно связаны с развитием капитализма: они позволяют превратить женщину в трудовую единицу, которой до определенного этапа борьбы с дискриминацией можно платить меньше за равный труд. Постепенное выравнивание ситуации в сфере оплаты труда позднее компенсируется тем, что для материального обеспечения семьи становится недостаточно одного работающего взрослого, супруги вынуждены содержать ее совместно. Либеральный феминизм трактует этот факт как экономическую неизбежность, а не как результат капиталистической гиперэксплуатации. Он не обсуждает проблему невозможности воспроизводства человеческого капитала в такой ситуации, которая вынуждает капиталистические страны черпать трудовые ресурсы из периферийных (с точки зрения развития капитализма и господства индивидуалистических ценностей) государств⁶.

Текущий «кризис заботы» – ситуация, при которой внутри семьи некому ухаживать за детьми и стариками – наблюдается не только в нуждающихся, но и во вполне благополучных семьях. Данное положение возникает из-за боязни упущенной выгоды, страха поте-

⁶ Fraser N. Contradictions of capital and care. *New Left Review*. July/Aug 2016. (<https://newleftreview.org/issues/ii100/articles/nancy-fraser-contradictions-of-capital-and-care>).

пять высокооплачиваемую работу: часто встречаются случаи, когда квалифицированные специалисты уезжают в роддом буквально из офиса, а после рождения оставляют ребенка с няней. Глобальное неравенство порождает свой «кризис заботы» и в менее развитых странах, поскольку женщины из стран периферии капиталистического мира едут на заработки в семьи более развитых государств в качестве нянь или сиделок, чтобы обеспечить своих оставшихся дома детей.

С точки зрения интересов российского цивилизационного государства, деторождение важнее личностной самореализации (хотя личностная самореализация включает и материнство) потому, что российская локальная цивилизация самая малочисленная. Для удержания территории необходима значительно большая численность населения, чем сейчас, так как в других локальных цивилизациях она гораздо выше⁷.

Следует отметить, что изыскания либеральных феминисток, поставившие под сомнение равные возможности советских женщин, не всегда можно было назвать объективными. Так, социологические исследования конца 1980-х гг. показывали, что зарплата женщин в позднем СССР была в среднем на 30% меньше мужской по причине их занятости в менее оплачиваемых сферах (медицина, образование, сфера обслуживания) (см.: [Воронина 1990, 361]). Очевидно, что значимую роль здесь играл диспаритет зарплат у квалифицированных рабочих и интеллигенции (первые зарабатывали больше, чем инженеры, врачи и учителя), а образовательный статус женщин в позднее советское время был выше, чем мужчин (среди них доля имеющих высшее образование была больше). В том случае, когда сопоставляемые группы выравнивали по уровню образования [Воронина 1990, 362], не учитывали тот факт, что женщины чаще мужчин оформляют больничный лист при болезнях детей, а также они реже задействованы в опасном или рискованном труде.

В особо провокационных случаях в пропагандистских целях опускали все средние звенья в цепи логических рассуждений. Так, например, неравноправное положение женщины в советской системе иллюстрировали тем фактом, что в 1980-е гг. женщина могла попасть в Афганистан в качестве военврача или медсестры, но не в качестве дипломата⁸ или генерала [Воронина 1990, 362]. Следует привести рассуждение полностью, восстанавливая пропущенные звенья логической цепи: 1) женщины такие же люди, как и мужчины; 2) равенство означает равный объем прав; 3) оно означает также и равный объем обязанностей; 4) это касается и исполнения воинского долга; 5) равное представительство женщин в армии должно иметь отношение ко всем уровням командования; 6) женщин в армии статистически мало, поскольку воинская повинность на них не распространяется; 7) женщины не представлены на уровне генералитета. Полная логика рассуждений не соответствует лозунгам борьбы за равенство полов.

За истекшие с этой публикации 30 с лишним лет ситуация с численностью женщин в армии существенно изменилась, поэтому они стали появляться на все более высоких уровнях командования. Так, в своем докладе «Социально-правовое положение и имидж военнослужащих женского пола РФ» на VII Международном женском конгрессе⁹ российский исследователь С.Л. Рыков привел данные по численности генералов женского пола в составе российских военизированных ведомств: МВД – 16 чел., Таможенная служба – 5,

⁷ См., например, интервью председателя наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Юрия Крупнова: В действующих стратегиях мы приговорены к исчезновению из истории. Завтра.ру. 14.06.2018. (http://zavtra.ru/blogs/v_dejstvuyushih_strategiyah_mi_prigovoreni_k_ischeznoveniyu_iz_istorii).

⁸ В дипломатической сфере существуют собственные правила. Прежде чем получить назначение в «благополучную» страну на высокий дипломатический пост, нужно поработать на рядовых должностях в трудных, проблемных, опасных точках планеты.

⁹ Состоялся 06.03.2023 г. в Общественной палате РФ.

Минюст – 4, Следственный комитет – 10, ФСБ – 1. Также он представил информацию о росте численности военнослужащих женского пола за последние годы, в том числе в составе десантных подразделений, танковых экипажей и других традиционно мужских военных специальностей – вплоть до летчиков-истребителей. Однако в целом конгресс прошел в духе либерально-феминистской повестки 30–40-летней давности. В частности, высказывались сожаления о том, что по количеству генералов-женщин Россия пока не «дотягивает» до уровня США, а также упоминались феномены «липкого пола» и «стеклянного потолка» (статистика опровергает данные штампы).

Приведем некоторые данные из выступлений докладчиков. Так, в РФ женщин по-прежнему больше среди лиц с высшим образованием (55%), но женщин-кандидатов (43%) и докторов (28%) наук меньше, чем мужчин. В то же время представленность женщин в российской науке (38%) выше, чем в мире в целом (33%). В сфере социального предпринимательства доля женщин достигает 98%, поскольку гибкий график занятости позволяет совмещать эту деятельность с материнством. В России женщины лидируют по представленности в муниципальных, административных (и т. п. исполнительных) органах власти, на государственной и гражданской службе (75%), в сфере образования (83%), здравоохранения и социальных услуг (80%). Как и 30 лет назад, они в большей степени работают в «традиционно женских» сферах. Объяснить такую динамику можно следующим фактом: это наиболее социально защищенные сферы в том смысле, что все они так или иначе связаны с государственным бюджетом. Кроме того, их проще совместить с материнством, в данных областях соблюдается трудовое законодательство, а рабочий день нормирован. Тем не менее, даже в них доля женщин-руководителей достигает лишь 40%, резко снижаясь с повышением уровня властных полномочий.

По мнению участников конгресса, малое участие женщин в руководстве свидетельствует о сохранении проблемы эмансипации. Отдельные вопросы, которые поднимала О.А. Воронина в 1990-м г., например, занятость женщин на физически тяжелых видах работ, уже не ставятся, хотя перегрузки летчика «Белого лебедя» вряд ли совместимы с репродуктивным здоровьем женщины.

В рамках обсуждения гендерной проблематики важнее рассматривать равенство возможностей, чем слепо защищать равенство прав. Такая ориентация не игнорирует объективную разницу между мужчинами и женщинами, не лишает ребенка психологического контакта с матерью. В то же время она позволяет женщине реализовать свой творческий и профессиональный потенциал, не отказывая себе в радости материнства.

Одновременно надо понимать о чем свидетельствуют вышеприведенные цифры: карьерный рост в его традиционном понимании и, например, сознательная многодетность – мало совместимые жизненные стратегии. На вышеупомянутом конгрессе прозвучала выразительная цифра: 66% опрошенных российских мужчин согласны заменить жену в декретном отпуске. Это свидетельствует о том, что в двух третях российских семей жены репродуктивного возраста сегодня являются более высокооплачиваемыми работниками, нежели мужа – настолько, что изменились традиционные паттерны поведения, согласно которым именно мать должна кормить и баюкать младенца, рассказывать ему сказки, передавая цивилизационный «культурный код». Медикам хорошо знакома ситуация невынашиваемости, которая ухудшается из года в год, а также постоянный рост количества кесаревых сечений, обусловленный тем, что у рожениц не развивается родовая деятельность. Главная причина такого положения дел заключается в том, что у женщины, занятой карьерой, не формируется так называемая «доминанта беременности».

Борьба за женское равноправие в его либеральном понимании во многом и порождает тот самый «кризис заботы», на который обращают внимание феминистки марксистской ори-

ентации. Доведенная до абсурда тема равенства полов приводит к разрушению межполовой гармонии, нежеланию создавать семью и росту количества однополых браков, в которых, по иронии судьбы, партнеры выполняют те же социальные роли, что в обычных союзах.

Выводы

Междисциплинарность способствует возвращению «здорового смысла» при решении текущих задач. Под здоровым смыслом подразумевается соответствие решений реальным проблемам, целям и контексту (конкретным культурно-историческим условиям). Такого результата можно достигнуть, во-первых, за счет «проблематизации» – подхода, при котором во главу ставится реальная проблема, а не теория или метод. Во-вторых, помогает анализ онтологических позиций, на которые опираются те или иные рассуждения или научные построения. Само понятие «здоровый смысл» имеет культурно-историческую обусловленность, что было неоднократно доказано (о различиях между пониманием «common sense» на уровне языковых конструкций в разных языках см., например [Грамыш 1991]). Пока же многие социальные ученые воспринимают принятый в формально-рационалистической западной логике «common sense» без должной рефлексии, к которой, казалось бы, обязывает имеющийся багаж знаний.

Здравый смысл позволяет, например, понять, что проблемы российской демографии нельзя решить чисто финансовыми механизмами. Необходимо учитывать, что физически крепких женщин, способных без ущерба для себя родить здорового ребенка, с каждым годом становится все меньше. Не все женщины, способные к воспроизводству населения, становятся матерями, поскольку они ориентированы на иные ценности или не имеют партнеров, стремящихся к деторождению.

Как показывает настоящая работа, слепая ориентация на универсалистские ценности при разработке стратегических документов цивилизационного государства противоречит тому, что можно обозначить как «здоровый смысл». Он подсказывает, что при формировании демографической политики в РФ нельзя ориентироваться на универсалистские штампы (неизбежность снижения индекса фертильности по мере модернизации общества, безальтернативность миграции как источника восполнения дефицита трудовых ресурсов и др.). Не следует стремиться достигнуть первых позиций в мире по численности генералов женского пола на душу населения, а следует предоставить возможность каждой российской женщине, которая на это нацелена, «вернуться в семью», причем сделать это на качественно ином уровне.

Рассмотрение этого вопроса в историческом контексте показывает, что стоящие перед государством в советские годы задачи по вовлечению женщин в народное хозяйство во многом определяли политические и идеологические решения. Сейчас перед российским государством стоят иные задачи, а технический прогресс постепенно приводит к тому, что часть трудоспособного населения остается незанятой. Соответственно, вместо борьбы за формальное равенство полов необходимо учитывать их объективные отличия, а также признать, например, что мать троих детей ежедневно выполняет большой объем работы – речь идет о почти круглосуточном труде. Когда же у детей имеются проблемы со здоровьем, такая деятельность становится несовместимой с другими видами занятости. Если перед российской наукой стоит задача развить системно-целостное представление об оздоровлении природы человека, направленное на сохранение женского и мужского начал и основанное на исторически выработанных нормах, что сохраняет возможность рождения новых поколений [Баркова 2022], то на уровне практической политики российского государства-цивилизации необходимо стимулировать рост «профессиональных родите-

лей». Соответственно, необходимо поднимать престиж рождения и воспитания детей, а не увеличивать квоты пропорциональной представленности женщин на всех уровнях власти.

В таком случае стратегия по решению демографической проблемы в России сможет выйти за рамки провозглашения значимости традиционных ценностей или выдачи «материнского капитала». Взамен она перейдет на уровень комплексной многоплановой семейной политики. Разработка таких действий потребует совмещать различные междисциплинарные подходы – в том числе локально-цивилизационный и гендерный. Последний из них пришел в отечественную науку в своем либеральном варианте и был воспринят социальными учеными без рефлексии. Его необходимо переосмыслить в русле традиционных для России ценностей, приняв во внимание неомарксистскую трактовку, направленную на создание подлинно социального государства. Без осознания угроз и правильной постановки задач по их преодолению Россия как общество и государство обречена на исчезновение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Баркова Э.В. (2022) Экофеминизм: есть ли потенциал в решении проблемы природы человека и сохранения экомира Земли? // В: Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов IX Международной научно-исследовательской конференции (г. Грозный, 9–10 декабря 2022 г.). Махачкала: Издательство АЛЕФ. С. 47–54.

Barkova E.V. (2022) Ekofeminizm: yest' li potentsial v reshenii problemy prirody cheloveka i sokhraneniya ekomira Zemli? [Ecofeminism: Is There a Potential for Solving the Problem of Human Nature and Preserving the Eco-World of the Earth?]. In: *Gumanitarnoye znaniye i dukhovnaya bezopasnost: sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauchno-issledovatel'skoj konferencii (g. Groznyj, 9–10 dekabrya 2022 g.)*. Makhachkala: ALEF. Pp. 47–54. (In Russ.)

Бенхабиб С. (2003) Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос. 350 с.

Benhabib S. (2003) *Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nyu eru* [The Claims of Culture. Equality and Diversity in a Global Era]. Moscow: Logos. 350 p. (In Russ.)

Вебер М. (2021) Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ. 352 с.

Weber M. (2021) *Protestantskaya etika i duh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Moscow: AST. 352 p. (In Russ.)

Витгенштейн Л. (2005) Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего». 440 с.

Wittgenstein L. (2005) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow: Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego». 440 p. (In Russ.)

Воронина О.А. (1990) Женский вопрос // В: СССР: демографический диагноз. Сост. В.И. Мукомель. М.: Прогресс. С. 351–373.

Voronina O.A. (1990) Zhenskiy vopros [Women's Issue]. In: *SSSR: demograficheskiy diagnost. Comp. by V.I. Mukomel*. Moscow: Progress. Pp. 351–373. (In Russ.)

Воронина О.А. (2021) Цивилизационное развитие России и «женский вопрос» (XV – начало XX века) // Проблемы цивилизационного развития. Т. 3. № 2. С. 83–101. DOI: 10.21146/2713-1483-2021-3-2-83-101

Voronina O.A. (2021) *Civilizacionnoe razvitie Rossii i «zhenskiy vopros» (XV – nachalo XX veka)* [Russian Civilization and the “Women's Question” (XV – Early XX Century)]. *Problemy civilizacionnogo razvitiya*. vol. 3, no. 2, pp. 83–101. DOI: 10.21146/2713-1483-2021-3-2-83-101 (In Russ.)

Грамши А. (1991) Тюремные тетради. В 3-х ч. Ч. 1. М.: Политиздат. 560 с.

Gramsci A. (1991) *Tyuremnye tetradi. V 3-kh ch.* [Prison Notebooks. In 3 Vols]. Vol. 1. Moscow: Politizdat. 560 p. (In Russ.)

Давыденко Э.Н. (2023) Технологии конструирования гендера как угроза планомерного разрушения естественно-исторической родовой идентичности человека: дискурс и практика // В: Экология человека в современных трансформациях исторического времени: монография. Науч. ред.: Э.В. Баркова. М.: РУСАЙНС. С. 109–113.

Davydenko E.N. (2023) Tekhnologii konstruirovaniya gendera kak ugroza planomernogo razrusheniya estestvenno-istoricheskoy rodovoy identichnosti cheloveka: diskurs i praktika [Gender Construction Technologies as a Threat of Planned Destruction of Human Natural-Historical Generic Identity: Discourse and Practice]. In: *Ekologiya cheloveka v sovremennykh transformatsiyakh istoricheskogo vremeni*. Ed(s): E.V. Barkova. Moscow: RUSAYNS. Pp. 109–113. (In Russ.)

Данилевский Н.Я. (2018) Россия и Европа. М.: Алгоритм. 560 с.

Danilevsky N.Ya. (2018) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Algorithm. 560 p. (In Russ.)

Ильинская С.Г. (2021) «Цивилизация» как локальный феномен: начальный этап теоретического осмысления понятия // Общественные науки и современность. № 6. С. 119–134. DOI: 10.31857/S086904990014931-6

Ilyinskaya S.G. (2021) «Civilizaciya» kak lokal'nyj fenomen: nachal'nyj etap teoreticheskogo osmysleniya ponyatiya [“Civilization” as a Local Phenomenon: The First Stage of Theoretical Study]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 6, pp. 119–134. DOI: 10.31857/S086904990014931-6 (In Russ.)

Ильинская С.Г. (2023) Парадоксы толерантности и терпимости: западный и российский опыт // Международный журнал «Свободная мысль». № 3. С. 73–88.

Ilyinskaya S.G. (2023) Paradoks tolerantnosti i terpimosti: zapadnyj i rossijskij opyt [Paradoxes of the Tolerance: Western and Russian Praxis]. *Mezhdunarodnyy zhurnal “Svobodnaya Mysl”*. no. 3, pp. 73–88. (In Russ.)

Капустин Б.Г. (2008) «Цивилизация» как идеологический конструкт // Русский журнал. № 3. С. 150–154.

Kapustin B.G. (2008) «Civilizaciya» kak ideologicheskij konstrukt [“Civilization” as an Ideological Construct]. *Russkij zhurnal*. no. 3, pp. 150–154. (In Russ.)

Локк Дж. (1988) Опыты о законе природы // В: Сочинения в трех томах. Т. 3. М.: Мысль. С. 3–53.

Locke J. (1988) Opyty o zakone prirody [Experiments on the Law of Nature]. In: *Sochineniya v trekh tomah*. Vol. 3. Moscow: Mysl'. Pp. 3–53. (In Russ.)

Луман Н. (2004) Общество как социальная система. М.: Логос. 232 с.

Luman N. (2004) *Obshchestvo kak social'naya sistema* [Society as a Social System]. Moscow: Logos. 232 p. (In Russ.)

Милль Дж.Ст. (1900) О свободе // В: Утилитарианизм. О свободе. СПб: Издание книгопродавца И.П. Перевозникова. 427 с.

Mill J.St. (1900) O svobode [On Freedom]. In: *Utilitarianism. O svobode*. Saint-Peterburg: Izdanie knigoprodavca I.P. Perevoznikova. 427 p. (In Russ.)

Смирнов А.В. (2019) Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Садра»; Издательский Дом ЯСК. 216 с.

Smirnov A.V. (2019) *Vsechelovecheskoye vs. obshchechelovecheskoye* [All-human vs. Universal]. М.: ООО «Sadra»; Izdatel'skij Dom YASK. 216 p. (In Russ.)

Спиридонова В.И. (2022) «Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке // Общественные науки и современность. № 3. С. 116–127. DOI: 10.31857/S086904992203008X, EDN: EXSDPE

Spiridonova V.I. (2022) «Gosudarstvo-civilizaciya» kak novaya formula sushchestvovaniya v XXI veke [“Civilization-State” as a New Formula of Existence in the XXI Century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 3, pp. 116–127. DOI: 10.31857/S086904992203008X, EDN: EXSDPE (In Russ.)

Фуко М. (2002) Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Пер. с франц. С.Ч. Офертас. Ред.: В.П. Визгин, Б.М. Скуратов. М.: Праксис 388 с.

Foucault M. (2002) *Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews]. Translation from French: S.CH. Ofertas. Ed(s): V.P. Vizgin, B.M. Skuratov. Moscow: Praxis. 388 p. (In Russ.)

Glynos J., Howarth D. (2007) *Logics of Critical Explanation in Social and Political Theory*. Routledge Innovations in Political Theory. Routledge. 264 p.

Mills C. Wright. (1969) *The Rise of the Technician // In: White Collar: The American Middle Classes*. New York: Oxford University Press. Pp. 156–160.

Turner V.W. (1974) *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. Harmondsworth. 232 p.

Информация об авторах

Ильинская Светлана Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель Сектора философских проблем политики Института философии Российской академии наук. Адрес: 109240, Россия, Москва, Гончарная ул., д. 12, стр. 1. E-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

Сирина Екатерина Артуровна, магистр социологии, соискатель сектора философских проблем политики Института философии Российской академии наук. Адрес: 109240, Россия, Москва, Гончарная ул., д. 12, стр. 1. Социолог, ГБУЗ «Городская клиническая больница № 52 Департамента здравоохранения Москвы». Адрес: 123182, Россия, Москва, ул. Пехотная, д.3. E-mail: ekasirina@gmail.com

About the authors

Svetlana G. Ilinskaya, Candidate of Political Science, Leading Research Fellow, Department of Philosophy Problems of Politics, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPh RAS). Address: 127005, Russia, Moscow, Goncharnaya Street, 12-1. E-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

Ekaterina A. Sirina, Master of Sociology, Postgraduate Student, Department of Philosophy Problems of Politics, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPh RAS). Address: 127005, Russia, Moscow, Goncharnaya Street, 12-1. Sociologist, City Clinical Hospital No. 52 of the Moscow Health Department. Address: 123182, Russia, Moscow, Pehotnaya st., 3. E-mail: ekasirina@gmail.com

Статья поступила в редакцию/ Received: 13.03.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 27.04.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 25.08.2023